

ЧЕТКИ

1-2

2011

ЛИТЕРАТУРНО-ФИЛОСОФСКИЙ ЖУРНАЛ

Али Моаззени. **Отношения в иранском стиле** • Хосроу Шахани. **Рассказы** • Николай Добронравин. **История Африки и народный ислам в литературе хауса: «Песнь о чудесах Дан Хава»** • Ефим Резван. **Восточный Фаберже** • Анастасия Ежова. **Русский ислам: среды, мотивы, тенденции и перспективы** • Галина Бабиц. **Противостояние: «этнические» против русских** • Игорь Алексеев. **Русский ислам между теологией и историей** • Анжелика Победоносцева. **CHERCHEZ L'НОММЕ** • Николай Ткачев. **Предали веру предков...** • Ахмад Макаров. **Русские мусульмане в истории России** • Анна Долинина. **Русские переводы Корана. XX век**

ЧѐТКИ

ЧЕТКИ

ЧЕТКИ 1–2 (II–I2) 2011

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА

Главный редактор: *Беккин Ренат Прикович*
Заведующий отделом литературы стран Зарубежного Востока:
Башарин Павел Викторович
Редактор: *Орлова Ольга Юрьевна*
Корректор: *Конькова Александра Александровна*
Разработка серийного оформления:
Кагаров Эркин Медатович
Верстка: *Чеботарев Сергей Николаевич*

ИДЕЯ Льва Николаевича Толстого

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:

ООО «Издательский дом Марджани»

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

117997, г. Москва, ул. Вавилова, д. 69.

Тел.: +7(495) 234-04-79

e-mail: chetky@mardjani.ru

www.mardjani.com

ИНТЕРНЕТ-ВЕРСИЯ: www.chetky.ru

Журнал «Четки» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций, связи и охране культурного наследия. Свидетельство ПИ № ФС77-28954

ISSN 2070-2205

Редакция не предоставляет справочной информации и не несет ответственности за достоверность информации, опубликованной в рекламных объявлениях. Рекламуемые товары и услуги подлежат обязательной сертификации. Перепечатка материалов, опубликованных в журнале «Четки», а также на сайте www.chetky.ru, допускается только с письменного разрешения редакции.

Продажа по подписке.

Тираж: 1000 экз.

Цена свободная.

© ООО «Издательский дом Марджани»

В номере использованы изображения:

Обложка: Тарлан Горчу. «Танец Дервиша».

Стр. 7: Миниатюра. Иран, середина XVII в.

Стр. 69: Миниатюра из рукописи. Иран, ок. 1600 г.

Стр. 75: Лист из рукописи Джами «Тухфат ал-ахрар».

Бухара, 1564 г. *Стр. 101:* Лист из рукописи. Художник

Мухаммад Касим. Иран, первая треть XVII в.

Стр. 162: Миниатюра из рукописи Джами «Субхат ал-

абрар». Иран, 1540-е гг.

© Suleiman Collection

Фонд Марджани

Содержание

- 4 **ОТ РЕДАКЦИИ**
-
- 7 **ПИЩА СЕРДЕЦ**
8 *Али Моаззени. Отношения в иранском стиле*
Перевод с персидского *А. Андрюшкина*
40 *Дж. Дорри. О Хосроу Шахани*
41 *Хосроу Шахани. Рассказы*
Перевод с персидского *Дж. Дорри*
-
- 69 **БЕСЕДА ПТИЦ**
70 *Николай Добронравин. История Африки и народный ислам*
в литературе хауса: «Песнь о чудесах Дан Хава»
72 *Песнь о чудесах Дан Хава*
Перевод с хауса *Н. Добронравина*
-
- 75 **ЧУДЕСА СТРАН**
76 *Ефим Резван. Восточный Фаберже*
-
- 101 **ТОЛКОВАТЕЛЬ СТРАСТЕЙ**
102 *Анастасия Ежова. Русский ислам: среды, мотивы, тенденции*
и перспективы
126 *Галина Бабич. Противостояние: «этнические» против русских*
136 *Игорь Алексеев. Русский ислам между теологией и историей*
142 *Анжелика Победоносцева. CHERCHEZ L'HOMME*
147 *Николай Ткачев. Предали веру предков...*
150 *Ахмад Макаров. Русские мусульмане в истории России*
-
- 162 **НИША СВЕТА**
163 *Анна Долинина. Русские переводы Корана. XX век*
-

ОТ РЕДАКЦИИ

Драгоценный читатель!

Современные иранские авторы стали частыми гостями на страницах нашего журнала. Этот номер открывает психологический роман Али Моаззени «Отношения в иранском стиле» – о молодых супругах: иранце и американке, приехавших в Тегеран в разгар Исламской революции. Мы наблюдаем за происходящим глазами двух представителей разных культур, которым посчастливилось стать современниками великих событий.

Тематика Исламской революции буквально пронизывает работы некоторых русских мусульман, которым мы и посвящаем данный номер «Чётки». В частности, приход в Единобожие Анастасии (Фатимы) Ежовой, сторонницы левых взглядов, во многом состоялся благодаря пламени, зажженному в сердцах верующих имамом Хомейни. Искры этого пламени, обжигающего руки непосвященных, донес до своих учеников мыслитель-самородок Гейдар Джемаль. Ему удалось организовать вокруг себя группу московских студентов-интеллектуалов, впитавших вместе с молоком философии Джемалья и ее первооснову – ислам.

Однако, как это нередко случается в жизни, ученики оказались строже и последовательнее своего учителя в реализации на практике приобретенных знаний. Впоследствии большая часть группы Джемалья разошлась с ним во взглядах. Это обстоятельство, впрочем, не привело их к отпадению от ислама.

Практически все ученики Гейдара Джахидовича стали известными в узких кругах мусульманскими общественными деятелями. Однако было бы неверно считать, что все русские мусульмане вышли из «шинели» Джемалья. Подавляющее большинство их жило и продолжает жить своей жизнью, не заявляя о своих религиозных и политических взглядах в публичном пространстве.

Мы практически ничего не знаем о них. У каждого из них свой путь к вере. В мечети их не всегда отличишь от светловолосых татар. На улице в шумном городе их можно узнать разве что по спокойному, устремленному в Будущее взгляду. Одним из таких мусульман является Николай Ткачев, который в своем коротком материале «Предали веру предков...» пишет о логичности и обоснованности выбора современными русскими ислама в качестве путеводной звезды. Ошибка князя Владимира дорого обошлась России, считает автор, сейчас пришло время исправить ее.

В отличие от Ткачева, большинство других наших авторов в большей степени уделяют внимание анализу взаимоотношений русских мусульман с представителя-

ми российских народов, традиционно исповедующих ислам, а не вопросу о роли и значении ислама в истории России. При этом практически все авторы статей вольно или невольно подчеркивают «особость», «инаковость» русских, принявших ислам, их отличие от других правоверных – прежде всего тех, кого принято именовать «этническими» мусульманами, или мусульманами по рождению. Некоторые детали этого во многом искусственного противостояния освещены в эмоциональном очерке Галины (Айши) Бабич «“Этнические” против русских», а также в текстах Анастасии (Фатимы) Ежовой и Анжелики Победоносцевой.

Признаться, не со всем, изложенным Галиной (Айшой) Бабич и другими авторами, мы готовы полностью согласиться. Гораздо ближе нашему сердцу позиция, сформулированная нашим коллегой-исламоведом, хорошо знающим ислам как изнутри, так и снаружи, – Игорем Алексеевым.

«“Этнический” ислам мусульманских народов России, – пишет Алексеев, – сколь косными ни казались бы его отдельные проявления начитанным в ницшеанстве и экзистенциальной философии, потерянными в постмодерне русским интеллектуалам, достоин внимания ищущих истинного пути как исторический опыт (не образец, а именно опыт – с достижениями и провалами, правоверием и заблуждением, праведными деяниями и грехами) – практики ислама в конкретно-исторических условиях этой страны. И именно этот исторический опыт был и остается подлинным русским исламом, и только он им и будет – вне зависимости от этнических компонент этого сообщества».

Игнорирование некоторыми русскими мусульманами более чем тысячелетнего опыта бытования ислама на территории нашей страны и в самом деле может привести их в никуда. Вливание в разноязыкую семью народов, исповедующих ислам, не означает автоматического отказа русских мусульман от собственных корней. Это лишь шаг навстречу своим братьям по вере, результатом которого неизбежно должно стать взаимное обогащение представителей разных народов и культур. Тем более что прежде так и происходило, как следует из исторического эссе, написанного нашим постоянным автором Ахмадом Макаровым.

Макаров утверждает, что принятие русскими ислама имело место и в прежние эпохи, начиная с домонгольской Руси, и не было единичным, из ряда вон выходящим событием. Что заставляло этих людей менять религию, мы, наверное, уже никогда не узнаем, но одно представляется нам несомненным: изучение опыта первых русских мусульман еще ждет своего беспристрастного исследователя, для которого истина выше любых национальных и конфессиональных ограничений.

Мы сознательно не стали говорить о причинах, побудивших русских мусульман прийти в Единобожие. В какой-то степени ответ на этот вопрос дает их творчество, достаточно широко представленное на страницах нашего журнала. Приход в ислам нередко является результатом самостоятельного интеллектуального поиска, знакомства со священными текстами разных религий.

Значительное число русских мусульман пришло в Единобожие после прочтения Корана – причем, как правило, не на языке оригинала, а на родном языке. В этой

связи большую роль играет то, с каким именно переводом происходит знакомство будущего неопита. В научно-популярной статье ученицы академика И.Ю. Крачковского Анны Аркадьевны Долининой рассматриваются особенности переводов Корана на русский язык, выполненных в XX столетии. Среди авторов этих переводов были как русские, так и «этнические» мусульмане. Хочется верить, что эта статья будет полезна тем, кто не имеет возможности ознакомиться с текстом Откровения в подлиннике.

Ренат Беккин

Пища сердец

ОТНОШЕНИЯ В ИРАНСКОМ СТИЛЕ

Али Моаззени*

ПЕРЕВОД С ПЕРСИДСКОГО А. Андрюшкина**

Рэнди

● ● ● Почему, чем ближе мы подлетаем, тем больше я чувствую себя не корреспондентом, прибывающим в Иран, но женой Мехрдада? Это странно, это ново, и это меня волнует. Еще недавно все было на своих местах: работа, муж, отец, мать. Я им доказывала, им обоим, прямо как адвокат: важно иметь достоинство. А что касается работы корреспондента, с чего вы взяли, что она может быть банальной? Ни одну работу нельзя считать заурядной или недостойной: работу надо доводить до конца. А в нашем деле банальность исходит от нас самих. Отец сказал: «Именно по этой причине я и говорил: хорошо бы, если бы ты поняла важность адвокатского дела и выбрала специальность адвоката. Ведь я это вижу в тебе, как спокойно ты убеждаешь суд присяжных, так же, как ты убедила меня с матерью».

Мама сказала: «Ну и на здоровье, раз ей больше нравится профессия журналиста, чем адвоката...»

...Стюардесса спросила:

– Вам что-нибудь принести?

– Воды, пожалуйста.

...Ни один из них не возражал против того, что я уклоняюсь от уплаты налогов. А зарплату получаю. Ни один из них. Ни Роберт, ни Роджер, ни Скотт, ни Пол, ни этот непонятливый ирландец. Не помню, как его звали? Не важно. И никто из остальных. Мехрдад в этом смысле не отличается от них. Мне нравится его самолюбие. Эти мужчины, чьи имена крутятся у меня в голове, они – не больше чем надпись мелом на доске. Ничего не значат. И если я повторяю их имена, то лишь для того, чтобы ты в глазах моих стал выше. Я мысленно унижаю их для того, чтобы ты в моем сердце обрел еще большее значение. Эту фразу надо записать.

* Али Моаззени (р. 1958) – иранский прозаик, кинодраматург, автор более десяти книг прозы, среди которых наибольшую известность получили: «Отношения в иранском стиле»; «Встреча солнечным вечером» (признан «Романом года» в 1997); «Шестое путешествие»; «Четыре времени года»; «Воплощение» («Зохур», признан «Романом года» в области литературы о войне в 1999); «Квартира». Среди наиболее известных сценариев А. Моаззени: «Малика» (2001) – фильм-биография матери двенадцатого шиитского имама.

** Александр Павлович Андрюшкин (р. 1960) – переводчик с фарси. Один из авторов перевода романа «Три взгляда на человека, пришедшего из неизвестного» Надера Эбрахими (журнал «Четки», № 2, 3, 4, 2009), автор перевода повести «На коврикатской фабрике» Хушанга Муради Кермани, сборника «Солнце веры» четырнадцати современных исфаганских авторов, романа «Исмаил» Амира-Хосейна Фарди (М.: Исток, 2010), повести «Осень в поезде» Мухаммада-Казема Мазинани (журнал «Иностранная литература», № 5, 2010).

– Пожалуйста, вода.

– Спасибо.

– Вы не спите?

– Мне хорошо.

...Я мысленно унижаю их для того, чтобы ты в моем сердце значил еще больше. Все поменялось местами, и я даже не мыслю встречи с ними лицом к лицу. Сейчас я пью этот глоток за здоровье тебя, возвращающегося в страну, в которой ты родился. А я удаляюсь от страны, в которой я родилась. Ты возвращаешься в край, который знаешь, а я лечу в край, которого не знаю. Знание настолько же прибавляет тебе сил, насколько мое незнание увеличивает мою слабость. Но мне не страшно, потому что ты знаешь дорогу, и я чувствую полную уверенность. С этой уверенностью я укрепляла дух отца и матери, говоря, что да, правильно, в Иране сейчас большие беспорядки, и именно американцы больше, чем кто-либо еще, находятся под угрозой, но не будем забывать, что я еду туда с мужем-иранцем, а это как в бронированном автомобиле. Ни одна пуля не попадет в меня.

Отец усмехнулся: «Даже меня ты этим не успокоишь, что уж говорить о твоей матери!»

После этого взяла слово мама. И у меня сердце заболело от жалости к ней. Не рановато ли? Она сказала: «Ну хорошо, ты журналист. Но разве ты не слышала, что каждый день несколько иранцев умирают от пуль? И Мехрдад как иранец отнюдь не находится в безопасности, а уж что говорить о тебе!»

Я сказала: «Почему вы не слушаете меня? Я американка, кроме того – американский корреспондент, кроме того – корреспондент одного из самых влиятельных агентств Америки. Со стороны иранского режима я вне опасности».

Мама спросила: «А со стороны иранского народа? От них ты тоже в безопасности? Об антиамериканских настроениях ты не знаешь? Не слышала, что за короткое время убито несколько американцев?»

Отец протянул мне руку. Я сжала ее. Он сказал: «Рэнди, ты – это все, что у нас есть. Останься с нами. Уйди от Мехрдада. Я сам с ним все урегулирую...»

– Папа!

– Это удивительно, что отец не хочет расставаться с дочерью?

– Новости, которые приходят из Ирана, настолько важны, что я не могу отказаться от поездки.

Он пожал плечами, и мускулы его лица так напряглись, что я поняла: он понял, что спорить бесполезно. Он налил себе виски и выпил залпом. Налей мне тоже. Главное, выпьем за здоровье всех. Какая жажда нас сжигала! После которого стакана это было? Мы обнялись и запели. Теперь я понимаю, что это было от тревоги за будущее... Обрати внимание: если я их покидаю, то не оттого, что я их не люблю, я как раз их очень люблю, я без них свою жизнь не могу представить. Дело в том, что с тобой я получила новый опыт, дело в том, что ты тем вниманием, которое ты мне оказываешь, поднял мою гордость до высшего уровня, а если у человека все в порядке с гордостью, то так же будет и с другими делами. Кожа у меня светлая. Волосы тонкие. Тело пропорционально, сто семьдесят два сантиметра рост при весе между шестьюдесятью шестью и шестьюдесятью восемью. При этом – красота, которая удивляет и

притягивает взгляды каждого мужчины, и меня наполняет радостью то, что я могу с полной гордостью называть себя твоей женой; это делает ненужными для меня всех мужчин, но вместе с тем мне все-таки очень нужно твое внимание... Проснулся бы он и прочел мне стихи, с этими их ритмичными бейтами, похожими на его скромный и возвышенный дух, и всегда насыщающими меня той же уверенностью, которая возникает от доверия к тебе. То же я и Дэвиду говорила: послушай, эта ситуация касается только меня, и я не даю разрешения вмешиваться в мои дела... Он говорил: «Вот опять ты ввязалась неизвестно во что».

Я сказала:

– Я ввязалась в дела Ирана, именно потому, что там сейчас центр новостей.

– У нас сейчас там достаточно народа, – сказал он.

– Хорошо, я буду еще одна, – сказала я, – но не забудь, что я еду туда с мужем. Скажи мне, разве каждый из ваших корреспондентов имеет это преимущество?

– В нашем деле не это определяет, – заметил он.

– Ты одобри мою поездку, тогда и увидишь, что определяет, а что нет.

Он улыбнулся и пристально посмотрел на меня. Спросил:

– Ты точно хочешь ехать?

– Я всегда крайне интересовалась Востоком, – ответила я, – а сейчас, когда сложились обстоятельства, – в тысячу раз больше, чем препятствий на моем пути.

Он опустил голову.

– Этот парень понимает, насколько ему повезло? – отошел к окошку и встал спиной ко мне. Произнес: – Здесь без тебя будет совсем не то. – И подошел, сел на стол ко мне лицом. В этом своем галстуке красивой расцветки – у него всегда такие красивые галстуки. Я сказала:

– Ага, так вот в чем твоя трудность.

– При том, что я чувствую сомнения относительно твоей поездки, – сказал он, – я желаю тебе удачи.

Я улыбнулась:

– Значит, ты утверждаешь командировку?

– При одном условии, – сказал он. – Что ты в самой худшей ситуации будешь думать о Дэвиде. Что, где бы Дэвид ни был, всегда рядом с ним будет зарезервировано свободное место на твое имя.

Я улыбнулась от сознания того, что он друг, которому можно довериться, хотя он и не доверяет Мехрдаду.

Он взял мою руку. Сказал:

– Не протестуй, Рэнди. Ничего не говори. Если не поедешь, мне будет так тепло, что я вынесу все.

Запах его тела, смешанный с запахом одеколона, который всегда вызывал у меня хорошее настроение, вдруг убедил меня, и я ослабела: во имя трех людей я расстанусь с Мехрдадом, потому что с географической точки зрения его страна, да, в Западной Азии, далеко, и я бы осталась, если бы Дэвида мне было достаточно, если в этот миг ты сказал бы: да, детка, останься, твердо и окончательно, сказал бы решительно... Что мне оставалось бы при тысяче раз повторенном эхе твоего голоса и голосов отца и матери, наполнявших мой слух?.. И тогда этот худенький мальчик

Мехрдад полетел бы один по своему назначению в Западную Азию, и, быть может, если бы в этот миг не зазвонил телефон...

– ...Простите, вы не захотели пить воду?

– Не знаю. Наверное, хочется чего-то другого.

Она улыбнулась и кивнула на Мехрдада. Я усмехнулась. Положила руку на руку Мехрдада. Спросила:

– Сколько точно еще осталось лететь?

– Четыре часа, – ответила она.

Я сказала:

– Я очень волнуюсь.

Улыбаясь, она отошла. Я положила голову на плечо Мехрдада. Такой крепкий сон для него необычен. Но вот посмотри: ради тебя я оставила этих трех людей...

...Отец сказал: «Я уверен, что ты летишь из упрямства».

...Хоть бы он проснулся и поговорил со мной об Иране. Совсем иное внимание будет сейчас твоим словам об Иране. Сейчас мне нужно, чтобы ты рассказал о гостеприимстве твоего народа и тихо шепнул бы мне на ухо: эй... ну пожалуйста... пожалуйста... пожалуйста... Он как солнце, которое делает кровь Востока такой горячей. Ласковый и любящий, хотя иногда грубый, но общее его состояние – быть любящим и таким оценивающим, чего я ни у кого другого не видела... Так пожалуйста... пожалуйста... пожалуйста... пожалуйста...

МЕХРДАД

...В довершение всех приятных вещей высокая стюардесса с таким красивым лицом, что захотелось ей сказать: принесите что-нибудь по вашему выбору, потому что, знаете, милая госпожа стюардесса, я и хочу кушать, и не хочу. Попить было бы лучше, а жевать нет настроения, голова кружится, и удивительное желание поплавать в той воде, которую вы принесете...

...Рэнди глубоко вздохнула и повозила головой на моем плече. Заснула со стаканом в руке. А в нем вода! И следы помады на кромке. Стакан вынул из ее руки и немного отпил. Не понравилось. Теплая. Холодненького бы...

– ...Теперь она заснула, а вы не спите. Чего-нибудь желаете?

Если бы Рэнди не заполняла мои глаза и сердце, я бы ответил: тебя желаю. Сказал:

– Тоник, пожалуйста.

– Тоник?

– Тоник.

Улыбнулась и отвернулась.

– Если не трудно, этот стакан...

– Бросьте в контейнер.

– Ага... Хорошо.

...Почему удивленно переспросила: «тоник»? Действительно ждала, что я скажу – «тебя»?.. Мне жаль, потому что и ты будешь перемолота, как были другие женщины, и я, который так хорошо узнал одну из них, в вас, женщинах, чего искал?.. Эта спо-

способность, больше чем у кого-либо еще, есть у Рэнди. Да, все они были кормилицами, только вот без молока, но ведь и у тебя к ним не было любви. До тех пор, пока не появилась Рэнди и не положила голову на мой вонючий комбинезон – из любви к бездомному, почти, можно сказать, – к сироте. К поэту! Я всегда повторяю, что мне не хватает слов. Может быть, поэтично то, что ты меня считаешь поэтом, – моя невинность в детские годы, моя житейская неустроенность и оторванность от матери, отчего я и пришел к горестной поэзии...

– Пожалуйста.

– Спасибо.

...Неужели и в этой красоте, столь плавно и грациозно удаляющейся, имеется цвет и запах материнства? Кто заказывал вишневый напиток? Но он получен из рук нежной женщины, не имеющей желаний материнства, и я готов предположить, что ее женские качества по сравнению с Рэнди – выдающиеся. Отопью глоток. Соломинка издала звук, да такой громкий, что я подумал, Рэнди проснется. Да, это та самая соломинка, которая жаловалась Джалаладдину Руми на одиночество. И Хафизу. И высокочтиму Саади. «Голестан», «Бустан», папочка, клянусь Богом, я не обманщик... Да, восемь лет я был далеко, но сердце мое рвется к вам. Как я жалел, что не учил наизусть ваши стихи, за что и получал низкие отметки, а потом на чужбине слушал каждый вечер эти шушуканья на иностранном языке, в спальне школы-пансиона Рэндольфа Мейкона, и плакал по вашему родному языку. Там я только и мог заснуть, если перед сном открывал словарь, чтобы в моем смятенном сознании пошел парадом наш алфавит, и я как бы преобразался в эти слова, напоминая себе, что я все-таки иранец... Я, глядя на лицо любого из них, понимал: нет, я чужой в этом заведении с табличкой «Школа Рэндольфа Мейкона» на фасаде в этой Богом забытой гористой местности, где я так далеко от отца и матери, причиной этому – военная выучка моего отца, который хотел, чтобы Мехрдад поступил в военное училище, по его собственному примеру, а то, что я здесь бьюсь головой об стенку от тоски, потому что мои американские одноклассники живого места на мне не оставили, ни один из них ничего не знает об Иране, некоторые и названия такого не слышали, и это было так унижительно, что я бывал на грани того, чтобы сказать: все, прах на голову, путешествие кончено, пишу письмо отцу. Мол, бросай шапку в воздух и торжествуй, потому что в городе Форт-Ройал, штат Вирджиния, никто знать не знает о твоей стране, но ты гордись собой, что отправил сына на этот край света, где господствует над всем вонища ткацкой фабрики, отчего люди задыхаются, это вроде запаха серы, который здесь все вынуждены терпеть, а ведь так не пахло ни от одного американского фильма, и мы думали, что борьба, то есть то, где ты бьешь и где тебя бьют, происходит как бы не снимая шляпы, отец думал, что учеба моя тоже как бы продлится не более часа-полтора американского фильма, он, мол, только успеет очистить апельсин или скушать горсть семечек, и вот уже Мехрдад возвращается домой. Но если дикий козел в этих американских горах вдруг присоединится к команде альпинистов, получится ли совместный поход? Мне даже не привыкнуть было к этой серной вонище, которая была частью этого города – его стен и дверей, деревьев и облаков. Эрик сказал: пахнет говном, «shit», и я запомнил

и повторил: «говно», а они смеялись над моим произношением, и Эрик не отставал и, как меня увидит, так в подражание мне повторяет: «говно», это заметили и подхватили и, как меня увидят, говорят: «говно», а те, кто не знал, откуда это пошло, думали, что это мое прозвище, потому-то я изящную фарфоровую вазу с торчащими из нее сухими стеблями пшеницы кинул в голову Эрику прямо на глазах команды баскетболистов, в которой он был форвардом. Он отскочил. Я бросился на него, но тут учитель физкультуры громко засвистел в свисток. Страх в глазах Эрика я заметил, однако он снова сказал «говно», и это в последний раз, не он, а все, с моим достоинством вопрос был решен. Чарльз тоже парень хороший, и доверять ему можно было, но вот терпеть его нельзя. Вдруг застал меня плачущим. Парень, ты с ума сойдишь. А я действительно сходил с ума. Давай-ка лучше пробежку сделаем. Бег в одиночку это то, к чему я там привык. Только на пробежке время и проходило лучше. Не то что ускорялось, но я как будто бы мог обогнать какой-то его кусок. Бывает, время не торопится, как в Иране, где дни и месяцы проходят, только на миг прикроешь глаза, и свежая мысль моего отца насчет того чтобы очистить апельсин, вообще-то проистекла именно отсюда; но вот я набираю скорость... Мои действия начинались как-то вдруг, словно на пустом месте. Я однажды сказал: хорошо бы, мол, эти три года пройти за один, и Чарли ответил: если хочешь, это возможно, ведь здесь есть индивидуальные программы. Больше занимайся индивидуально, парень. Вместо того чтобы сидеть и злиться в углу. Услышав это, я впервые в той стране улыбнулся. Чарли спросил: «Ты и улыбаться умеешь, парень?»

...Да, господин директор, я к этому готов. По литературе сдать за двенадцатый уровень, господин директор. Как видите, и языком я хорошо владею...

Он мне не поверил, но разрешил. Может, потому, что ему самому хотелось, чтобы в этом училище с его непомерно длинной и широкой программой случилось что-то из ряда вон выходящее. Из его кабинета я вылетел словно на крыльях. В комнате мой полет превратился в горячий иранский танец, причем я сам же себе аккомпанировал, голосом подражая скрипке. Потом взял учебник, и замелькали страницы. ...Ничего, что ты пока отстаешь, парень. Главное двинуться в путь. Понимаешь, парень? Ты преодолеешь. Читаем, парень, а потом пересказываем. И я двинулся в путь. Теперь каждый мой час сокращался минут на десять, так что я чувствовал, что постоянно опережаю время. Я старался достичь той скорости, с какой мой отец чистит свой апельсин. По-прежнему я бегал. И иногда ходили с Чарли в кино. А все остальное было учебой. Когда был один – читал во весь голос, когда с Чарли – шепотом. Я летал, как ветер. Книги сами перелистывались. Слова в моей голове становились, как тесто. Я его мял, пек хлеб и эти поджаренные караваи подносил учителям, что было очень им по вкусу, у них таким образом возникала вера в их власть над «третьим миром» – страна его, знаете, в Западной Азии, и мы ее держим в кулаке. А мне и хотелось такой вот Иран привести для них на показ и сказать: если не поймете Иран, то сами же столкнетесь с трудностями, и не в моей стране, – хотя у нее и древняя история, – а это вам самим необходимо. На всех предметах так было. Если мне удаются эти индивидуальные занятия, значит, весь Иран высоко держит голову. Потому что ты не студент, ты – страна, и имя твое не Мехрдад, а Иран. Теперь

я даже и в кино порой не ходил, а вместо этого бегал, потому что чувствовал запах апельсиновой корки, учителя же кушали подрумяненный хлеб и хвалили, и страна Иран училась и училась до тех пор, пока из всех занимающихся индивидуально не получила наилучшие оценки. Стал первым, объявили поощрение, и только так смог разъяснить им, что такое – эта маленькая страна в Западной Азии. Всем директор говорил: мы здесь одна семья – что американец, что иранец, разницы нет. Так вот, Мехрдад Рустами, ты с этого семестра считаешься студентом последнего курса, переходишь на двенадцатый уровень и поселяешься в комнату без Чарли. И так мне захотелось услышать звук нашего дутара, и мелодию нашего сантура, и скрипки-кеманче – ведь поют они о грусти, они ей дают цвет и запах. Из пения саза на помощь мне спешила моя мать: «Постараюсь записать твою игру без шумов, мама».

От мелодии как бы шел запах материнских рук. Всякий раз, как я ставил эти кассеты, я думал о том, как мама перебирает струны сантура. Как разрывает душу наша скрипка-кеманче! Мама говорила мне этой музыкой из прошлого: хоть ты и не жил тогда, все равно, ты почувствуешь все из музыки. И мне становилось хорошо в одном только месте, в комнате номер 69 – в ней было два спальных места, но лишь один хозяин, и, как ему захочется, на той кровати он и спал, и играли мне и тар, и двуструнный дутар, и изящный сантур... И скрипка-кеманче, и на кассете слышалось дыхание играющей матери, и чувство одиночества уходило, и приходила уверенность, которую дает наше отечество: один наш инструмент бывает лучше их больших оркестров... Так устанавливалось равновесие, и так сдавался экзамен, по американской литературе, за двенадцатую ступень, который я преодолевал, памятуя о Хафизе и Руми, о Саади, Фирдоуси и Низами, и дрожь пробирала экзаменаторов, и в глазах сквозило изумление – что, вот, посмотрите, он – не американец, а шпарит как по книге стихи наизусть, и когда директор вручил мне в качестве приза первоклассную фотокамеру, по рядам пронеслось этакое «у-у-у...», что означало признание победы моей страны над заносчивостью американцев, ведь теперь я уже не на десять минут обгонял каждый час, я на годы вперед вырвался, я почувствовал необычайное опьянение, ведь только что прямо носом в пыль ткнули эту самую национальную гордость, и, кстати, запах апельсина тоже присутствовал. Нет, чужбина все-таки не горька – потому что можно считать минуты до возвращения домой. Но отец – откуда он мог знать, что со мной происходит? как он мог это знать? Для него мерилом была апельсиновая корка, а не мое чувство потерянности. Поэтому, сын мой, оставайся за океаном и используй выпавшую тебе удачу для поступления в университет. Разве не так мы договаривались? Я скомкал это письмо, как будто скомкал сам себя. И заплакал – в моем рыдании была ярость. Никакого договора кроме разговора об очистке апельсина у нас на самом деле не было, и вот апельсин очищен, и я понял, что меня обманули. Я с таким напряжением за десять месяцев освоил материал шести семестров, и все для того, чтобы теперь двигаться в том же направлении дальше, иначе все мои преимущества потеряют силу. Это письмо я все еще храню у себя. Оно как будто вынуло из меня стержень. Письмо стало переломом, и за этой чертой началось новое, за этой чертой началась для меня Джессика – в баре, воняющем прокисшим пивом, так, что хоть нос зажимай. Джессика со свои-

ми безвкусными побрякушками и с такой расхлябанностью, словно у нее в голове все время был перекресток машин в час пик, – тем не менее поняла, что я неопытен и что я одинок. И вот она уставилась на меня, и вдруг такое ощущение, словно видишь себя актером в знакомом фильме. Мужчина, оторванный от всего и от всех, входит в бар и знакомится с женщиной, профессия которой – та самая. Мужчина заказывает пиво. Женщина пялит на него глаза. Мужчина выпивает пиво залпом и, вытирая пену с уголков рта, бросает на женщину взгляд и понимает, что она устала продавать себя и отчаянно ищет того, кто вытащит ее из этой дыры. И у них начинается роман. Только я пиво заказывать не стал. Хотел уже выйти, как заметил ее улыбку, и почему я улыбнулся в ответ? Потому что улыбка ее вдруг напомнила мне улыбку моей кормилицы Мунес. Джессика подняла уголок губы так же, как это делала нянька Мунес, и именно это изменение улыбки заставляло вас ей ответить. Она от стойки бара пошла ко мне, держась очень прямо и цокая каблуками, так что я заробел.

– Ну что, поговорим?

В фильмах мужчина что-то заказывает, но мне это не дали сделать слезы. Это не горе было, нет, это была ярость. Толстяку с бородавками, который тут был за официанта, Джессика велела принести пива.

– Ты что, из дома сбежал?

Я ухмыльнулся, сказал: «Меня выгнали из дома».

– Святое дитя!

Нянька говорила «мальчишечка», мама говорила «солнышко мое». А вот теперь «святое дитя», но смысл был тот же. По фильмам я теперь должен был выразить презрение к ее сочувствию и одновременно страстно возжелать эту женщину.

– Эй, мальчик милый, а я ведь не знаю, как тебя зовут.

Положила руку на мою, с ногтей ее как бы стекал пурпурный лак. Я заглянул ей в глаза, чтобы понять: я для нее – источник денег или человек? Разумеется, она старалась вести себя по-матерински, чтобы я поддался этим флюидам и вспомнил о матери, но, если ей не хватало любви, чтобы удовлетворить мою тоску по матери, по крайней мере до запаха сирени, что было свойством няньки Мунес, мы доходили, а нянька в отсутствие матери была моей любовью, в белой одежде, она наполняла дом запахом сирени, и я так жаждал покушать орешков, которые она завязывала в углу платка, и каждый раз, когда господин Мехрдад начинал вредничать, она развязывала этот узел платка и вместе с ним развязывала узелок души Мехрдада, и вот кушаешь орешки, и внутри становится так пахуче, возникает аромат египетской ивы и розовой воды, и горлышко щиплет, и ни в каком другом виде орешки тебе не вкусны, и это все связалось в душе с узлом в платочке, чего не было ни у кого кроме кормилицы Мунес, навсегда запомнилась кормилица Мунес, несколько раз орешки на зеленом фоне сада, который отец в чине бригадного генерала возделывал как садовник – тщательно, а точнее – строго, словно войско строил...

– ...Выпей это, мальчик. Выпей залпом.

Выпил залпом несколькими глотками. Хотел вот так выпить чужбину и проникнуться вкусом пива – его прохлада погасила тот внутренний огонь, который

зажег отец, а, если бы огонь не потух, как знать, может, отцовскому саду плохо бы пришлось...

- ...Эй, Джессика. А ему есть восемнадцать? А то я его живо к рукам приберу.
- Он со мной.
- Но он тоже человек. Ты что, клеишься к нему?
- Ты считай свою выручку и не суйся.
- Да мараться об тебя...

...Казалось, с Джессикой я знаком много лет – чувство к ней питалось памятью о матери и о няньке Мунес, и ее появление как бы подняло мое мальчишество и укрыло его в старом-престаром многоквартирном доме, в комнате, которая была меньше, чем наша кухня, и жизнь моя сжалась до тех же размеров, до рыданий девочки, девочки, которая стала женщиной и начала разыгрывать роли в фильмах хороших и фильмах тяжелых. Она стягивала свой парик, отлепляла искусственные ресницы и, когда стирала грим, становилась похожей на фотографию няньки Мунес в молодые годы, и вот она жарила стейк, и я понимал, что и я играю роль ее младшего брата, который сбежал из дома, и, знаешь, Мехрдад, любую женщину везде в мире можно физически заставить заниматься этим. Я говорил: это нечто вроде изгнания – изгнание ведь как принуждение, человека заставляют делать что-то, так что мы оба делаем то, чего не хотим. Она была ссыльная с побрякушками, а меня сослали во имя очистки апельсина, и именно это сознание нашей общности удержало меня от того поступка, а ведь я уже видел в смерти единственное лекарство от чужбины, эта смерть заставила бы отца каждый раз, как его взгляд упадет на апельсин, тут же от тоски жизни поднимать глаза, но Джессика мне объяснила, что самоубийство – это самая глупая часть фильма, потому что и отец не заслуживает такого удара, этот удар при той убежденности, которую я в нем знаю, лишь оглушит его, но никакого урока ему не даст, не отучит его своевольно принуждать других, но, весьма возможно, да, весьма вероятно, он на такую слабость с презрением пожмет плечами и скажет: «Прах на твою голову, сын». Ведь он настолько привык к власти, что до сих пор оценивает все лишь с точки зрения силы, и свою отставку он считает не результатом слабости, но проявлением своей силы, и весь дом был территорией его власти, а не территорией жизни, и матушка из-за этой его властности как бы укрылась в раковине... Но это значит, что лучший путь неповиновения ему это – теперь, когда ты вынужден жить в этой стране, делай все наперекор ему, и теперь сам уже до конца очисти апельсин. О да, мальчик, Джессику из рук не выпускай, такая яркая, она стоит на кромке шоссе, провожая тебя, и машет рукой. Сердце щемит от мысли о тебе. Где-то она сейчас? Неужели не вспоминает меня? Автобус тронулся, разогнался, и вот в фильме с участием твоим и Джессики на экране появилось “The END”, и начался другой фильм, под названием одиночество... Святое дитя зарабатывает на жизнь на лесобирже, по тарифу 2,5 доллара в час. Как назывался город? Ага, Балтимор... И ты не падал под тяжелыми брусками, но, как дерево, пружинно выпрямлялся, и это было хорошо, потому что работа не позволяла ни о чем думать, даже о матери, которая, я был уверен, уже подняла скандал. Она была занята одним: искушать меня, постоянно требуя писем, но я сопротивлялся до тех пор, пока состояние отца

не сменилось с того, что было связано с апельсином, на совсем другое: у него начала безостановочно дрожать челюсть, и это длилось, кажется, шесть месяцев. До того времени, пока я не столкнулся с этим контуженным американцем, два метра ростом и кулак по размеру шире моего лица... Почему не соблюдаете очередь? Да, это все, что я сказал. Мы стояли в очереди за зарплатой. И тут феноменальный удар кулаком. Я дважды перевернулся в воздухе, упал на штабель бруска и потерял сознание. Конечно, он был чудовищем, но я разозлился на самого себя. Еще до того, как ты пришел в сознание, двое полицейских уже показывали твою фотографию, которую предоставил им американский друг отца. Они были счастливы, что нашли меня, потому что за это им причиталось вознаграждение, и так уж они возлюбили меня, а громилу-контуженного засадили в тюрьму и говорили, что песенка его спета. А я, больше чем от боли, сгорал от невыносимого унижения – меня избили, а я не смог даже руку поднять. Когда увидел свое лицо в зеркале, заплакал от ярости и понял, что никакая нянька кроме матери не приведет меня в чувство. Разбитый рот не был проблемой, он зажил, а вот насчет раны, которую получила душа... Я знал, что в суде против него не смогу выступить, хотя, если бы я успел его ударить, в суде бы это мне не помогло. Ударить сзади это тоже вне моей этики, в общем, я отказался от претензий. При этом была и жалоба менеджера лесобиржи на рукоприкладство этого мордворота, – звали его Чак, – которого предлагалось выбросить из города, но, если бы за этим всем не стоял отец, со мной обращались бы иначе. Я сказал: «Мне достаточно его извинений, я не зол на него, мистер Филд».

Он ответил: «А я сам хочу его упечь по полной».

Я сказал: «Песенка его и так спета. Вьетнамские кошмары, от которых он мучается, сами его доконают. Не наказывайте его за то, что он меня ударил. Накажите его за ненависть к людям, в которой он сам признался».

...Таким вот образом и зажила твоя рана, ты сыграл роль адвоката того, на кого должен был жаловаться, и это восстановило мою гордость и достоинство, потому что, когда Чака выпустили, он пришел ко мне, пожал руку и сказал: «Благодарю». И он в этой ситуации вовсе не был безумен, он нашел свою человечность, и по глазам его заметно было, что он сильно раскаивается, это отнюдь не было легким сожалением о проступке, он сказал: «Если весь твой народ такой, как ты, я туда, может, перееду».

Я тут же его простил, и рана моей души окончательно зажила, и это еще до встречи с матерью, которая прилетела из Ирана, причем ни я не мог поверить, ни она, что мы снова видим друг друга. Как мы рыдали с ней... «Я приехала, чтобы забрать тебя в Иран, Мехрдад. Не хочу, чтобы ты тут оставался. И не позволю этого».

Мы с ней не виделись полтора года. «Единственный сын, мой единственный...»

...На вид она постарела. Ее появление излечило все болячки. Я был как человек, вставший с одра болезни, очень долгой болезни, голова кружилась, я чувствовал слабость, и так мне хотелось ощутить на руках моей матери запах корицы, запах желто-красного шоле с овощами, цвета которого столь неразрывны. Матушка, умоляю тебя, приготовь мне шоле. И я так тосковал на чужбине, что буквально въяве увидел этот запах шоле. Говорили мы с ней и о сладком плове, но до еды как таковой дело не дошло. Мама сказала: «Когда вернемся, все блюда для тебя приготовлю».

Мама не знала, что мне потому так хочется этой еды, что я решил не возвращаться, об этом в первые дни я не говорил ей, переживал это в одиночку, и слезы лились при мысли о том, как она будет уезжать, ведь Америка ей понравилась, хотя американцы не понравились. Говорила: «Странные они».

Я говорил: «Тебе надо привыкнуть».

Отвечала: «Никогда не привыкну».

И всякий раз, когда видела обнимающихся девушку с юношей, не смущалась, но сердилась. «Не приведи Господь, чтобы ты взял жену отсюда!»

В ее глазах было столько мольбы, что я ответил: «Будь уверена».

Она схватила меня за руку, спросила: «Даешь слово?»

Я ответил: «Даю слово».

...Однако Рэнди ей понравится, я уверен. Мама на самом деле добрее, чем эти ее слова. И как бы то ни было, мама, я имею право на компенсацию. На чужбине было тяжело, и этой тяжести я бы не вынес в одиночку. Не знаю. Может быть, я тогда должен был вернуться. А и правда, почему не вернулся? И отец уже был не против. Пожалуй, трудность в том и была, что отец уже был не против. Я был готов вернуться вопреки воле отца, хотя остался я не потому, что это было вопреки его воле. Его согласие на мое возвращение заставило меня целиком забыть всю проблему апельсина, и теперь я чувствовал, что речь идет о моей судьбе и что я стал самим собой, а не кем-то другим. К несчастью, я тогда думал, что вот теперь, когда в вопросе, вернуться или нет, я свободен, если я вернусь, то покажу себя легковесным, ведь они подумают, что я струсил или не выдержал, – а в том случае, если бы отец был против, мое возвращение было бы ответом силы на его силу. Однако он был проворнее меня, он действовал против меня с достоинством, и вот так появилось на свет изучение биологии. Провалилась она пропадом, эта биология, но сколько же труда я на нее положил! Три полных года! И это было с прицелом на отца, я хотел достать до его сердца, чтобы он не считал упрямство сына слабостью, потому что я любил его властность, и я вовсе не хотел, чтобы он дошел до ручки, а может быть, и не только он. Однако все, что приносило успех в школе Рэндольфа, теперь срабатывало противоположно. Там мой мотор работал на топливе, которое здесь не годилось. Тогда вопрос стоял о жизни и смерти, а теперь как бы и речи не шло о серьезных вещах, любовь же отца уже не казалась столь властной, и сердцу моему, и разуму уже было все равно, как он оценит мои успехи в учебе. Оценок выше двенадцати я теперь не получал. Словно превратился в умственно отсталого. Даже мои движения теперь замедлились. Даже глаза вращались медленно, и от Америки я отстал, на часы, а может, на годы. Смехотворными стали профессора и студенты. Таковыми же теперь казались «гении третьего мира». Иран присылал их сюда на летающем «ковре Солеймана», посмотреть, как мы тут и... ха-ха-ха...хи-хи-хи... Мир вообще стал каким-то шальным. Отвратительное это время я никогда не забуду. Ты почему-то уверен, что ты – не то, что ты есть; ты не просто биолог, ты – что-то другое, а вот что – непонятно. А если поймешь, что именно, то это – успех, да такой, что я вас заставлю в честь ковра-самолета Солеймана кричать «ура», и хихиканье ваше я чуть-чуть подправлю, выразив его на чистом персидском языке

ке, и все это с полным хладнокровием суну вам под нос, чтобы вы отпрянули. Словно это был не я, а кто-то другой. Три года я не жил собственной жизнью. Исхудалый, бледный, с похмельным взглядом, с глазами, которые словно плачут кровью. Они стали коричневато-красными, и я не то чтобы впал в зависимость, но понемногу пристрастился к вину и к тому, чтобы в нем искать облегчения, и это было отвратительно, потому что никак не сочеталось с моей гордостью. Алкоголь уничтожал мою гордость, затягивая в круг алкоголиков, которых я видел тут и там, в любое время суток, и вот, вообще ни с кем не говоря ни слова, я решил послать к чертям биологию, с которой, по моему мнению, напрямую было связано пьянство. Пришел к госпоже Шарп и на листе гербовой бумаги отрезал от биологии. Я хотел сделать так, чтобы пути назад не было. Написал все, что она продиктовала, и, когда поставил подпись, почувствовал, что я – другой человек, человек мыслящий и приличный, не обреченный больше на биологическую поденщину. ...Человек, уважающий себя, я избрал теперь другую профессию – фотографа, то есть охотника за чистыми кадрами, такими как Рэнди, с помощью своей фотокамеры напоминающей о самоотверженной учебе... Теперь, если отец этого не примет, ответит на это усмешкой – не важно, важно то, что ты в этой профессии, имея такую награду, как Рэнди, вновь нашел чувство живой жизни, сообразительность, новаторство. И пусть отец усмехается, пусть каменеет, как скала, – чего бояться? Рэнди с ее факелом лица и ее горячим телом дала мне надежность, и мой корабль поднял якорь. Я не Христофор Колумб, но в Рэнди я открыл Америку. Говорить с ней было просто – в том смысле, как обычно общаются, но для меня в разговоре с ней было нелегко продвинуться вперед, вывести ее на откровенность на тему ее собственной жизни. Для того чтобы установить с ней отношения, нужны были некие условия, при которых бы эти отношения приобрели новую ценность. Мне это подсказало чутье. Невольно тем отношениям, которые еще не возникли, я уже придавал особое значение, потому что Рэнди была ближе к моему представлению о женщине, чем любая другая женщина, я это почувствовал сразу, как ее увидел, и я чувствовал, что с ней я буду связан иначе, чем бывало раньше, даже ее розовое пальто было цвета одной из тех грез, которые я сам для себя соткал. Потому-то я и прилип к ней своей камерой, меняя оптику, и о жадности моих глаз свидетельствуют тридцать шесть фотографий в альбоме – каждое ее состояние точно отразилось на них, и, если ты решишь, что это все ко мне не имеет отношения, то нет, бывают незримые нити, и я каждодневные изменения цвета твоего лица и настроения считал важнее погоды, поэтому я выбрал тот дождливый день, на тех двух фото, которые наиболее прозрачны, вот посмотри, мы настолько связаны с тобой, что я сумел вызвать твою улыбку, в сочетании со взглядом, который довольно серьезен и говорит: ты должен перво-наперво знать, что любовь – серьезное дело, которое может поменять оптику жизни, и, если хочешь подтверждения, пожалуйста, полистай альбом и заметь, где тут служение, вот солнце восходит, и я жду, что увижу тебя в этом пальто...

– У меня от него раздражение кожи.

...Однако же надела, и я увидел эту чувствительность кожи на запястье, где часы, кожа прямо-таки вздулась, и видно было, это болезненный зуд, удивительно, одна-

ко, что это раздражение делало ее красивее, она становилась дороже, это пальто повесили в мой шкаф, комната наполнилась ею, и аромат ее волос был на мне, взамен она принесла альбом с парными фотографиями, это мы давали камеру друзьям, которые снимали нас вместе, и это стало нашей историей, нашим познанием, историей наших отношений и нашего познания, и это было дорого, потому что далеко от банальности, это было подтверждением, длинным, как то пальто, и широким, как альбом, мы не остались на уровне тела, на уровне краткой связи, но видели в теле опору для наслаждения духа, потому я день за днем все больше воспламенялся. А ее ревность даже обгоняла мое рвение, я хотел убрать ее, как пальто, подальше от глаз других мужчин, и это было мое желание и ее желание, в этом мы сходились.

Я сказал: «Нет нужды тебе ревновать, ты сделала всех женщин ненужными мне».

Она сказала: «Я в своей жизни встретила лишь одного мужчину, и это – ты».

Я понял, зачем она это сказала, и я знал, что мужчины были у нее, ведь я ясно видел, что она опытнее меня, настолько, что даже сама иногда напоминала об этом, но мне хотелось думать, что я был единственным мужчиной ее жизни, мужчиной, который ей предопределен, и что она, предназначенная мне судьбой, попала мне в руки невинной, и мы постепенно, ночами, пьяными от любви, подправляли свое прошлое так, как нам хотелось. Потому-то она стала похожа на девочку, чей бутон раскрылся лишь для меня, а я с ней становился едва достигшим зрелости пареньком, и мы настолько неразлучными стали, что казалось порой: мы не два человека, а один, лишь стоило остаться в одиночестве, как ты сразу пускался на поиски другого, и окружающие настолько привыкли к тому, что мы – пара, что удивлялись, если видели нас поодиночке, и мы даже стали так похожи друг на друга, что многие думали, мы – брат и сестра. И, кому ни скажем, что недавно познакомились, не верили, потому что наша привычка друг к другу свидетельствовала о более длительной истории, и тем не менее...

Рэнди

«Добро пожаловать...» Но как холодно! И облачно, а я ожидала солнце. Я слышала зов Шехерезады, голос, который, при всей его дремотности, обжигает горяч и чарующ. Голос, пытающийся правдами и неправдами взбодрить шаха и удержать его в своей власти, шаха, который все время зевает и едва слушает, интересуясь лишь тем, что будет дальше, не придавая значения причинам событий...

...Волосы черные, и глаза, и брови. У меня такое чувство, будто требуется надеть солнечные очки. «Аэропорт переполнен военными. Повсюду солдаты. Сотрудники летных служб объявляют, что безопасность полетов не гарантирована. В этом обвиняют то и дело появляющиеся американские военные самолеты...»

...Кожа заметно темнее. Неужели меня, человека невоенного, арестуют? Поверишь ли, темные очки больше согрели меня, чем эта куртка. За мной наблюдают: солдаты... офицеры... «Нигде и никогда вид военных не вызывает спокойствия, ведь само их присутствие говорит о нестабильности...»

Дело, впрочем, не в военных. Пассажиры тоже наблюдают. «От блеска винтовочных стволов холод еще заметнее...»

- Родные тебя не встречают?
- Хочу их застать врасплох.
- Ты ведешь себя, как мальчишка.
- А я никогда и не говорил, что я взрослый.

...Что за незнакомое чувство меня тревожит? Быть может, дело в том, что Мехрдад – нехарактерно для него – перестал на меня реагировать. Он возбужден, но все же того внимания, которого требует моя растерянность, не выказывает.

- Так быстро прошли таможню...
- Причина в том, что ты – корреспондент.
- Ага, значит, Америка здесь еще имеет влияние.
- С Америкой это не связано.

Это сказал с горечью, и, словно для того, чтобы закончить разговор, поднял руку и крикнул: «Такси!»

Тогда с чем это связано? Как всегда, с моей красотой, заставляющей все вокруг течь, словно воду? Если бы он так не хмурился, я бы выяснила, что он имел в виду, и мне хотелось бы услышать от него то, что я и сама подумала, а не то, что он холодно произнес: «Это связано с твоей профессией. Из какой страны, разницы нет».

Пожал плечами. А ведь всегда говорил, что моя красота делает всех мужчин добрыми ко мне.

Я спросила:

- Ты хочешь, чтобы мы поехали вот на этом?
- А какая разница?
- Она не столько оранжевая, сколько грязная¹.
- Не знаю, откуда я здесь возьму чистое такси.

Погрузил чемоданы в багажник, открыл дверь и ждал, пока я сяду. Сказал:

- Прошу вас, пожалуйста.

Я села в машину. Запах жира. Запах, общий для водителя и его машины, наверное, по этому запаху они узнают друг друга.

- А где у него ремень безопасности?
- Его нет.

Спросил. Водитель ухмыльнулся и кивнул. Мехрдад посмотрел на меня и пожал плечами. Я сказала:

- В таком случае пересаживаемся на другое такси.

Он взял меня за руку. Сказал:

- Я забыл, Рэнди. Здесь вообще не используют ремни безопасности.

Я скорчила рожу. Мехрдад украдкой поглядывал на меня, как провинившийся. «Ремней безопасностей здесь нет в принципе, а указание на их отсутствие вызвало вопрос о том, что это такое».

Я сказала:

- Как это, что такое? Ремень безопасности – это деталь автомобиля.

¹ Во время Исламской революции 1978–1979 гг. такси в Тегеране имели оранжевую окраску.

Он улыбнулся, обвил рукой мою талию и крепко прижал меня к себе. Сказал:

– Вот где ремень безопасности!

Мне стало смешно. От всего, что происходило. Водитель прочистил горло и посмотрел в зеркало, нахмурившись в том же духе, в каком пахло жиром от его головы.

– Это что за одежда такая?

– Хиджабы.

– Почему они черные?

– Есть и других цветов.

– Как-то мне тревожно от них.

– Надо будет, чтобы ты примерила: пойдет тебе или нет.

При мысли о том, что я превращусь в такую пирамиду, я почувствовала удушье. Положила голову на плечо Мехрдада. Водитель начал нарочито покашливать. Мехрдад быстро убрал руку с моей талии.

– Я совсем забыл, Рэнди, – сказал он. – Здесь такие вещи не приняты.

– Похоже, мне придется ко многому привыкать, – сказала я. И стала смотреть в окно, чтобы отвлечься от этого запаха жира, от этой тесной кабины, от этих предупреждающих покашливаний. Воздух стал более душным. Клубы дыма видны невооруженным глазом. Улицы полны беспорядочного движения. «Город не вмещает такого количества машин. Люди страдают от тесноты, и все эти машины на узких улицах уничтожают ощущение широты...»

Этот абзац надо хорошенько запомнить... «Поэтому люди враждуют с машинами и отказываются признавать их важной частью своей жизни, они лишь терпят машины или даже восстают против них, как это видно по ремням безопасности. Люди ходят по проезжей части, не обращая внимания на “зебры” пешеходных переходов, а на перекрестках машины останавливаются на этих же “зебрах”».

– Эту площадь ты видела в репортажах? Ее назвали Площадью Свободы. Сюда всегда сходятся демонстрации.

– Вместо того чтобы расходиться отсюда.

Он улыбнулся и сжал мою руку. Сказал:

– Удивительно, что шах не воздвиг здесь свою статую.

– Разумеется, это от страха высоты, – предположила я.

Он рассмеялся и прижал меня к себе. Послышался кашель водителя. Я сказала:

– Думаю, эти покашливания попадут в мой репортаж.

Он расхохотался:

– Не обращай внимания.

– А разве ты сам не обращаешь внимания?

Улыбнулся и сказал:

– Ты права. – Посмотрел на меня любяще. Спросил: – Хочешь, я тебе переведу лозунги на стенах?

Я пожалала плечами и повернула лицо в ту сторону. Он знает смысл этого движения. По-прежнему держит мою руку. Я немного опустила стекло, чтобы уменьшить запах жира.

– Вот тут кто-то написал: «Смерть бывшему шаху»... «Долой шаха» – написано... Интересно, правда?

Я кивнула.

– А вот это послушай: «Да здравствует победивший народ, позор и презрение шаху».

«На стенах множество надписей против шаха и его режима. Народ сегодня так выражает свои сердечные тайны. Но разве это не в духе Шехерезады, что личность рассказывает свои истории в форме лозунгов против шаха, призывая всех выходить на улицы и жечь покрышки, и перемогать боль от слезоточивого газа, и скандировать “смерть шаху”? Рабочий, служащий, студент, аспирант, учитель, солдат... Мы приветствуем твою пронзительность, о, хитрая Шехерезада, использующая самых разных людей для того, чтобы отомстить за свои страхи безжалостному шаху, понимающему жизнь лишь как удовлетворение собственных поверхностных желаний. Он не знает, что ты своим творчеством обрекла его на смерть, а себе самой даровала вечную жизнь! И один вопрос: шах читает эти лозунги? Неужели он ни в одну из тех ночей, когда действовало военное положение, ни разу не вышел из своего дворца чтобы понять смысл всех этих надписей? И побуждают ли его лозунги, говорящие “смерть бывшему шаху” уйти в отставку или попытаться совершить еще один переворот, чтобы сохранить корону и трон?»

– Мне надо будет сфотографировать все эти лозунги, – сказал Мехрдад. – Выйдет хороший альбом.

Его щеки расцвели. Разумеется, не от холода. Я спросила:

– Очередь машин – за чем это?

Он спросил водителя.

– Говорит, очереди за бензином. Люди часами стоят, чтобы заправиться. Говорит, сам с вечера до сегодняшнего утра стоял в очереди.

– Спроси, какое мнение людей по этому поводу?

– Говорит, люди на это не обращают внимания. Они готовы на все.

– Готовы на все ради бензина?

Ухмыльнувшись, ответил:

– Не играй словами.

Я улыбнулась и намеренно прижалась к нему, чтобы вновь услышать покашливание. Когда оно раздалось, я спросила: «А эта очередь за чем?»

– Это за керосином.

– Спроси, как народ переносит холод при нехватке топлива?

– Говорит, нам так тепло от революции, что холода не чувствуем. Говорит, наше топливо это кровь мучеников. Говорит, назло шаху зиму превратим в весну.

На перекрестке народ собрался вокруг военного автомобиля. На дверь со стороны водителя была наклеена фотография аятоллы Хомейни. Люди выкрикивали лозунги.

– Они кричат: «Военный, ты мой брат, зачем стрелять ты рад?»

«Из дул винтовок большинства солдат торчат цветущие ветки. Обращает ли внимание шах на то обстоятельство, что с веткой в дуле стрелять нельзя?»

– Шофер говорит: все они – ребята нашего народа, свои... Из той же земли и воды выросли... Наши братья... Не чужие нам... Они и сами не хотят стрелять в народ...

«Из всего увиденного какой вывод можно сделать кроме признания того, что шах давно должен уйти в отставку, и все это благодаря молодой женщине, которая, даже если расскажет еще тысячу сказок другому шаху, все равно останется молодой и свежей, о чем, уходя в могилу, этот или любой другой шах может только мечтать...»

МЕХРДАД

С полным смирением я объявляю о своем возвращении на родину, сердцебиение которой я слышал все годы разлуки, по крайней мере сердцебиение отца, матери и сестры, за которых я готов был броситься в огонь и воду и схватиться с каждым, кто вздумал бы их оскорбить. О, запах Ирана, о, это небо, изменившееся за восемь лет! Я вернулся к румянному яблоку, до которого когда-то не мог дотянуться, а теперь его румянец и сочность исчезли, потому что пыль и прах Америки покрыли его, я не был господином, я был мистером, и от этого яблоко засохло. О, запах Ирана, о, несущий его ветерок Ирана, будьте благословенны! Так почему я не рыдаю? Я должен рыдать, и нечего стесняться. С первых шагов на иранской земле я должен был разрыдаться, и у меня было такое желание, и сейчас оно есть, но не позволяет присутствие Рэнди. Я должен быть один, чтобы почувствовать Иран, почувствовать, что я не фотограф, вернувшийся домой, не охотник за новостями, но я – иранец и как таковой имею право объявить всем, что иранец только на родине способен совершить свой полет, а в любом другом месте, где бы оно ни было, остается ребенком, брошенным матерью, и как восхитительно, что вокруг говорят на фарси, а не на английском, и вы, солдаты и офицеры, с вашими винтовками, вы настолько знакомы мне, что я не могу и помыслить вас врагами, и, если бы вы пережили тот холод чужбины, который пережил я, вы никогда бы с оружием в руках не выступили против своего народа. А если бы и Рэнди говорила на фарси, то все приобрело бы запах Ирана, и тогда вообще невероятно быстро забылась бы Америка. Словно лед растаял во мне, и эта вода поднялась к глазам, и вот я вижу, что, пока меня не было, пока тебя не было, сколько пережили здесь сердца, и, пока ты был далеко, пока ты был оторван от них, они были здесь, и они были все вместе. Я был отделен от них там, далеко, а они были отделены от меня здесь, и таково это свойство отечества и свойство земли Ирана, что из нее растут такие цветы – о да, мальчик, этот плач – по совершеннолетию, которого ты здесь не пережил, ты не достиг здесь возраста любви, через который проходит весь народ. Мое совершеннолетие стало американским, так же как и моя молодость. И сейчас я уже старик, хотя мне двадцать четыре года. Для этой страны я старик. У меня словно бы волосы седые, и иранская история дни и месяцы была для меня ничем, и географию Ирана я не знаю или знаю на очень низкую оценку, но, что касается литературы фарси, то здесь, простите, все не так, потому что ее-то я хорошо, очень хорошо учил и уверен, что сдам по ней любой экзамен. В подтверждение – стихи наизусть и то, что я понимал все словечки водителя, и не поверишь, что я отсутствовал восемь лет. То,

что было, это как длинный сон, который нужно вспоминать эпизод за эпизодом. И, если бы не было Рэнди, если бы она не сидела рядом со мной, я бы с полным хладнокровием мог отказаться от этого длинного сна, я сказал бы, что нет, я не был в этой роли, я не играл в эту игру, я просто прочел об этом в какой-то книге – или я не Мехрдад Рустами...

Рэнди

Я себя ставлю на место Мехрдада и думаю: если бы я возвратилась домой после долгих лет, обязательно бы, как он, расплакалась в объятиях отца и матери. Я так переживаю за них! Плач Мехрдада в объятиях отца взволновал меня. Его отец поднял на лоб очки и двумя пальцами сжал себе веки, а мать и сестра Мехрдада, тоже плачущие, их обоих обхватили руками и так рыдали. Я не знала, что мне делать. Хотя я сильно устала, но продолжала стоять. Впрочем, для них было безразлично, сижу я или стою, они меня не замечали. Мехрдад сказал только: «Это Рэнди!» И не добавил «Рэнди, моя жена» то ли от обуревавших его чувств, то ли от страха перед их реакцией. Они все не могли разжать объятия и все называли друг друга. Но вот они сели на пол. Я к тому времени тоже присела на что-то и закурила сигарету. Не будь к ним строгой. Их чувства догорят, как догорит до конца эта сигарета, и тогда они тебя заметят и познакомятся. Вообще-то от мысли об этой предстоящей минуте знакомства мои щеки пылали, и это мое волнение было, быть может, глуповатым, но очень искренним. Меня еще ни разу в жизни, ни в одной семье, не называли невестой или молодой женой, и я пребывала в полной растерянности, не зная, как они к этому отнесутся, – в себе-то я была уверена.

Сигарета догорела до конца, но я ее не тушила в пепельнице и дождалась, пока пепел потухнет сам. Ни у кого из них, кроме дочери, не было бумажных салфеток, а они им сейчас пришлось бы очень кстати. Я взяла пачку американских и подала им, и они все взяли по две-три, даже дочь. Никто меня не поблагодарил, но салфетки оказались весьма своевременны, так как они теперь могли продолжать свою встречу, не думая о слезах и о хлюпающих носах. Пачку салфеток я не стала забирать назад, а вместо этого взяла новую сигарету. Когда еще догорит их пламя родственных чувств! Я курю не в затяжку. Так и не приучилась к этому. Мехрдад говорит, что своим курением я лишь создаю беспорядок. Но что бы я сейчас делала без сигареты и без зажигалки в руках? А и в самом деле, что мне делать, присоединиться к их рыданиям или вот так глуповато ожидать, пока их встреча дойдет до улыбок и тогда покашливанием напомнить о себе? Но сигарета придала мне уверенности. Пусть за меня говорит дым. Пусть за меня решительно говорит дым – предложениями без точек и запятых, зато выпущенными в свет и влияющими все-таки на ваши органы обоняния – пусть даже слух ваш пока отключен в отношении меня, а глаза меня не замечают. Соответственно, я не создаю беспорядок, я таким образом обретаю спокойствие. Я вынуждена поступать таким образом, чтобы предоставить вас вашим

собственным чувствам. Курить я старалась как можно медленнее и пепел с сигареты не стряхивать, чтобы, хотя я вам сейчас не нужна, это средство выражения в виде сигареты подольше оставалось в моем распоряжении.

Отец Мехрдада глубоко вздохнул. Одетый в некое подобие длинного кафтана, в очках с круглыми стеклами, он всем своим обликом походил на солидного вождя индейского племени, который помнит о своей ответственности по ограждению племени от бледнолицых паразитов. Из складок его лба можно было понять, что он пользуется уважением племени и что от него ждут того же, а именно, что он будет племя уважать, а, если племя несправедливо, то в этом ничего страшного нет. Не снимая очков, он их поднял на лоб и теперь двумя пальцами вытер слезы с глаз, выдохнул воздух, после чего внимательно посмотрел на меня и как будто вздрогнул. Он снова надел очки, и вот тут я стряхнула пепел сигареты в пепельницу и улыбнулась. Вождь племени встал с пола и подошел ко мне. Члены племени также встали и смотрели на меня. Он подал мне руку.

Мехрдад сказал: «Рэнди!» – и стал держать паузу, весьма длинную. Мать что-то его спросила, и он опустил голову и взялся правой рукой за левую – это у него жест неуверенности. Да вы, кажется, боитесь, молодой человек? Мать, разумеется, также знала все его жесты и произнесла еще раз: «Мехрдад!»

Я спросила: «Ты не хочешь сказать, кто я такая?»

Тут он пришел в себя, что было очевидно по тому, как он выпрямился. Он улыбнулся и, конечно, сказал: «Это моя жена». После чего опустил голову, точно я была причиной его унижения. Его отец улыбнулся. Он стоял на том же месте, но было видно, что он доволен. И сестра Мехрдада улыбнулась застенчиво, но вот на устах матери улыбка застыла. Она побледнела, и подбородок ее затрясся. Отец Мехрдада выпустил мою руку и поспешил на помощь ее челюсти, чтобы вместе с Мехрдадом и дочерью унять ее дрожь. Женщину усадили, но голова как будто не слушалась ее, да, не слушалась, закидывалась назад. Испуганная дочь побежала, конечно, за водой, да, именно так, а мне что, еще одну сигарету закурить? Итак, я поверила лжи твоих обещаний, а должна была настоять, чтобы поставить в известность семью. Вопреки твоим уверениям я стала для них не сюрпризом, а шоком. Девочка принесла кружку воды. Мехрдад взял эту кружку с таким выражением, словно в ней – разрешение всех проблем. Все, мол, хорошо, очень хорошо, просто замечательно. Но челюсть продолжала трястись. Мехрдад подносил кружку ко рту матери, и от этого дрожь передавалась кружке и его рукам. Отец Мехрдада опустил пальцы в кружку и брызгал ими несколько раз в лицо жене, пока глаза ее не открылись. Вот, супругом называют того, кто может привести жену в чувство, а не как этот мальчик, не умеющий обращаться ни с матерью, ни с женой, а когда он начал говорить с матерью, все это было таким виноватым тоном, словно он просил прощения, и я вдруг такой одинокой себя почувствовала, что горло мое перехватило, голова закружилась, и я упала бы, если бы не села. На меня, впрочем, никто не смотрел. Я закрыла руками лицо – о, какое горячее! – и громко крикнула:

– Сколько раз я тебе говорила поставить в известность семью?!

– Позволь, Рэнди! Я все объясню.

Я спросила:

– Может быть, я появилась из лампы Аладдина? – и рука моя потянулась к пачке сигарет. Ничего не хотелось. Душа вверх тормашками. Но я так глубоко затягивалась, что горло заболело, и я закашлялась, несмотря на это, опять затягивалась и глубоко вдыхала дым для того, чтобы не закричать ему о его подлости, – она так меня обожгла, что я вместе с дымом выдыхала как будто горячий пар. Я затушила сигарету в пепельнице, встала и выбежала прочь оттуда. Холод меня успокоил. Дыхание начало успокаиваться. Я села возле бассейна и открыла кран. Попила воды и прислонилась лбом к этому крану. Сейчас я заплачу. Дрожь пробирала. Но это не важно. Холодной водой остуди лицо. Это поможет не заплакать. Так удивительно: еще вчера в это же самое время как далеко я была отсюда? В Лондоне. А позавчера? В Америке. И все-таки заплакала: отец, мать, Дэвид, вы – как любимые воспоминания... Он знает нечто важное... О, Дэвид, я об этом и не думала. Как бы мне хотелось быть сейчас с вами – отец, мама, Дэвид, в том самом пустом кресле рядом с тобой. Как вы сейчас далеко от меня, и как вы мне дороги...

МЕХРДАД

Сердце ваше должно быть из камня, если вы после восьми лет разлуки вновь увидите дверь вашего дома – все такую же, только выцветшую – и не заплачете. Перед тем как позвонить, я прижался лбом к этой двери и провел по ней рукой. Слезы навернулись на глаза. Но нет, это не слезы, это брызги сока из кожи апельсина, того самого, отец, о вкусе которого я должен тебе рассказать – он и сладкий, и кислый, и горький.

Я позвонил. Конечно, к двери подошла Настаран. Дважды спросила: «Кто там?»

– Это я.

– Вы?

– У меня дело к Господину Рустами.

Дверь открылась со стуком. Я взял Рэнди за руку, и мы вошли. Боже милосердный, неужели это заурядное возвращение домой? Но меня жгло. Сильно жгло. Послышался визг, и я увидел девушку – конечно, Настаран, но Настаран с такой фигурой, что, отец, я должен поинтересоваться, сколько апельсинов пришлось очистить, чтобы она так выросла? И мама... Но для того, чтобы постареть, никаких апельсинов очистить не нужно.

Они обе бросились ко мне, а я сел на пол, и – плакать, плакать, плакать... Мама стала меньше для того, чтобы Настаран выросла. А где кормилица Мунес? Появился отец. Прошло точно то время, которое нужно для очистки одного апельсина, да, папа? Нельзя сказать, что старик, но постарел. Выглядит теперь старше своего возраста. Да, это я самый, Мехрдад. Салам. Что, я вернулся раньше, чем вы успели очистить ваш апельсин? Отец бросился в мои объятия, да с такой теплотой. Словно отец искал защиты сына. Значит, обо мне здесь тосковали. Надо было почувствовать эти три объятия, чтобы понять, как моим объятиям их тройне не хватало. И удивительно, что мне с отцом было горячее, чем с матерью и Настаран.

С ними мне было хорошо, но с отцом горячо – я почувствовал, что отцу просто необходимо было опереться на сына. Отец не грустил по сыну, он нуждался в нем. В отличие от матери, которая тосковала по сыну материнской тоской, и от Настаран, которая печалилась тем, что брата нет в ее жизни. Потому-то отец был в моих объятиях, а мать и сестра справа и слева от меня. Отец плакал сдержанно – очки эти я не видел у него даже на фотографиях, которые мне присылали, и я, при том, что восемь лет чувствовал к отцу неприязнь, порой переходившую в ненависть, все-таки стал опытнее и понял, что моя неприязнь к нему – это лишь карточный домик, который он может разрушить простым движением своего чувства. И я подумал: как же по сравнению с ним я беззащитен, я понял, что исполню любое его требование, если это будет зависеть от меня. Правда, отец ждал от сына, что тот будет в первую очередь его потомком, а уж во вторую – мужчиной. Если говорить о мужественности, то ее у него больше, чем у меня; но для сына важно стать отцом, а для отца – иметь сына. Таким образом, я себе до некоторой степени запретил мужественность, чего отец не сделал или сделал поздно в своей жизни, ведь он поверил в эту ложь насчет апельсина и, для того чтобы сделать меня мужчиной, отправил меня в американскую школу Рэндольфа, а что это значит? Неужели я только там мог стать мужчиной? А здесь я бы им не стал? Ты поздно понял, что я бы и здесь им стал, причем не покинул бы дом, да что там дом – семью, и не было бы пустоты вместо Мехрдада в семейных объятиях, и мать не была бы без сына, сестра без брата, отец без своей опоры, и я не был бы так далеко... Но забудь чужбину, парень, и раскрой объятия семье, и освободись от этих восьми лет, что тебя не было, теперь ведь ты здесь и останешься здесь, ведь ты испытал чужбину до конца. Ты полон ею. Полон под завязку. И все-таки для любви родных есть сколько угодно места, и так будет до конца жизни. Не беспокойся, что их любовь не поместится в тебя, ведь ты стал растяжим, Америка так на тебя подействовала, что ты стал безразмерным для любви родных... Поэтому сейчас мама и Настаран обнимают меня с боков, а отец обнимает мне голову, и я так сладко напрягаюсь чтобы насытиться ими. Я потягиваюсь... Я расправляю плечи... И вот бумажные салфетки, это уже американское, я беру две штуки и замечаю, что это Рэнди о нас позаботилась. Я вижу, что стены в зале – по-прежнему желто-матового цвета, и вижу фотографию отца на прежнем месте, и запах матери напоминает мне о кормилице Мунес. По рыданиям мамы я понимаю, что она умерла.

– Она часто вспоминала о тебе, – говорит Настаран.

– Она хотела тебя увидеть, прежде чем умрет, – говорит мама.

– Почему не написали мне? – спрашиваю я.

Ответ я знаю сам: о многих вещах не принято говорить; о многом из того, что делаешь, не сообщая без важного на то основания. Разве я сам сообщал им обо всем, что делаю? Кормилица Мунес не была где-то с краю нашей жизни, она была частью нашей жизни. Она дополняла маму. Она не была матерью, но была скорее как бабушка или тетушка. Нас было пятеро в семье, и в нынешнем объятии четырех я чувствовал, что чего-то не хватает.

– Когда это произошло?

– Два или три года назад.

– Два или три года!

– У нее был сердечный приступ. Только что вернулась из бани. Заснула и больше не проснулась.

– Легкая смерть!

Эта фраза была первой, которую я услышал от отца за все эти годы. И он произнес ее с таким выражением, как будто сообщал о некоей мечте, мечте о смерти кормилицы Мунес. Она должна была умереть легко, потому что какие у нее были обязанности кроме как носить орешки, завернутые в угол платка? Да благословит ее Господь. Нужно закончить разговор о ней, потому что больше для этого не представится возможности. Потому что, как они привыкли к тому, что она умерла, так и я привык не видеть ее. Но я обязательно оденусь в черное в память о ней и схожу на ее могилку, и в знак поминания одарю людей финиками¹, думая о том узле в углу платка, вместе с которым она развязывала мою душу. И я словно почувствовал запах дыма от ее сигареты, ведь она курила, нянька Мунес, курила сигареты марки «Хома», покупала их в упаковках, которых ей хватало на две недели. Но она стеснялась отца. А отец, хотя и знал о ее курении, виду не подавал. Не потому что он не любил сигаретного дыма, а просто из уважения к нему нянька Мунес не курила в его присутствии, даже если очень хотела. Но кашляла она так, словно все нутро ее выворачивало. Сам я не курю... «А знаешь, Мехрдадик, каждую свою сигарету я закуриваю в память о моем дорогом человеке, который ушел из жизни...» Сигарета была ее семьей. Поэтому мне нравилось то, что она курит, и запах этого дыма, особенно после обеда, был как запах тела того человека, в память о котором закуривала нянька Мунес. Однако отец встал с пола, оправив свои брюки табачного цвета с отутюженными стрелками, от которых так приятно пахло платяным шкафом, где хранились его вещи. И когда отец встал, а я продолжал сидеть, он опять сделался таким высоким, каким был в моем детстве. Он подошел к Рэнди и подал ей руку, и я по виду Рэнди сразу понял, что ей не по себе. Я сказал «Рэнди!» и подумал, что должен был бы сообщить им уже три года назад, что женился, ведь тогда у матери были бы три года, чтобы привыкнуть к этому. Но я уверен, мама, что достоинства Рэнди убедят тебя, хорошенько ее рассмотри.

– Это твоя знакомая? – спросила мама.

Я чувствовал на себе тяжелый взгляд Рэнди – да какой тяжелый! Соединил руки вместе, чтобы не было видно, как они дрожат.

Мать произнесла: «Мехрдад?» – тем самым тоном предупреждения из моего детства!

Рэнди спросила:

– Ты не хочешь сказать, кто я такая?

В ее тоне был и гнев, и насмешка. Она была права. Это я сплеховал. Явно приближался скандал, но как сделать так, чтобы она поверила: проблема не в ее присут-

¹ В Иране вечером накануне пятницы или в специальные дни поминовения усопших принято раздавать незнакомым людям орехи, финики и т.д.

ствии, а в том, что я нарушил обещание, данное матери? Ну, давай, говори теперь, парень. Я улыбнулся и сказал: «Это моя жена». И я постарался, чтобы моя улыбка была шире чем обычно, чтобы и Рэнди была довольна, и маму убедила бы ее красота. Однако мать смотрела на меня пристально, и я ясно увидел, что блеск ее глаз потух, а их кофейный цвет замутился. Ее румяные щеки пожелтели, а все лицо ее стало как выжатое белье – сморщенным. В этот миг я вновь осознал, как она постарела. Схватил ее руку. Она не держалась на ногах. Настаран обхватила ее за плечи. И в эту секунду глаза матери закатились. С помощью отца мы усадили ее.

Я повторял:

– Мама... Мама, мамочка...

– Это не страшно, – сказал отец. – Не беспокойся, – и сделал знак Настаран. Та побежала в сторону кухни. – У нее давление упало, – пояснил отец.

На лбу матери и над ее губами появились капельки пота. Ее лицо еще сильнее побелело. Я крикнул: «Мама!» – и закусил губу, чтобы сдержаться. Настаран сунула мне в руку кружку с водой. Я поднес ее к губам матери. Она не реагировала. Отец опустил пальцы в кружку и начал брызгать водой в лицо матери, и продолжал так до тех пор, пока веки мамы не задрожали и – медленно, медленно – глаза ее не открылись. Я с облегчением вздохнул. Отец взял из рук Настаран кружку сладкой воды и ложкой влил несколько глотков в рот матери, после этого, придерживая ее голову, дал ей выпить всю кружку. Он сказал:

– Я не думал, что, услышав хорошие новости, ты потеряешь сознание.

Мама молча начала плакать. Сказала:

– Извините меня. Я была сама не своя.

– Понимаю, что ты не ожидала услышать эти новости, – сказал я. – Мне самому было трудно об этом сообщить.

– Вы недавно поженились? – спросила мама.

Я понял, что она ожидает ответа: «да, недавно». Сказал:

– Уже три года.

– Три года? – она удивленно посмотрела на меня.

– Мы вместе учились, на фотокорреспондентов, – сказал я. – Отец и мать ее – адвокаты, из известных адвокатских... – мама нахмурилась, и это остановило меня.

Я сказал:

– Конечно, лучше было бы, если бы я сразу сообщил... Но... По правде говоря... Я не думал, что это так долго у нас продлится...

В этот момент я вздрогнул от крика Рэнди. Она сидела, закрыв лицо руками. Она крикнула:

– Сколько раз я тебе говорила поставить в известность семью?!

– Позволь, Рэнди, я все объясню.

– Может быть, я появилась из лампы Аладдина?

Она взяла пачку сигарет со стола. Так вот откуда был запах сигарет. Ее руки дрожали. Почему я думал, что ей не следует курить в присутствии отца? Почему это ее движение, которое я видел тысячу раз, сейчас так меня взволновало? Может быть,

это нянька Мунес так испортила меня? Нужно не забыть сказать Рэнди впредь не заходить в дом в обуви, маме это не нравится...

– Что она говорит? – спросила мать.

– Она волнуется, – ответил я.

– Объясни ей, – сказал отец, – что мы не имеем в виду быть негостеприимными по отношению к ней.

– Так мы еще и виноваты? – спросила мама.

– Садиге! – отец сердито остановил ее и сделал мне знак головой: иди к Рэнди. Мне и хотелось этого, и не хотелось, но я из уважения к отцу поднялся и подошел к Рэнди, а она с надрывным кашлем вскочила с места и выбежала из дома.

Отец сказал матери:

– Не забудь, что она – наша гостья.

Мать закрыла глаза. Ее подбородок все еще дрожал. Хотя я знал, что это не принципиально, я все-таки сказал:

– Рэнди все время настаивала на том, чтобы я сообщил вам о нашем браке.

Слезы опять полились из глаз матери.

Отец сказал:

– Как бы девушка не простудилась. Она вышла без верхней одежды. – И сделал мне знак, чтобы я пошел к ней. Я кивнул, что пойду, и сел возле матери. Я сказал:

– Когда узнаешь о моих обстоятельствах, ты обязательно согласишься со мной.

– Что сделано, то сделано, – сказал отец. – Важно чтобы вы с ней понимали друг друга.

Я понимающе посмотрел в глаза отца и встал. Сказал:

– С вашего разрешения.

Мать закусил губу.

– Быстрее приводи ее в дом, – сказал отец. А когда я выходил, распорядился: – На старан, ставь самовар.

Я уже открывал дверь вестибюля, когда услышал, как прорвались рыдания матери. Я остановился, но голос отца: «Садиге!» – заглушил материнский плач и опять толкнул меня вперед.

Выйдя в вестибюль, я закрыл за собой дверь и прислонился к ней. Ноги мои дрожали. Позади была мать, а впереди Рэнди. Она сидела возле бассейна, прислонившись лбом к крану, и кашляла. Ее кашель напомнил мне о чужбине и о школе Рэндольфа, а какая-то искривленность ее тела делала ее облик совсем непривычным, во взгляде же, когда она подняла голову и посмотрела на меня, я увидел зимнюю стужу.

– Ты довел меня не знаю до чего!

– Я прошу немного потерпеть.

– Что я должна терпеть? Твои глупости или обмороки твоей матери?

– Говори тише.

– Мы тоже понимаем, что такое гостеприимство.

Я подошел к ней. Она встала. Дрожала под своей рубашкой.

– Рэнди, послушай, ты права, что волнуешься, но не до такой степени.

– Ох, простите, господин Рустами, но я забыла весы, чтобы взвешивать степень волнения.

Я улыбнулся и, сняв куртку, накинул ее на плечи Рэнди и закутал ее. От слез прядь волос прилипла к ее щеке. Я сказал: «Прости меня». Взял ее руку и повел за собой по дорожкам сада, усыпанным мелким песком, где отец собирает урожай если не апельсинов, то по крайней мере апельсинового запаха.

Она сказала:

– Меня бесит то, что я столько раз просила тебя сообщить обо всем твоей семье, но ты каждый раз увиливал. Теперь ты видишь, почему я настаивала?

Я обнял ее за плечи, так, как она любила. Сказал:

– Была причина, почему я увиливал, Рэнди. До сих пор я тебе не говорил, не хотел говорить, но в нынешней ситуации я просто вынужден об этом сказать.

– Что ты имеешь в виду? – Встревоженная тем, что вот-вот услышит, она остановилась. Щеки ее стали того же цвета, что и волосы.

– Причина в том, – сказал я, – что я твердо и однозначно дал матери слово, что не женюсь в той стране.

– Но какая разница, в той стране или в этой стране? Брак есть брак, в какой бы стране он ни был заключен.

– Я не это имел в виду.

– А что ты имел в виду?

– Если успокоишься, я скажу. Не нервничай до такой степени.

Она остановилась. Глубоко вздохнула. Сказала: «Очень хорошо...» И закрыла глаза. Потом повторила: «Очень хорошо». И ожидала. Это ее состояние растрогало меня, и мне хотелось успокоить лаской дрожащую кожу ее лица, но она сейчас слишком нервничала, чтобы это принять. Я сказал:

– Она с меня взяла слово, что я не женюсь на американке.

Глаза Рэнди округлились. Ее зрачки превратились в два горящих огня, пылающих жаром.

– Не женишься на американке? Почему?

– По той причине... Как мне сказать, чтобы тебя не расстроить?

– Не беспокойся, больше, чем сейчас, я уже не расстроюсь.

– По причине свободы отношений мужчин и женщин в Америке.

По ее удивлению я увидел, что она меня не понимает.

– Я имею в виду непризнание условностей, а, по мнению моей матери, – распушенность.

– Распушенность?

Куртка упала с ее плеч.

– Что понимается под словом «распушенность»?

Я поднял куртку с земли и хотел вновь накинуть ей на плечи. Но она отступила на шаг.

– Имеется в виду половая распушенность. То, что в отношениях женщин и мужчин нет порядка. Каждый сам за себя...

– Каждый сам за себя?

– Ты же знаешь: то, что принято здесь, и что принято там отличается как небо от земли.

– Так, а ты почему же не сдержал свое слово?

Я набросил куртку ей на плечи. Она сбросила ее и пошла вперед. Я сказал:

– Потому что я связан с тобой больше, чем с тем словом, которое дал.

Я улыбнулся и внимательно смотрел на нее, ожидая, что появятся слезы, но она опустила на колени и обхватила голову руками. Сказала:

– Это более чем оскорбительно.

Я накинул куртку ей на плечи, но она движением руки отбросила ее с такой яростью, какой никогда я у нее не видел, и лицо ее было такое – никто бы не поверил, что это она: ничего в нем не осталось от прежней свежести. Она сказала:

– Я лучше умру, чем позволю себя унижить. – А потом крикнула мне в лицо: – Я не позволю унижать меня!

И она запустила пятерню в песок и пригоршню его швырнула мне в лицо и в голову, а потом зарыдала и уткнула голову в колени. Я посмотрел на окна. Там никого не было, или я никого не заметил. Я спросил:

– О каком унижении ты говоришь?

Она крикнула:

– Оставь меня одну!

Меня словно подбросило чувство ненависти – не знаю, шло ли оно от нее или от меня самого. Я поднял куртку, но, не сделав и нескольких шагов, бросил ее по направлению к Рэнди, и куртка упала ей на голову, а она с яростью, которая сквозила во всех ее движениях, отбросила ее прочь. Если бы эту ярость я увидел в Америке, то превратился бы в растерянного мальчишку, который потерял свою маму, но ведь я-то бросил куртку в ее голову из чувства долга, ведь я не имею привычки плевать в колодец, ведь я не забыл, что именно в тебе я нашел опору в Америке, да и любовь не забывается. По крайней мере, я не могу...

Рэнди

Не показывай слабость. Встань. Это не в твоём характере... Будь, наконец, осторожна! Все делают ошибки... Каждый сам за себя... Распушенность... Стали людьми... Не реви... Собери свои вещи и отправляйся в гостиницу... Я не женюсь на американке... Да, папа-мама-Дэвид... Теперь я вам верю... Интересно то, нет, забавно то, что он себя считает центром отношений... Не женюсь... Почему сейчас ты не готов, как тогда, биться головой об стенку и рвать на себе рубашку, чтобы доказать своей матери, что если тогда кто-то настаивал на браке, то это был ты, а не я... И если кто-то из этого брака извлек пользу, это был ты, а не я... Для меня это не было успехом, и даже не было того желания, которое было у тебя... Мне было лишь интересно понять, что означает жить с восточным человеком, насколько от него пахнет сказками Шехерезады, и теперь вижу, что этот запах меня просто сбил с ног. Взбесило меня это предположение госпожи,

будто американские невесты гоняются за ее сыном и чуть ли не силой тащат его в мужья. Знала бы она, как он дышал словно собачонка. Как мальчик, которого куда не пускают, отовсюду гонят, одинокий, неприкаянный, это я накинула на него ошейник, дала ему приют, спасла от беспризорности, ну и, конечно, сейчас я заслужила, чтобы ты залаял мне в лицо. Сейчас понимаю, что весь этот пыл, и рвение, и чувства были не ради меня, но ради его самосохранения. Вижу и результат моего большого интереса к Шехерезаде: тыходишь – вошла – в одну из ее сказок и разыгрываешь роль любовницы нищего юнца. Твоему сердцу так надоела слабость, что ты погналась за восторгами, которые давал тебе этот влюбленный юнец, якобы знакомый тебе по сказкам Шехерезады, и все, что с точки зрения окружающих было неумным, меня воодушевляло, и я пошла до конца. Не хочу сказать, что я была обманута или даже не видела актерства, нет, но у меня достаточно смелости, чтобы стоять на том, что я решила, и сейчас, если конец несчастный, пусть он будет таким, потому что я вообще не верю в счастливые финалы, это неверие далось мне нелегко, потому-то я и не допускаю, что эту сказку закончит Шехерезада, потому что, если бы этот финал написала Шехерезада, это было бы не в моих интересах.

...Когда я увидела, что мать его смотрит на мою обувь... – ну конечно, здесь к этому чувствительны; все они, включая Мехрдада, были без обуви, – я с наслаждением, словно топтала ее гордость, вытерла подошвы своих туфель об их красивый ковер. Она даже заерзала на диване. На миг я забыла, что остаюсь, чтобы растоптать это самомнение, чтобы вспомнила, чей этот мир, и не думала, что центр всего – твой сын. Хотя я знала ответ, я спросила:

– Паспорт и журналистская карточка у тебя?

– А что ты хочешь?

– Я хочу, чтобы они были у меня.

Он ответил: «Они в надежном месте» – таким образом, что я поняла – хочет оставить их у себя. Я взяла свою дорожную сумку и закинула ее за плечо. Сказала:

– Не думай, что я здесь останусь.

Он пристально смотрел на меня, словно хотел меня напугать. Сказал:

– Не надо играть в детские игры.

– Я рада, что ты так повзрослел, – ответила я, – что применяешь слово «детские».

Он посмотрел на отца, на мать, на сестру, которые молча смотрели на нас. Взгляд его отца тяжелый – в нем не угроза или упрек, но он тяжел своей глубиной.

– Не порти мне праздник, Рэнди.

– А где же тогда мой праздник?

– Но ведь я извинился перед тобой.

– Я тоже, – сказала я, – после того, как испорчу тебе праздник, извинюсь за это. – И протянула ему руку. – Ты хорошо знаешь, что у меня есть полная возможность уйти из этого дома.

– Куда ты собираешься?

– В гостиницу.

– В гостиницу?

Взгляд его отца стал еще тяжелее. Я сказала:

– Не расстраивай меня еще больше.

– Почему ты хочешь все испортить? – спросил Мехрдад, подойдя ко мне ближе. – Если кто-то во всем этом виноват, то только я, но никак не ты и ни кто-то другой. А я готов за свою вину тысячу раз просить у тебя прощения.

Я настолько устала, и мне так хотелось принять душ, что я чувствовала сильное искушение принять его извинение, но для того чтобы успокоить мой гнев, мне нужна была не тысяча извинений, а десять тысяч. Вышел вперед его отец, улыбаясь, и встал рядом с ним, и начал говорить. В его взгляде и улыбке было что-то подкупающее, что заставляло слушать его слова с уважением и даже принимать их, хотя к переводу Мехрдада такого почтения я не испытывала.

– Добро пожаловать в нашу страну и в ваш собственный дом. Вы для нас как молодая жена сейчас так же дороги, как наша дочь Настаран. Что же вас беспокоит?

– Благодарю вас.

Он переводил дальше:

– Согласитесь, что эта новость была очень неожиданна, а моя супруга, по причине болезни кровяного давления, часто подвержена таким приступам. Будьте уверены, что она – женщина очень добрая, и вы в этом очень скоро убедитесь.

Я сказала:

– Ваши объяснения убедительны, однако...

Однако что? Его объяснения весили десять тысяч извинений, поэтому мое «однако» осталось подвешенным в воздухе, и никаких новых убеждений не последовало. Мехрдад взял меня за руку и поцеловал в щеку. Произнес: «Не суди строго...» – и улыбнулся, и вдруг – как будто кашлянул водитель – он выпустил мою руку и весь подобрался, и опустил голову. Я увидела, что его сестра вся запунцовела, а мать покашливает и исподтишка разглядывает меня, и снова у меня возникло искушение остаться. Я была уверена, что поцелуй Мехрдада не доставил ей удовольствия. Была уверена, что ей не хочется, чтобы я тут осталась. Об этом говорил взгляд и улыбка, застывшая на губах. Поэтому я сказала:

– Очень хорошо.

– Спасибо тебе, Рэнди, – сказал Мехрдад.

Его отец улыбнулся, кивнул и сел рядом с дочерью. Я поставила дорожную сумку на стол и почесала голову. Сказала:

– Знаешь, что мне сейчас нужно?

– Нужен душ.

– А также болеутоляющее.

– У тебя голова болит?

– Не болит, а раскалывается!

– Сейчас я это устрою, – сказал он и начал говорить со своей сестрой. Она кивнула и встала.

Отец жестом пригласил меня присесть, поглядывал на Мехрдада, улыбаясь, а потом заговорил с женой, с таким нажимом, с каким мой отец внушает что-то маме. Хотя я ничего не понимала в ее словах, я слушала с любопытством, пытаюсь по тону ее голоса понять, в каком духе она обычно общается. Мехрдад был не так

прост, чтобы не заметить, что меня интересует. Он взял меня за руку, поднял с места и повел за собой.

– Эй, что ты делаешь? – спросила я.

– Разве не ты хотела принять душ?

– Но мама твоя еще ничего не сказала.

– Надо, чтобы ты ей дала повод.

– Повод для чего?

– Надо, чтобы она к тебе привыкла.

Я остановилась. Высвободила руку. Сказала:

– К этому я не приложу ни малейшего усилия.

Он открыл дверь ванной. Опять взял меня за руку, завел внутрь и закрыл дверь.

Сказал: «Дорогая моя».

Так сказал «дорогая моя», что это значило вовсе не дорогая моя, но было напоминанием, что я слишком независимо себя веду и что я должна быть скромнее.

– ...Вот потому-то я и предпочла бы уехать в гостиницу.

– Уехать в гостиницу? Ты понимаешь, что говоришь? Ты хочешь лишить меня даже той крохи достоинства, которая еще у меня осталась?

– Если ты имеешь в виду, что я своим поведением умаляю твое достоинство, то я должна сказать, что...

– ...Ну, дорогая госпожа, – перебил он, – у нас ведь шея не толще волоска, такие мы чувствительные...

Ласка его мне не понравилась. Словно он платил налог за сохранение достоинства, и это было не от любви, а от ярости, может быть, от ненависти? Я отстранила его от себя. Сказала:

– Отойди. Ты не видишь, что я еле держусь?

– Прошу прощения.

Его извинение, вместо того чтобы успокоить меня, вызвало во мне жалость. Он меня раздражал. Я еле терпела его присутствие. В дверь постучали. Мехрдад быстро пригладил волосы и провел языком по губам, чтобы слизнуть следы помады, не зная того, что я не использовала помаду. Мое насмешливое выражение он принял за улыбку и, улыбаясь, открыл дверь. Это была его сестра с таблеткой на тарелке и с кружкой воды. Протянула мне тарелку. Я взяла таблетку и спросила:

– Ты знаешь английский?

С красивым движением руки и головы она ответила:

– Я учила, но разговариваю плохо. Грамматика...

Я проглотила таблетку и, запив водой, вернула ей кружку.

– Как здорово! Значит, мне не будет так одиноко.

Она поняла меня, улыбнулась и ушла. Мехрдад хмурился. Я сказала:

– Здесь очень холодно.

Он включил электрический обогреватель.

– Пока ты будешь готова, он нагреется.

Хотя знала, чего он хочет, и что он ждет, когда я разденусь, я вопросительно посмотрела на него. Он спросил:

– Тебе что-нибудь нужно?

– Конечно. Полотенце и мой шампунь.

И открыла дверь, чтобы он вышел. Он улыбнулся, кивнул и ушел. Я заперла дверь изнутри, чтобы он внезапно не вошел. Не хотелось, чтобы он считал вход в мою запретную зону чем-то гарантированным; запретную зону, которую он считает принадлежащей только ему и говорит: я, мол, знаю чужбину, и настолько же, насколько мне противна чужбина, я влюблен в твою запретную зону... Ну и теперь, Шехерезада-сказочница, как ты расскажешь эту часть сказки, в которой Рэнди в объятиях супруга чувствует себя под угрозой? Что произошло? И как ты ответишь на это мое состояние?

МЕХРДАД

Когда увидел, что дверь ванной заперта, то рассердился не на нее, а на себя. Я понял, что все, что я выиграл, она забрала назад. Постучал и, когда она открыла, не глядя на нее, протянул ей полотенце, шампунь и яблоко.

– Съешь пока хотя бы яблоко, а то совсем голодная.

Она ничего не ответила, и, прежде чем она закроет дверь, я быстро ушел, причем сделал это так, чтобы она поняла – я не рвусь к ней туда. Я не знаю, что произошло, но я знаю, что что-то произошло, произошло между мною и ею, и если она пытается меня приструнить своей строгостью, то это меня теперь может только рассмешить. В Америке было не так. Там ее строгость была частью местной жизни, земли и неба и казалась очень красивой, как красив прыжок леопарда, убивающего добычу, это все было очень серьезно, как серьезен рык голодного льва, и я был восхищен, очарован, но сейчас эта строгость – самая-самая, на какую она способна, – может быть только смешной и никакой больше. Это что, уже действуют здешние земля и небо? Если бы это не звучало по-детски, я бы сказал: в своем доме я – лев; но это звучит по-детски. А может быть, дело в том, что я вижу ее не только своими глазами, но глазами своей семьи? Так или не так, но все это нехорошо, потому что, как ни смотри на ситуацию, увидишь, что эта женщина – Рэнди, то есть моя жена, я с ней три года прожил под одной крышей, вместе мы глядели на Европу, вместе приобретали горький опыт – он только мой и ее; так откуда сейчас столько отчуждения, понять не могу. Может быть, причина в том, что мне здесь все знакомо, а ей нет? Если бы можно было нам поговорить об этом, Рэнди! Поговорить, а не поспорить. Эта страна и этот дом при том, что я восемь лет здесь не был, для меня настолько понятны, что с этим никак не сравнятся три года нашей с тобой жизни, пусть это была наша глубоко общая жизнь, и все-таки мне сейчас больше хотелось бы не с тобой быть и не около тебя, но повстречаться со старыми друзьями, пообщаться с матерью, с Настаран, она расцвела как новый цветок, и все не устает восхищаться моим ростом и статью, и все повторяет: «Ай, джан! Какой мужчина!» А я, как увижу их обеих, тут же чувствую раскаяние: ну почему я не был рядом с ними, не шел по одной дороге с матерью от черных волос к седине, не выросл вместе с Настаран, которая... «Этот дом без тебя, Мехрдад, был совсем пустой и печальный...» И отец, который завернул меня в апельсиновую кожу и послал в школу

Рэндольфа... Голова кружится... За каждый, каждый миг... И неужели Рэнди – это напоминание о присутствии во мне Америки – настолько чужда всему этому? Насколько чужда, что она, действительно, кажется мне корреспондентом, который приехал сюда лишь для сбора новостей об Иране – но нет, это ведь Рэнди, твоя жена, жена, которая вытащила тебя из чужеземной пучины на берег человеческой близости, а сейчас, когда волна близости с Ираном так мощно поднимает тебя, ее корабль оказался прикованным якорем к чужедальным берегам. Поэтому-то я и остерегаюсь взгляда ее глаз – взгляда, который только по цвету знаком, но который теперь бьет мне в самое сердце, а голос ее с этой осудительной интонацией как будто ставит целью меня унижить. Мне повезло, что отец и мать не знают английского. А Настаран? Но все равно, интонация Рэнди передает смысл ее слов. Насколько я узнал Рэнди, я знаю, что, если я ее не останавливаю, она идет до конца в разрушении чего бы то ни было. И плохая привычка, которая выработалась у нас, заключается в том, что только я должен делать шаг к примирению, только я должен проявлять обходительность, и на протяжении этих лет она ни единого раза не смирилась, даже если была не права. Конечно, она извиняется, но только после того, как я сделаю шаг к примирению, и это очень эгоистично, что ты заявляешь о любви, но ведешь себя как враг. Говорит, что она женщина и что это женская гордость, но я этот аргумент, на мой взгляд, весьма примитивный, всегда отвергал. Я говорил: «Это не гордость, это спесь. Спесь, которая бесит и которая однажды, в конце концов, нас с тобой доведет до чего-нибудь нехорошего».

И сейчас я раскаиваюсь, что за все эти годы, если я смирялся, то это было потому, что я не мог выносить одиночества, тем более там, в Штатах. Там я очень был к ней привязан. Не хочу сказать, что я ее не любил, нет, но если я скажу, что именно из любви к ней я делал первый шаг к примирению, то это будет ложью. Скорее, это было моей тактикой, чтобы наш с нею дом оставался мирным, чтобы она в своем безумии не зашла слишком далеко и чтобы я не потерял это тепло; я чувствовал себя слишком измотанным для того, чтобы начинать с ней борьбу, и именно поэтому она всегда чувствовала свое превосходство, и доходило до того, что в сохранении отношений не видела никакой своей обязанности, и все, что хотела, то и говорила, все, что хотела, то и делала, с уверенностью, что ничего не может случиться и что все урегулируется. Вина моя в том, что она настолько заносчива, что не показывает уважения ко мне ни перед отцом, ни перед матерью, ни перед Настаран, и даже не уважения ко мне, но уважения к нашей семье, она не делает ни малейшей попытки понять мое положение, и в этом такое презрение... Такая избалованность в этом презрении... В том, что она себя считает человеком номер один в наших отношениях, а меня человеком номер два. В том, что она должна все решать. В том, что, если она хозяйка, то я в таком же смысле не являюсь хозяином, а только слугой. И она имеет право приказывать и запрещать, а моя обязанность – исполнять. Ошибочное прочтение, госпожа! Если бы ты хорошенько подумала, то поняла бы, что мое поведение в наших отношениях диктовалось не слабостью, но пронизательностью. Насколько я к своему поведению подходил сознательно, настолько ты вела себя неосознанно, потому-то ты

проиграешь: ведь ты никакой иной версии этих отношений не допускаешь. Мою слабость ты всегда объясняла своей силой – если я бывал слабым, а я им бывал... Да, я бывал пассивен, не находил сил сопротивляться тем безумствам, которые составляют основу твоей жизни, – по этим причинам я сгибался перед тобой, – но такое поведение – это умный враг, а отнюдь не глупый друг; и все равно оно тебя раздражает до такой степени, что ты готова ради своей спеси растоптать мое достоинство перед глазами моей семьи, ты даже с семьей приняла линию поведения, унижающую ее. И теперь я понимаю, почему она стала мне смешна. Потому смешна, что я вижу тип ее поведения и знаю, какого рода мысли стоят за ним, ссора для нее – это лишь игра, в которой, по ее мнению, всегда проигрывает лишь один человек. Да, если строгость в Америке была красивой, то это потому, что я так хотел, если бы я тогда не терпел этой лжи, дошло бы до объяснений, до выяснения отношений, результатом чего мог быть только развод, а я его не хотел. Однако же сейчас я хочу сыграть свою настоящую роль, тем более что теперь имею преимущества, которые были тогда у нее, более того, Рэнди, здешняя земля и небо этого от меня требуют. Именно то, что твое поведение здесь не кажется красивым, скорее смешным, и подает мне сигнал, что я уже достиг ступени, когда, во имя сохранения того, имя чему – настоящая гордость или даже – мужественное благородство, я могу этой игре придать изящный поворот, повернуть ее так, что против твоей черной ярости я выставлю иную фигуру – тоже убийственную, но белого цвета; я твою спесь ткну носом в землю. Это нужно сделать. Так мне подсказывает чутье, то самое, у которого очень много общего с твоим чутьем, то чутье, которое очень связано с тобой и которое мне говорит, что, для того чтобы не выпустить тебя из рук, надо тебя воспитать...

(Продолжение следует)

О ХОСРОУ ШАХАНИ

*Дж. Дорри**

Хосроу Шахани – один из наиболее интересных и талантливых иранских новеллистов второй половины XX столетия. Своим творческим поприщем писатель избрал сатиру и юмор, имеющие в персидской литературе давнюю традицию. В сатирической типизации писателя находят отражение многие злободневные проблемы Ирана – социально-политические, морально-этические и культурные.

Герой Хосроу Шахани – простой, или «маленький», человек, к которому автор относится с сочувствием и симпатией. Повествуя об алчных и корыстных захребетниках, правительственных администраторах, богатых, бездушных чинушах из различных ведомств, наживающихся на горе и страданиях народных масс, писатель поднимается до гневного сарказма. Каждый рассказ Шахани вызывает к человечности, заставляет читателя задуматься над жизнью, поразмыслить о том, что делает ее «не вполне удобною».

* Джahanгир Хабибулович Дорри (р. 1932) – доктор филологических наук, профессор восточной кафедры Московского государственного лингвистического университета (МГЛУ), член Союза писателей России, литературовед, переводчик, автор многочисленных монографий, переводов и статей по персидской литературе.

РАССКАЗЫ

Хосроу Шахани

Перевод с персидского *Дж. Дорри*

ГНЕЗДИЛИЩЕ РАЗВРАТА

Восемнадцать лет назад умерла жена Рахматоллы, оставив ему дочь и сына. Рахматолла так и не женился во второй раз, сам воспитал детей, хотя и тяжело ему пришлось. Он не гнушался никакой работой. Служил и посыльным на базаре, и в чайной на побегушках, и лоточником был, развозил на ручной тележке фрукты и овощи. И вот вырастил детей и даже поднакопил денег, чтобы открыть собственное дело.

Рахматолла понимал, что арендовать помещение в центре Тегерана ему не по карману – не тот у него капитал, чтоб оправдать высокую арендную плату, а потому снял домишко на одном из загородных шоссе. Раздобыл мангал, шампуры, кое-какие стулья, диванчик, купил самовар с чайником. Расставил все это в небольшой комнатке – получилась довольно уютная чайная. Подросшие дети были ему хорошими помощниками.

Летними вечерами Рахматолла выносил стулья и табуретки к протекавшему поблизости ручейку и встречал прохожих и проезжих чаем и кальяном.

В уютную чайную на шоссе заходили перекусить водители тяжелых грузовиков и любители загородных прогулок, а поляну неподалеку от нее облюбовала молодежь для ночных прогулок. Для всех днем и ночью готов был кебаб из барашка и чай, и вскоре дела Рахматоллы пошли на лад. Впервые судьба улыбнулась ему.

Но, как говорится, счастье никогда не бывает вечным. Как раз в это время блюстители нравов решили начать борьбу за моральную чистоту общества.

Председателю комитета по борьбе с пороком был представлен список значных мест с указанием точных адресов. В их числе оказалась и маленькая чайная Рахматоллы.

Подумать только! Ведь создать подобное заведение в мусульманской стране – значит бросить вызов престижу этой страны и всеобщей морали. В стране, где все сто процентов жителей – шииты, где все знают, что хорошо и что плохо, где нет лжи, где нет распутства и пороков, никто не допустит существования возмутительного прибежища для кутил, пьяниц и развратников!

Тайные донесения в комитет по борьбе с пороком гласили, что завсегдатаи этого сомнительного заведения пьют горячительные напитки и, разбредаясь парочками,

неизвестно чем занимаются в темноте. Все это противоречит и законам шариата, и гражданскому кодексу.

Заработали специальные комиссии, был составлен план кампании, и в один из прекрасных теплых вечеров вооруженные до зубов члены комитета нагрянули в чайную Рахматоллы. Рахматоллу и его детей арестовали и передали представителям правосудия: вот они, губители нравов.

На следующий день газеты под броскими заголовками сообщили об этой блестящей победе. «Вот так-то! – писали они. – Положен конец безнравственным сборищам пьяниц и развратников! Чайная такая-то являлась одним из множества притонов. Владелец этого заведения некий Рахматолла вот уже многие годы под разными именами содержал злачные места в ряде городов страны. Солидный опыт и связи с преступным миром не раз помогали ему избежать карающей руки правосудия. И вот благодаря бдительности членов комитета по борьбе с пороком банда разоблачена. Наконец это позорное пятно смыто с нашего общества!»

Настал день суда. Ложи для зрителей были переполнены. В креслах восседали судьи в официальных одеждах. За спинами обвиняемых – членов пресловутой банды, то есть Рахматоллы, его сына и дочери – стояла вооруженная охрана. Рахматолла молчал, уставившись в одну точку потускневшим взглядом. А дети его не понимали, где они находятся и в чем виноваты. Они не знали, что являются сообщниками преступника!

Началось заседание. Напрасно оправдывался Рахматолла, клялся, что не связан ни с какой бандой, что в его чайной никто не развратничал.

– Как же я могу отвечать за то, что происходило на поляне! – взывал он к суду. – Я лишь продавал кебаб и чай!

Никто его не слушал. Но он все еще надеялся на справедливость.

– Если возле моей чайной и пили водку, то на бутылке всегда стоял государственный штамп, и, значит, государство получало свое сполна.

– Водка! В мусульманской стране?! Ну и ну!

Чуть было не завели новое дело – о клевете на мусульманское общество. Но и так все было ясно. Притоносодержатель Рахматолла был приговорен к двум годам тюрьмы, дочь его получила год, а сын – три месяца заключения. Выйдя на свободу, мальчик нанялся чернорабочим, чтобы помогать сестре и отцу.

Однажды он услышал – газетчики кричат: «Притеснение слабых и неимущих под видом борьбы с развратом!..» В стране начиналась новая кампания. Парень схватил газету и, к великой своей радости, прочел: «...Прошлой ночью на двадцать третьем заседании конгресса партии „Утешителей слабых“ один из ее лидеров, господин Назокдель¹ резко критиковал методы работы комитета по борьбе с пороком. „Это возмутительно! – сказал он. – Комитет сажает за решетку каких-то несчастных содержателей чайных по обвинению в потворстве разврату, в то время как настоящие его виновники разгуливают на свободе. Известно, что истинный порок обитает в многоэтажном центре города, средоточии пьянства и распутства сильных мира

¹ Назокдель – букв.: «Жалостливый», «Мягкосердечный».

сего, а члены комитета хватают жалких бедняков и все валят на них. Наша передовая партия осуждает эту несправедливую политику...»¹»

Рядом со статьей был помещен снимок весьма импозантного лысого господина с огромным животом. Под фотографией значилось: «Господин Назокдель произносит речь в защиту слабого и неимущего класса общества». Вслед за господином Назокделем с протестом против методов борьбы с пороком выступили господа Заифдуст, Эсанхах и Мохаббатпарвар¹. Их речи были напечатаны в той же газете.

Прочитав все это, сын Рахматоллы запрыгал от радости: впервые кто-то вставал на защиту его отца. Бережно свернув газету, он помчался к тюрьме и еле дождался свидания, чтобы сообщить узнику отрадную весть:

– Отец! Отец! Нашлись и у нас заступники! Нашлись друзья, которые нам помогут!

– Ну, расскажи поподробнее, сынок, – попросил Рахматолла, которого восемь месяцев тюрьмы состарили на десять лет.

Сын вытащил из кармана газету и показал отцу и сестре обнадеживающие статьи. Но старик грустно покачал головой, причмокнул губами и сказал:

– Сынок, есть много вещей, которых ты не понимаешь и не скоро поймешь. У нас в стране всем заправляют две партии. Та, что приходит к власти, открыто притесняет нас. А другая объявляет себя защитницей бесправных и неимущих и изо всех сил поносит тех, кто стоит у власти. Вот и выходит, что обеим этим партиям наши беды только на благо.

Старик умолк. Слезы заблестели на глазах сына, он опустил голову. В комнате воцарилось тяжелое молчание. А через несколько минут повелительный голос полицейского объявил, что свидание окончено.

НЕУДАЧНИК

Мой старый приятель Акбар – самый неудачливый человек па свете. У него шестеро детей от пяти жен, причем все – на его шее!

Длинная это история, но я попытаюсь изложить ее вкратце.

На днях случай привел меня в загс, и там неожиданно я встретил Акбара, подписывавшего заявление о разводе со своей пятой женой, Эффат.

– Дома у меня настоящий детский сад! – завидев меня, произнес он. – Я в полной растерянности, что с ними делать?

– Сам виноват! – ответил я. – Зачем надо было столько раз жениться и разводиться и с каждой заводить ребенка? Теперь расхлебывай кашу, которую заварил. Можно подумать, что ты слепой или Бог обделил тебя разумом.

– Клянусь Аллахом, – застонал он, – я не виноват. Во всем повинны эти проклятые специалисты по супружеским отношениям! Они-то и довели меня до такого состояния – будь они прокляты! Своими «мудрыми» советами они сбивают людей с тол-

¹ Заифдуст – букв.: «Друг слабых»; Эсанхах – букв.: «Гуманист»; Мохаббатпарвар – букв.: «Любвеобильный».

ку, дурачат их! Я женился и в семейной жизни пытался следовать совету этих прославленных корифеев. И вот тебе результат. Еще до первой женитьбы, на Мохтарам, чтобы не попасть впросак, я тщательно стал собирать всю специальную литературу по этому вопросу, добросовестно изучать и конспектировать ее. А после женитьбы сразу же начал применять советы на практике. Так как нельзя было исполнять все предписания одновременно – получился бы полный винегрет, – я решил пользоваться ими по порядку. Первая заповедь мудрых авторитетов гласила: «С женой надо быть жестким и, идя к ней, не забывать про плетку!»

...Прошли две недели после нашей свадьбы, а я все еще не мог найти повода придаться к жене. Наконец как-то утром, когда Мохтарам протягивала мне стакан чаю, я нарочно уронил его. Этого было достаточно, чтобы я мог придаться к ней и воспользоваться первой заповедью. В бешенстве выскочил я из-за стола, схватил плетку, которой мой покойный отец хлестал лошадей, и стал бить Мохтарам. А через неделю, придравшись к какому-то пустяку, я снова избил жену. Короче говоря, добросовестно следуя этой заповеди, время от времени я избивал Мохтарам плеткой.

...После рождения Хасана Мохтарам как-то ушла навестить отца и не вернулась. Она заявила, что такого мужа ей не надо! Что же оставалось делать? Я вынужден был дать ей развод, оказалось, что Мохтарам не идеальная женщина и неспособна переносить основного предписания супружеской жизни.

Хасан остался на моей шее. Пришлось кормить его коровьим молоком. Когда ему исполнилось полгода, он был таким капризным, что я понял: одному мне не справиться с ним. Вот я и решил жениться на Атефе. Чтобы на этот раз брачные узы были более крепкими, я обратился в специальную контору, где давались советы, как строить семейные отношения. Там я получил такой ответ: «Чтобы поддерживать любовь супруги, необходимо постоянно возбуждать в ней чувство ревности!»

Пришлось отложить отцовскую плетку и приняться за исполнение второй заповеди. Я регулярно оставлял в карманах открытки с полуголыми актрисами, левой рукой сам себе писал любовные письма и устраивал так, чтобы они попадали в руки Атефе. Я часто выходил на балкон и на виду у жены кокетничал и строил глазки прохожим женщинам. Возвращаясь домой, старался чтобы от меня пахло духами. Пришлось даже купить губную помаду и время от времени оставлять ее следы на губах и на рубашке. Одним словом, делал все возможное, чтобы возбудить в Атефе ревность. Но она почему-то на все это никак не реагировала. Можно было подумать, что эта женщина начисто лишена чувства ревности!

Однажды, забыв дома кошелек, я днем неожиданно вернулся домой и увидел на кровати пиджак нашего молодого соседа Хушанга. Атефе была растеряна и испугана.

– Что бы ты сделал на моем месте? Разве бы ты не развелся с ней?

– Развелся!

– Вот и я поступил так же! Она оставила мне годовалую дочку Маниже.

– А что было дальше?

– Через девять месяцев, когда я женился на Марьям, решил для укрепления семейных отношений забыть о первых двух заповедях и взять на вооружение третью,

которая гласила: «Не водите с собой жен в общественные места, увеселительные заведения, на вечеринки, приемы. Это отрицательно сказывается на их душевном спокойствии и расшатывает устои семьи. Не давайте жене неограниченную свободу, не слишком доверяйте ей, не оставляйте ее без присмотра. В то же время стремитесь заручиться ее доверием, старайтесь не возбуждать ее ревность!» Эта заповедь мне показалась более целесообразной. И действительно, подумал я, сам виноват в том, что, пытаясь возбудить в Атефе чувство ревности, я в то же время часто оставлял ее одну, без присмотра.

Теперь, уходя на работу, я стал запирает дверь на замок и никуда не выпускал жену. Все покупки совершал сам и самым тщательным образом следил, как бы она не отлучилась из дому. Я даже не поспешил и возвел высокий забор, превратив дом в настоящую Бастилию. По полгода не разрешал ей ходить в баню. Сам не бывал в гостях и ей не разрешал даже навещать родственников. Бедняга, как птичка в клетке, сидела взаперти! Но зато я ни на шаг не отступал от предписаний специалистов по супружеским отношениям! Постепенно без бани и парикмахерской Марьям так обросла и запаршивела, что превратилась в страшного лохматого медведя, завидев которого волосы вставали дыбом. Мы жили, как доисторические пещерные жители. Возненавидев друг друга, мы не скрывали взаимного отвращения.

Фатиме было пять месяцев, когда однажды, вернувшись с работы, я застал ее на руках Хасана, а Маниже во дворе играла в песке.

– А где мама? – спросил я у Хасана.

Он указал на письмо, лежащее на столе. В двух словах Марьям сообщила: «Дорогой супруг! Ни тебе, ни мне не нужна такая жизнь. Поэтому я навсегда покидаю тебя. Искать меня бесполезно. Прощай!»

– Что бы ты сделал в такой ситуации? Разве не дал бы ей развода?

– Дал! – ответил я.

– Ну вот и я поступил так же! А когда я женился на Азизе и опять обратился за советом к книге по супружеству, то понял, какую я совершил грубую ошибку в отношении Марьям. Бедняга была права, что убежала от меня. На этот раз крупнейший специалист по супружеским отношениям давал следующий совет: «Старайтесь сделать жену общительной. По вечерам берите с собой на прогулку, ходите вместе на различные мероприятия, приемы, банкеты! Приучите жену к обществу, чтобы и ей было весело и чтобы сами вы не скучали с ней!»

Теперь-то мне стало понятно, почему убежала Марьям! На ее месте любая женщина поступила бы так же. Так вот, оказывается, в чем заключается секрет счастливой семейной жизни, а не в том, чтобы избивать жену, держать ее взаперти и возбуждать в ней чувство ревности!

Короче говоря, каждый вечер – сначала по моему указанию, а затем уже по своей собственной инициативе – Азизе красилась, делала новую прическу, наряжалась в сильно декольтированные платья, и мы отправлялись на очередной прием. Возвращались мы обычно с петухами, единственными нашими попутчиками были бездомные псы.

Естественно, что если человек бодрствует почти до рассвета, то должен как-то компенсировать недостаток сна. Вот мы и валялись до обеда в постели, а затем, перекусив чем-нибудь, после небольшого отдыха, готовились к очередному вечеру, и все начиналось сначала.

Со временем от танцев у меня разболелись ноги, а соседи стали шушукаться, особенно в отношении моей супруги. Придумывали всякие небылицы. Но дело было даже не в этом – просто я больше не мог выдерживать такого ритма. Но остановить жену теперь уже было невозможно. Она вошла во вкус и, если я оказывался не в состоянии идти на прием, шла одна и под утро в сопровождении каких-то здоровенных детей возвращалась домой.

Скажи мне честно, стоило ли дальше продолжать такую жизнь?

– Мне кажется, нет! – ответил я.

– На моем месте что бы ты сделал? Разве не развелся бы с ней?

– Развелся!

– Вот и я сделал то же! Только когда я расстался с Азизе, у меня на руках уже было пятеро! Дело в том, что не прошло и года, как дорогая супруга подарила мне двойню! Приходилось днем, пока я на работе, Хасану нянчить Судабе, а Маниже – Сиявуша.

Через год после нашего развода я пришел к выводу, что для воспитания детей не миновать женитьбы в пятый раз!

Обратившись все к тому же справочнику, я прочел в нем: «Мужчина должен вести себя в разных ситуациях по-разному и не подходить к супружеской жизни догматично: иногда надо быть ласковым, а иногда жестким, порой следует проявить щедрость, а порой быть расчетливым, то быть гордым, а то простым, иногда не мешает быть ревнивым, а иногда показать безразличие! Необходимо, чтобы состояние мужа всегда было неожиданностью для жены и чтобы она умела приспособливаться к различным его настроениям!»

...Вот, оказывается, в чем дело! А я-то до сих пор ничего этого не знал и поэтому-то и поступал так глупо! Если бы усвоить это с самого начала, то все бы кончилось не так плачевно. И я бы имел сейчас идеальную семью! Надо было срочно исправлять ошибки!..

И вот я приступил к выполнению этих предписаний: то я избивал Эффат до полусмерти, то ласкал ее до тошноты, то не жалел на нее денег, то проявлял такую скупость, что попрекал куском хлеба, то страшно ревновал ее, а то проявлял полное безразличие, то запирал на ключ, а то...

– Ну и чем все это кончилось? – не дав ему договорить, спросил я.

– Кончилось тем, что видишь!.. Она пошла в суд и пожаловалась, что у нее муж сумасшедший, и запросила развода. И когда суд разобрал мое поведение, то пришел к выводу, что ее требования справедливы, и развел нас. И вот сегодня я пришел сюда, чтобы подписать это заявление... Но зато ты не представляешь, какая прелесть эта малютка Кодси – дочка Эффат!

– Что же ты теперь намерен делать? – поинтересовался я.

– Пока не знаю, никаких конкретных планов у меня нет. Но если придется еще раз жениться, то теперь по крайней мере твердо знаю одно: не сын я своему отцу, если последую хоть одному совету этих прославленных корифеев по супружеским отношениям, этим знаменитым специалистам по женской психологии!

ЭКСУМАЦИЯ

Я шел на поминки Джамалая-аги, который три дня назад трагически погиб в автомобильной катастрофе. По пути встретил Садека, нашего общего с Джамалем-агой друга.

– Ты куда? – спросил он.

– На поминки Джамалая-аги. Пошли вместе!

– Нет, я не пойду.

– Дела не позволяют?

– Нет. Я до самой смерти своей ни о каких поминках и похоронах ни друзей, ни знакомых слышать не желаю! – с горечью выпалил он.

– Что так?

– А вот что. Лет десять-двенадцать назад умер мой друг – армянин Арменак. Я очень горевал – такой был милый, приятный, добрый человек. Узнал я об этом от Жоржа, двоюродного брата Арменака, которого встретил через три дня после его смерти.

– Дней пять назад, – рассказал он, – зашел наш бедный Арменак в какую-то закусочную, выпил, съел несвежую колбасу, отравился и вот...

– Что ж это меня на похороны не позвали? – огорчился я.

– По правде говоря, – печально покачав головой, отвечал Жорж, – мы и сами-то на похоронах не были. Несчастливого после смерти отправили в морг. Так как никто из нас туда не обратился, его через несколько дней погребли как неопознанного. И вся беда в том, что бедного Арменака похоронили на мусульманском кладбище, так что мы не можем даже устроить поминки и совершить прочие христианские обряды.

– Да как же это не различить, кто был покойник: мусульманин или христианин? – спросил я.

– Единственное различие между нами, христианами, и вами, мусульманами, это то, что вы делаете обрезание младенцам, а мы нет. Но в последнее время, когда появился новый американский способ этой операции и медицина признала гигиеничность обрезания, мы тоже стали прибегать к нему. Арменак – мир праху его – был обрезанным, и потому врач, конечно, никак не мог установить, был ли покойный мусульманином или христианином. К несчастью, при нем не оказалось никаких документов, удостоверяющих его личность; была только маленькая фотография, по ней-то мы и узнали его, когда наконец обратились в морг.

– За чем же теперь дело стало? – спросил я.

– Мы хотим перенести труп Арменака на армянское кладбище, – печально продолжал Жорж. – Но говорят, что это нам не удастся, так как ваша религия запрещает тревожить усопших. Эксгумация проводится только с разрешения судебного врача и прокурора в тех случаях, когда причина смерти не ясна.

– Да, дело сложное. Надо хорошенько подумать, что тут можно предпринять.

– Ах, если бы ты помог нам! – растроганно воскликнул Жорж. – Мы были бы тебе бесконечно благодарны, а его жена и дети просто боготворили бы тебя. Подумай, несчастный не может вернуться к своим единоверцам, как он мучается

сейчас! Ты сам несколько лет дружил с Арменаком, знаешь, какая у него была чувствительная душа!

При этих словах Жоржа покойный Арменак как живой встал у меня перед глазами. Ожили воспоминания прошедших дней, и глаза мои наполнились слезами. Хотя он был христианином, а я мусульманином, это не мешало нашей дружбе. Покойный был поклонником Урфи Ширази¹, любил Хафиза и Хайяма. Стихи этих великих поэтов не сходили с его уст. Он говорил, что каждый человек в этом мире достоин любви, а то, что разделяет нас, – всего лишь укоренившиеся предрассудки и отживающие традиции. На самом же деле никакой разницы между людьми нет.

Широта его взглядов и личное обаяние способствовали тому, что я все больше к нему привязывался, и дружба наша крепла день ото дня.

Нахлынувшие воспоминания вконец расстроили меня, а когда я представил себе своего усопшего друга небрежно брошенным в могилу на чужом кладбище, скорбь моя стала беспредельна. Я почувствовал, что вся тяжесть ответственности за мир и покой его души легла на мои плечи. Он взывал ко мне о помощи. В ушах моих звучал его голос: «Это правда, я не отделял себя от людей иной веры, но здесь никто из родных и близких не может навещать меня. Там мне было бы спокойнее...»

Посетовав на несовершенство мира, я взял себя в руки и сказал Жоржу:

– Что теперь горевать, все мы отправимся в этот путь рано или поздно! Значит, судьба уготовила бедному Арменаку такую участь! Скажи мне лучше, что я могу сделать, чтобы помочь вам?

– Хорошо, если бы ты сегодня, или завтра, или в любое другое время сходил со мною в отдел регистрации умерших и сказал доктору, что в тот, последний, день был вместе с Арменаком... А мы вручим судье жалобу, в которой выскажем сомнение относительно причин его смерти и предположение о твоей причастности к ней. Мы напишем, что ходатайствуем об эксгумации с целью восстановить картину столь неожиданной гибели покойного. Конечно, ты сам понимаешь, что все это пустые формальности ради того, чтобы перенести тело Арменака с мусульманского кладбища на армянское. Когда это будет сделано, заявим, что ты не виноват, никакого убийства не было и у нас нет к тебе никаких претензий. Дело будет закрыто, и никто тебя пальцем не тронет.

На первый взгляд план Жоржа был прост и легко осуществим, но на самом деле все получилось совсем не так, как он предполагал.

– Ладно, завтра утром мы с тобой это сделаем, – нерешительно согласился я, надеясь, что за это время Жорж договорится с кем-нибудь другим или я сам найду более приемлемый выход из положения.

В ту ночь до самого утра мне снился покойный Арменак, молящий меня о помощи. Несколько раз я просыпался, но едва снова закрывал глаза, несчастный являлся передо мной и с надеждой взирал на меня.

Рано утром Жорж зашел за мной. Я оделся, и мы отправились в отдел регистрации умерших, а затем в суд, где вручили жалобу Жоржа. На искомом заявлении я

¹ Урфи Ширази (1555–1591) – персидский поэт.

засвидетельствовал, что в ту трагическую ночь был вместе с Арменаком, и следователь сказал, что должен меня опросить.

- Где вы были? – начал он.
- В такой-то закуской, – ответил я.
- Что заказывали?
- Такую-то еду и такое-то вино!
- До которого часа вы там пробыли?
- До одиннадцати.
- Где вы после этого расстались?
- На такой-то улице!
- И куда ты пошел?
- К себе домой.
- А куда пошел Арменак?
- Не знаю.

Он задал еще множество подобных вопросов, куда-то выходил, входил, с кем-то шептался и наконец отдал приказ об эксгумации.

Когда судебный врач обследовал труп Арменака, он заявил, что, по его мнению, в ту злополучную ночь я не просто убил Арменака – я надругался над ним со зверской жестокостью. Результаты обследования, зафиксированные в протоколе, гласили:

- 1) на шее убитого след от удара, напоминающего удар кулаком;
- 2) на правой ноге рана, нанесенная острым предметом, многочисленные ссадины;
- 3) на груди следы удара металлическим предметом;
- 4) поврежден кишечник, в желудке обнаружены остатки яда;
- 5) на левой ноге отсутствует большой палец... и т. д. и т. п.

Ознакомившись с протоколом обследования, я ужаснулся, но Жорж успокоил меня, еще раз подтвердив, что все это пустые формальности, необходимые лишь для эксгумации трупа несчастного Арменака. Наконец нам выдали разрешение захоронить труп на армянском кладбище. Я направился было вслед за Жоржем, чтобы принять участие в похоронах, но меня неожиданно остановили:

- Ты задержись. Остальные свободны.
- Почему я должен задержаться?
- Так ты считаешь, что протокол, который ты имел счастье лицезреть, тебе показали для услады твоих очей?
- То есть вы хотите сказать, что, не дай Бог, я действительно Арменака... того?
- Мы ничего не говорим. Ты сам все написал и во всем признался!
- Клянусь Аллахом, – в отчаянии завопил я, – все это написано лишь для того, чтобы получить разрешение на перенос тела Арменака с мусульманского кладбища на армянское! В действительности же в день происшествия я покойного и в глаза не видел!
- Все обвиняемые отказываются от своих показаний, данных следователю. Старая песня!
- Но как же так? – недоумевал я. – Вы сами неделю назад обследовали труп и, не обнаружив никаких телесных повреждений, дали разрешение на захоронение! Откуда же они теперь появились?

– Тогда не поступало жалобы, и мы сочли возможным объяснить смерть причинами естественного порядка. Сейчас дело обернулось иначе.

– Но брат покойного, Жорж, все объяснит вам!

– Его объяснение может только смягчить меру наказания, но отвечать за преступление тебе все же придется!..

Вижу, тело покойного Арменака уносят, все уходят...

Кричу:

– Не уносите его! Проведите более тщательное обследование, чтобы выяснить настоящую причину смерти! Клянусь Аллахом и всеми пророками, не было меня в ту ночь с Арменаком! В жизни своей я не убил и курицы, а то, что вы тут понаписали, дело рук профессиональных убийц.

– Не суетись понапрасну! – ответили мне.

– Ради Аллаха, – молил я, – спросите у моей жены, детей, они подтвердят, что я сидел дома, помогут раскрыть истину!

– В свое время мы их, безусловно, спросим. А пока ты должен оставаться здесь!

– Как это «остаться», господин начальник? У меня дела, служба! Да будь я трижды проклят, что согласился прийти сюда во имя доброго дела! Отпустите меня!

– Это тебе не тетушкин дом! – ответили мне.

Короче говоря, шесть месяцев меня продержали под следствием. Ежедневно допросы, угрозы, увещания. И как я ни клялся, что мы были с Арменаком неразлучны, словно «две души в одном теле», и во всем виноват этот проклятый Урфи Ширази, вынудивший меня совершить столь опрометчивый шаг, ничего не помогало. Прицепились ко мне: скажи, кто такой Урфи Ширази, назови его адрес!

И смех и грех! Да только хуже всего то, что доказать я ничего никому не могу. Где я им найду Урфи Ширази?

– Но ведь он умер!

– Почему умер?

– Откуда мне знать?

– Умер естественной смертью?

– Да!

– Как ты узнал об этом?

– В книге прочел.

– В какой книге?

– В «Биографиях поэтов»!

– Когда умер?

– Приблизительно лет четыреста тому назад!

– Ах ты такой-сякой! – в ярости орет господин начальник. – Над судом вздумал издеваться? Сам говорил, что Урфи толкнул тебя на преступление, а теперь утверждаешь, будто он умер четыреста лет назад! Над законом шутить вздумал?! Если не выдешь нам своего сообщника Урфи и не укажешь его адрес, за двоих отвечать будешь.

– Боже мой, господин начальник, умоляю вас! Да где же я найду Урфи? Его кости давно в земле истлели. Урфи был поэтом, жил в шестнадцатом веке, писал индийским стилем. О нем куда лучше знают профессора литературного факультета.

– Разве ты не сказал, будто Урфи виноват в том, что ты сделал?

– Да, я говорил, но не в том смысле. Я имел в виду стихи Урфи Ширази, любовь к которым была нашим общим с Арменаком увлечением! Если так, то я должен буду привести на суд и Хайяма, и Хафиза, и Саади!

– Ну что же, будь добр! Если у тебя нет адреса Урфи, приведи этих троих!

– Каких троих?

– Ну этих, которых ты назвал: Саади, Хафиза, Хайяма...

Ну и ну! Браво, господин начальник! Пытаюсь объяснить:

– Да разве я умею вызывать духов? Кроме того, они едва ли послушаются меня, не говоря уже о том, что к Саади и Хафизу надо ехать в Шираз¹, а к Хайяму – в Нишапур².

– Когда они уехали из Тегерана?

– Кто уехал?

– Ну, эти самые, о которых ты говоришь, – Хафиз, Саади, Хайям?

И вот так меня терзали целых шесть месяцев.

Между тем после дотошных допросов родных и близких Арменака выяснилось, что шрам на шее у покойного был оттого, что он в детстве упал с лестницы. Правую ногу ободрал за два дня до смерти, когда, хлебнув лишнего, задел ночью за железную кровать. Большого пальца на левой ноге у него не было с рождения. Повреждение кишечника и яд в желудке явились результатом обжорства и отравления, а удар в область грудной клетки он получил в драке с больничным сторожем. В тот вечер Арменак почувствовал себя плохо и пошел в больницу, но там путь ему преградил сторож, и они подрались...

Короче говоря, выяснилось, что я невиновен и никакого убийства не произошло. Меня отпустили.

С тех нор минуло уже больше девяти лет, дети покойного Арменака стали взрослыми, но и по сей день они винят меня в смерти отца, говорят: «Если бы в тот вечер он не оставил нашего отца одного, тот бы не умер!» – и грозятся, что, куда бы я ни уехал, они разыщут меня под землей и под водой и отомстят за смерть отца!

Теперь ты понимаешь, почему я не хожу ни на похороны, ни на поминки своих друзей и знакомых?

– Как не понять? – ответил я.

Попутчик

...Не скажу точно весной прошлого или позапрошлого года я ездил в священный город Мешхед, а когда собирался обратно, четверо моих друзей, у которых были дела в Тегеране, устроили так, что мы вместе отправились туда поездом... И вот впятером мы заняли шестиместное купе в надежде, что если к нам и подсядет шестой пассажир, то он тоже окажется человеком свойским и мы с ним поладим. От Аллаха не скроешь – не скрою я и от вас – мои друзья в приятной, располагающей обстановке не откажутся пропустить рюмочку-другую. И вот поэтому накануне путешествия,

¹ Мавзолеи Саади и Хафиза находятся в г. Ширазе.

² Хайям похоронен в г. Нишапуре.

чтобы не скучать в дороге, они купили две колоды карт и несколько бутылок водки. Как я ни увещевал их, что в общем купе пить не стоит, ведь шестой попутчик может выказать неудовольствие, они не послушали меня. «Одно ясно, – сказали они, – шестым человеком не может оказаться женщина! Поскольку в железнодорожных кассах записывают, кому продают билеты, то уж там-то сообразят, что к пятерым мужчинам нельзя сажать женщину».

– А вдруг шестым окажется мулла в абе¹ и тюрбане? – пытаюсь наставить их на праведный путь, предостерег я. – Плохи тогда наши дела.

– Не накличь беды, – ответили они. – Будем надеяться, что и шестой окажется своим парнем.

Короче говоря, за час до отправления поезда мы забросили в купе свои вещички и расположились в ожидании шестого пассажира.

Когда оставалось всего пять минут, в купе вошел чистенький, аккуратненький хаджи²-ага³, с бритой головой и пышной бородой, в наинской⁴ абе, в башмаках с загнутыми носами, с четками в руках. На нем была длинная белая рубашка навыпуск и чесучовые брюки. Глаза моих попутчиков округлились, а я злорадно усмехнулся.

– Мое вам почтение! – обратился вдруг Хасан к Резе. Реза, который был инициатором нашей затеи и до сих пор суетился больше всех, сразу как-то сник и обмяк, словно известь, на которую брызнули водой. Он мог предположить все что угодно, но уж никак не ожидал, что нашим попутчиком окажется такой аккуратненький, гладенький хаджи-ага. Реза, потеряв дар речи, впившись взглядом в святого старца, беспокойно ерзал на кожаном сиденье. Он поклонился вошедшему, но тот, занятый размещением своих узелков под лавкой, не поднимая головы, очень сухо пробормотал что-то невнятное. Свернув вчетверо одеяло, он подложил его под себя и поудобнее устроился на сиденье. Через две-три минуты раздался звонок, и поезд медленно отошел от станции.

Приятели поняли, что появление хаджи-аги разрушило все их планы. Каждый из них размышлял, как же выйти из неожиданной ситуации. Предстояло целые сутки провести со святошей, не смея взять в руки карты или промочить горло! Я-то отлично понимал, какая это будет пытка для моих друзей.

Поезд набрал скорость, и город остался позади. За все это время никто из нас не проронил ни слова.

Реза, затягиваясь сигаретой и поглядывая на хаджи, хотел было заговорить с ним и выяснить, что это за тип и есть ли надежда как-то расшевелить его, но физиономия хаджи была так угрюма и неприветлива, что Реза не осмелился раскрыть рот. В конце концов, не выдержав, он протянул хаджи свой портсигар. Перебирая четки, бормоча себе под нос молитву, хаджи отрицательно покачал головой. Ну и ну! Если в присутствии хаджи нельзя уж курить, то выпивать и

¹ Аба – верхняя одежда из грубой шерсти, род плаща или бурки.

² Хаджи – почетный титул человека, совершившего паломничество (хадж) к мусульманским святыням; ставится перед собственным именем. Здесь – духовное лицо.

³ Ага – господин. Ставится перед и после имени.

⁴ Наин – город в центре Ирана, славится своими тканями.

играть в карты – тем более! Снова в нашем купе воцарилось молчание, и снова ага Реза нервно заерзал на месте.

– Почтенный господин изволит направляться в Тегеран? – полюбопытствовал было Реза.

– Нет, – прозвучал сухой ответ.

Я понял, что хаджи не расположен к разговору, и подмигнул другу, чтобы тот оставил его в покое. При попутчике с таким лицом и геморроидальным характером из нашей затеи ничего не выйдет, но Реза не сдавался.

– Как вас величают, горбан?¹

– Хаджи Сейид² Саадатолла³. Разумеется, я несколько раз посетил священную Кербелу⁴.

Реза взглянул на меня и повел бровью, словно говоря: «Ну уж если ага не только хаджи, но и Потомок Пророка, и Счастье Аллаха и к тому же достаивался чести быть в священных владениях Аллаха – все бесполезно». На сей раз воцарилось столь тягостное молчание, что до развилки Нишапур–Торбат⁵ никто не проронил ни слова. Когда подъехали к Нишапуру, Реза снова прервал молчание.

– Ага!.. – обратился он ко мне. – Клянусь вашей головой, человеку простому не понять деяний великих людей! Наш Хайям каким был знаменитым ученым, прославленным поэтом, известным философом и несравненным математиком, но, увы, этого человека, несмотря на его гениальность, славу и величие, подвела слабость к вину. Не знаю, если бы Хайям не пил вина и не осквернял своего рта проклятым зельем, много бы он потерял?

Хаджи устался на Резу, а тот, заметив, что святоша следит за ним, начал еще ростнее поносить Хайяма, заключая каждую фразу обращением к хаджи:

– Не так ли, уважаемый ага?

И уважаемый ага всякий раз согласно кивал головой. Реза наговорил столько дурного о вине и пьяницах, об Авиценне, Хайяме, Хафизе и других великих грешниках, что хаджи пришел наконец в хорошее расположение духа и у него развязался язык, а Реза, улучив момент, начал превозносить хаджи до небес:

– Клянусь всеми святыми, что, когда вы вошли в наше купе, мы ожили. Вы даже не представляете себе, какое сияние исходит от вас и какое благородство таится в чертах вашего открытого лица.

Господин блаженно улыбнулся и скромно промолвил:

– Что вы, что вы... Не надо забывать, что это сияние исходит от веры и освещает лица истинных почитателей Аллаха.

Благосклонно приняв лесть, хаджи дал Резе хороший повод проявить свое искреннее расположение к нему.

– Извините, уважаемый ага, вы сказали, что едете не в Тегеран?

¹ Горбан – вежливая форма обращения к старшему.

² Сейид (сайид) – эд.: «Потомок Пророка».

³ Саадатолла – букв.: «Счастье Аллаха».

⁴ Кербела – город в Ираке, место паломничества шиитов. Посетивший Кербелу получает титул Кербелани.

⁵ Нишапур и Торбат – города в провинции Хорасан на северо-востоке Ирана.

– Я еду в Шахруд¹. Четыре месяца назад я ездил на поклонение святым местам, а на обратном пути, поскольку у меня было дело в Мешхеде, я решил заглянуть в Хорасан, чтобы одновременно и совершить паломничество, и уладить свои дела, и...

Али, который с момента прихода хаджи молча сидел в углу купе и смотрел в окно, неожиданно вмешался в разговор:

– Это замечательно, уважаемый ага, когда можно одновременно убить двух зайцев!

– А сейчас я еду в Шахруд, – продолжил хаджи, – и мои друзья и родственники, а также уважаемые жители города придут встретить меня.

После долгих усилий нам удалось выяснить необходимые данные об аге. Воздавая хвалу то бритой голове хаджи, то его светлому лику, то широкой груди, то наинской абе, Реза совсем расположил нашего набожного попутчика.

Господин погадал на четках и вкратце рассказал о своих впечатлениях от путешествия к святым местам.

– Извините, ага, как вы проводите свой досуг? – скромно и стыдливо спросил Реза.

– Молюсь, читаю, пишу, сплю, а что?

– Это все естественно, но чем вы рассеиваете скуку во время длинных вояжей?

– Гадаю на Коране, читаю молитвы, иногда сплю, но никогда не докучаю попутчикам.

Реза вздохнул так, как будто после недельного пребывания на дне темной, затхлой, глубокой ямы наконец вырвался на свежий воздух. Казалось, он хотел вобрать в себя весь воздух в купе.

– Извините, уважаемый ага... – наклонившись поближе к хаджи, с лукавой улыбкой спросил Реза. – Как вы относитесь к игре в варак?²

– Вы изволите сказать «арак»?³ – удивленно округлив глаза, спросил хаджи.

– Нет, нет... – испуганно произнес Реза. – Будь проклято это зелье и все собаки-пьяницы!.. Я спросил про игру в карты... Причем я имел в виду не то, чтобы играли вы. Я хотел узнать, не будете ли вы возражать, если мы немножко развлечемся?

– Ничего не имею против, – кивнул в знак согласия хаджи. – Конечно, если это будет не азартная игра, а дружеская. Играйте во что хотите.

– Если уважаемый ага соизволит сыграть с нами, – подмигнув нам, сказал Реза, – то мы включим в игру «пятерки» и все вместе сыграем в маленький покер. А если у хаджи нет такого желания, мы будем играть впятером.

– Я не играю в покер, вы уж играйте одни, а я понаблюдаю, – сказал хаджи, вынув из своего узла тубетейку и надев ее на голову.

Первая плотина отчуждения была прорвана, дела шли на лад. Чтобы господин вдруг не передумал, Реза быстро поднялся, вынул из портфеля колоду карт, запер купе, и игра началась. Со второго кона игра так захватила хаджи, сидевшего рядом со мной, что, не в силах сдержаться, он время от времени восклицал:

– Подбери «карэ» из тузов! Сбрось две «семерки»!

¹ Шахруд – город на северо-востоке Ирана.

² Варак – карты.

³ Арак – водка.

На третьем или четвертом кону Реза обратился к Хасану:

– Достань-ка, друг, огурчиков, что-то в горле пересохло.

Хасан выложил из сумки несколько огурцов, солонку и ножик. Реза очистил огурец, смачно надкусил его и проговорил:

– Огурец без маста¹ – все равно что кятэ² без соли.

– У меня как раз есть немного маста, хотите? – предложил хаджи, срезая кожуру с крупного огурца.

– А почему бы и нет, ага? Из ваших святых рук мы и яд охотно приняли бы.

Хаджи вынул из своего мешка целлофановый пакетик с мастом, Реза обмакнул огурец в кислое молоко, положил в рот и сказал:

– Пах-пах, какой огурец, какой маст! Жаль, жаль, жаль... К такому масту и к такому огурцу только одного не хватает...

Хаджи понимающе взглянул на Резу, склонил голову и пробормотал себе под нос:

– Да убережет нас Аллах от греха...

Мы загаили дыхание.

– Продолжайте вашу игру, ребята! Не попадайтесь в сети к шайтану, – добавил он.

– Уважаемый хаджи, – сказал Реза, широко, до ушей, улыбаясь, – вы, конечно, нас простите; ведь издавна сказано: «Пей вино, жги амвон, но не терзай людей»³.

– Раз так, то уж ладно, – кивнул головой хаджи в знак полусогласия, – но беда в том, что вы, молодежь, делаете и то, и другое, и третье.

Тут Реза, не дослушав до конца фетву⁴, громко ударил в ладоши и радостно воскликнул:

– Ребята, хаджи разрешил! Да падут все болезни и несчастья нашего хаджи – этой светлой головы – на жалких ханжей.

С этими словами он полез в портфель, достал оттуда бутылку, и все сразу позабыли о картах.

– Итак, господа, – поерзав на сиденье, сказал хаджи, – пока вы будете заняты своим делом, я немного пройдуся.

– Что вы, – прервал его Реза, – если это вам неприятно, мы сейчас же уберем. Мы не посмеем вызвать ваше неудовольствие.

И, схватив бутылку, он попытался зачихнуть ее в портфель. Но хаджи вдруг запротестовал:

– Нет, нет! Не хочу быть вам помехой – занимайтесь своим делом. А карты вам не нужны?

– Нет, – ответили мы.

– Тогда дайте их мне, чтобы я тоже не скучал. Я хочу погадать.

Я поставил один чемодан на другой в центре купе, прямо перед хаджи, и тот принялся раскладывать такие мудреные, «наполеоновские», пасьянсы, каких я в жизни своей не видывал.

¹ Маст – специально приготовленное кислое молоко.

² Кятэ – вареный рис.

³ Несколько свободная интерпретация стихов, приписываемых Хайяму.

⁴ Фетва – основанное на шариате разрешение высшего духовного лица на совершение какого-либо действия.

Рюмки были подняты во здравие хаджи.

– Будьте и вы здоровы, – поблагодарил он нас.

Когда полбутылки было выпито, Реза предложил хаджи одну рюмочку.

– Нет, я не хочу вам мешать, – ответил хаджи, нахмутив брови. – Я этим не увлекаюсь, пейте сами, а то вам не хватит.

Реза проворно засунул руку в портфель и радостно проговорил:

– Нет, горбан, что вы! У нас еще есть.

Продолжая перекладывать карты, хаджи добавил:

– И к тому же я простужен.

– Так это ж лучшее средство от простуды, – поспешил я его заверить.

– А если мне будет хуже? – улыбнулся хаджи. – Я ведь никогда не пил, поэтому боюсь, что мне станет совсем плохо.

– Нет, не беспокойтесь, все будет прекрасно.

И хаджи сначала с отвращением, а потом с таким удовольствием стал опрокидывать рюмку за рюмкой, что дай Бог ему здоровья. Ах, какой славный попутчик попался нам!

После третьей рюмки господин снял тюбетейку, после пятой – абу, после шестой он расстегнул рубашку, а после седьмой мы запели хором:

Ты дал мне водки, дай теперь рюмку вина,
Дал мне рюмку вина, дай теперь шампур с кебабом,
Берберский хлеб, о берберский хлеб!
Сангякский хлеб, о сангякский хлеб!¹

А хаджи начал в такт мелодии прищелкивать пальцами...

До двух часов ночи мы ели, пили и веселились. Хаджи рассказывал нам такие смешные истории и анекдоты, что мы чуть не лопались от смеха. И под конец он так разошелся, что станцевал в нашем маленьком купе «танец живота». Одним словом, я не помню в своей жизни другой такой разгульной ночи.

Обычно поезд Мешхед–Тегеран подходит к Шахруду на рассвете. Оставалось не более одной станции до Шахруда, как вдруг хаджи спросил:

– У вас больше не найдется выпить?

– Нет, горбан, было пять бутылок, и все пять пусты.

– Ничего, – успокоил нас хаджи. – У меня есть бутылка коньяка. Будете пить?

– Отчего не выпить? Премного вам благодарны.

Когда и эта бутылка была опустошена, хаджи сказал:

– Прекрасная была ночь. Бог даст – завтра у нас не будет болеть голова.

В это время вдали показались огни Шахруда.

– Уважаемый хаджи, похоже на то, что мы приближаемся к вашей станции, – сказал Реза.

– Вижу, вижу, – ответил тот, огладив рукой бороду.

– Как вы изволили сказать, вас будут встречать на вокзале, – проговорил Реза. – Не будет ли вам неловко оттого, что от вас пахнет водкой?

¹ Популярная в Иране народная песенка.

– Да, конечно, но думаю, они не почувствуют этого, – сказал хаджи, собирая свои вещи.

– Как же так, ага? Ведь после четырех месяцев разлуки вас будут обнимать и целовать.

– Что-нибудь придумаем, – с улыбкой ответил хаджи, продолжая спокойно укладывать свои пожитки.

...А нам не давала покоя мысль, как же ага выйдет из положения. Ведь запах водки очень стоек.

Когда поезд прибыл в Шахруд, мы увидели, что около трехсот человек, держа в руках газовые лампы, ожидают хаджи на платформе. Ага сошел с поезда, и мы последовали за ним, чтобы посмотреть, какую сцену разыграет он и как выпутается из этой истории. Может, и нам будет чему поучиться у хаджи?

Как только хаджи-ага приблизился к толпе на расстояние пятнадцати метров и встречающие бросились к нему навстречу, он натянул абу на голову и, уткнувшись в нее лицом, произнес:

– Господа, отойдите! Я не хочу брать греха на душу – у меня грипп. Прошу вас, отойдите. Грипп – болезнь заразная, господа. Очень благодарен вам за встречу.

И толпа, почтительно внимая словам хаджи, желая сохранить свое здоровье и не дать возможности аге совершить великий грех, расступилась. Несколько человек, которые знали, сколь опасен грипп, поспешно усадили хаджи в такси. Пока другие подбежали, чтобы отвести хаджи к встречавшей его машине, такси рванулось с места.

Через четверть часа над полутемной станцией просвистел гудок, и паровоз с шумом сдвинул с места металлическую громаду вагонов.

БОГОУГОДНОЕ ДЕЛО

Стоял солнечный осенний день, и, выйдя по делам из дому, я решил пройтись пешком. Не спеша миновав два квартала, я увидел похоронную процессию: несколько человек несли на руках гроб, направляясь к кладбищу. Покойника не сопровождали ни женщины в черных одеяниях, ни мужчины в шляпах на голове и с траурной повязкой на рукаве. Не было ни цветов, ни машин с черными лентами, ни духового оркестра – одним словом, похороны были небогатые. Впереди гроба шел молодой кари¹, одетый в абу с перекинутой через плечо зеленой шалью, и читал молитвы. По временам он прерывал чтение и громко восклицал: «Нет бога, кроме Аллаха!..» Пять-шесть человек, шедшие позади, подхватывали его восклицание. Четверо мужчин, которые, тяжело дыша, несли гроб, молчали. Двое из них были босы.

Согласно обычаю я прошел за гробом семь шагов, моля Всевышнего простить усопшему его грехи, и совсем уже было собрался отправиться по своим делам, как вдруг какая-то таинственная сила остановила меня. Казалось, кто-то шепчет мне на ухо: «Возьмись за гроб... Помоги нести... Соверши богоугодное дело... Ну что же ты! Берись!»

¹Кари – чтец Корана.

Как ни пытался я заставить себя отстать от похоронной процессии, ноги помимо моей воли несли меня все дальше и дальше за гробом. Несколько раз я ускорял шаг и приближался к гробу, намереваясь подставить под него свое плечо, но, как только видел измученные лица несущих и слышал их тяжелое дыхание, отступал, понимая, что моих сил на это не хватит. Однако внутренний голос шептал мне снова и снова: «Ну что же ты!.. Подойди... Помогите... Совершите благое дело...»

– Кем вам приходится покойный? – спросил я у одного из мужчин, шедших за гробом.

– Никем, – отвечал он. – У бедняги нет ни жены, ни детей, ни единого родственника. Мы провожаем гроб из милосердия. Что поделаешь, как-никак каждый из нас раб божий, мусульманин, а долг мусульманина – помогать своему брату по вере.

Устыдившись, я снова ускорил шаги, нагнал тех, кто нес гроб, и сменил одного из них. Поскольку он был выше меня ростом, равновесие нарушилось, и вся тяжесть ноши легла на мои плечи.

Уже через несколько шагов мне стало ясно, как опрометчиво я поступил. Я задышался, плечо ныло. Мне бы, несчастному, прежде спросить у правоверных, шедших за гробом, кого же они хоронят – мужчину, женщину, ребенка... Сколько лет покойному? Сколько он весит?

Пот лил с меня градом. И ко всему, пройдя метров двести, я понял, что те несколько человек, что провожали гроб, не обращают на мои муки ни малейшего внимания, будто я за деньги подрядился нести их покойника до кладбища. Они были заняты разговором: толковали о снижении цен на землю, о повышении квартплаты и о фальшивом чеке какого-то Асада-аги. Гроб то и дело соскальзывал у меня с плеча, и я едва успевал подхватить его. Несколько раз у меня мелькнула мысль бросить все и убежать, но я говорил себе, что жестоко заставлять мусульманина, и без того обиженного судьбою, не имеющего ни родных, ни близких, представать перед Всевышним с переломанными руками и ногами. Да еще кто знает, вдруг полиция прицепится ко мне, обвинит в убийстве! Наконец у самого кладбища один из мужчин, шедших сзади, сменил меня. Я отдышался, растер плечо и хотел было уйти, но меня остановили, сказав, что раз я дошел до кладбища, то должен остаться до конца, иначе, мол, глаза покойного будут всю жизнь преследовать меня.

«Боже мой, как же мне быть? У меня дела, работа. Как бы уйти незаметно? Как сделать, чтобы взгляд мертвеца не преследовал меня?» И снова тот же проклятый внутренний голос начал нашептывать мне: «Не уходи!.. Это богоугодное дело!.. Ни в коем случае!.. Глаза покойного смотрят на тебя!.. Ты мусульманин, тебе воздастся за добро!.. Кто знает, может быть, на том свете вот такие маленькие добрые дела зачтутся тебе во искупление грехов!..» Он нашептывал до тех пор, пока я не сдался.

Подшли к могиле. Совершили положенные обряды и уже собирались опустить тело в могилу, как вдруг выяснилось, что разрешения на похороны нет. А без разрешения смотритель кладбища хоронить не соглашался.

– Ага! – обратился ко мне один из сопровождающих. – Я не знаю вашего имени, но мне кажется, если вы возьметесь за дело, то скорее достигнете цели, чем мы. Ваша внешность говорит о том, что вы государственный служащий. Вас скорее послушают.

Я хотел было сказать, что мне некогда, да и вообще я никогда не занимался подобными делами, но опять мое благочестивое «я» зашептало: «Сделай это во имя Аллаха!.. Не раздумывай!.. Поезжай в похоронное бюро!..»

– Ладно, поеду, – согласился я. – Только скажите, как звали покойного?

– Ага Сеид Монир эд-дин Эсхакабади Афиятталаб Мохаммадипур Фард-заде.

– Неужели возможно, чтобы человек с таким именем был одинок и не имел родственников?..

И все же я отправился в бюро.

– Кто будет хоронить покойного? На чье имя выписывать разрешение? – спросил заведующий похоронным бюро, узнав, что у покойного нет родственников.

– Право, не знаю! Кого хотите, того и пишите!

– Так нельзя. В конце концов у покойного должны быть наследники, должен быть человек, который его хоронит. Ты сам кем ему приходишься?

– Тем же, кем и вы! – отвечал я.

Заведующий похоронным бюро рассердился и разорвал уже заполненный бланк.

– Пусть ваш покойник лежит на земле, пока не сгниет! – раздраженно воскликнул он.

Я начал его успокаивать.

– Не сердитесь, ага. Ведь этот покойник мне не отец. Выходит, я согрешил, пройдя за гробом семь шагов, как положено благочестивому мусульманину.

– Не морочь мне голову! Если хочешь, могу выписать разрешение на твое имя, – сказал он.

– Почему на мое? – удивился я.

– Да потому, что в каждом деле есть свои правила, не так ли?

Вижу, выхода нет. Несчастный покойник лежит на краю могилы и ждет своей участи.

– Пиши, что хочешь! – решил я.

Заведующий оформил разрешение на меня как наследника покойного и ответственного за похороны. Я сел в такси и вернулся на кладбище. Поскольку у бедняги не было ни знакомых, ни родственников, а случайные провожавшие ограничились лишь совершением религиозных обрядов, все восемьдесят туманов, что были у меня в кармане, пришлось отдать мойщику трупов, могильщику, раздатчику фиников и т.п.

Выходя с кладбища, мы погоревали об умершем, потолковали о превратностях судьбы. Было решено направиться ко мне домой и устроить поминки, чтобы с честью завершить богоугодное дело. По дороге нам удалось заполучить ахунда. Я приготовил чай и кофе, и мы справили поминки как положено. Все разошлись, и я наконец мог приняться за свои дела.

Прошло дней десять или пятнадцать, когда однажды, придя к обеду домой, я увидел, что у меня в комнате расположились мужчина средних лет, женщина в чадре лет сорока трех и пятеро детей разных возрастов. Они сидели и ели дыню. Едва я с ними поздоровался, как женщина в чадре вскочила с места и начала благословлять меня за доброту и участие.

– Пусть дарует Аллах вам силу превращать пепел в алмаз! Пусть свет исходит из могилы тех, кто дал миру такого сына, как вы! Да воздастся вам на том свете! Мы не знаем, как вас благодарить! – и т.п.

Я, не понимая, в чем дело и кто они такие, только кланялся и приговаривал: «Благодарю!.. Спасибо!.. Ну это же пустяки!.. А в чем дело?.. Конечно!.. Что вы, ханум!»

В конце концов выяснилось, что женщина в чадре – сестра того покойного, а господин – ее муж. Вместе с детьми они прибыли ко мне в гости. Откуда они узнали мой адрес, трудно сказать, возможно, у тех правоверных мусульман, что были на кладбище, а потом справляли у меня поминки.

Пообедали вместе. Я имел счастье лицезреть их и за ужином. Они сделали мне также одолжение, оставшись на ночь. А на следующий день рано утром почтальон вручил мне телеграмму из Ахваза. Распечатав ее, я прочитал: «Выезжаю поездом в восемь часов вечера. Ожидайте. Сеид Собхан эд-дин».

Как это понимать? Пока я обсуждал с женой и детьми, кто бы это мог быть – ведь у нас нет такого знакомого, в комнату ворвалась сестра покойного Сеида Монир эд-дина и радостно завопила, обратиться к своему мужу, за обе щеки уплетавшему завтрак:

– Сеид Моджтаба, это телеграмма от нашего Сеида Собхан эд-дина!

– Я удивленно взглянул на нее:

– В чем дело, ханум?

– Как в чем дело? Сеид эд-дин приезжает!

– Это я понимаю, что приезжает! Но какое отношение он имеет к...

– Да он же брат покойного Сеида Монир эд-дина! – не дав мне договорить, закричала она и выхватила у меня из рук телеграмму.

Ну и ну!

...Когда я пришел домой пообедать, ко мне подбежала семилетняя племянница покойного:

– Дядюшка, дядюшка! (То есть я.) Приехал дядя Сеид Собхан эд-дин с женой и еще Хадидже, Гольсум, Колух, Раджаб и Фати!

Я заглянул в комнату. Девочка говорила правду! Из Ахваза приехали Сеид Собхан эд-дин с женой и детьми!

Я оставил в коридоре пакет с виноградом и дыней и вошел к ним. Сеид Собхан эд-дин, мужчина весьма дюжего телосложения, бросился мне навстречу, стиснул в объятиях и расцеловал. Снова гости начали рассыпаться в благодарностях, а я – скромно отнекиваться и бормотать что-то невразумительное. К обеду у нас был абгушт¹, но, поскольку Сеиду Собхан эд-дину он был противопоказан – его распирало от гороха, – пришлось послать в магазин за дюжиной яиц и приготовить ему яичницу. Так как ага был в Тегеране впервые и никого не знал, он остался ночевать у меня. Дети его, обрадованные возможностью поиграть со своими двоюродными братьями и сестрами, охотно согласились переночевать в незнакомом доме.

На следующее утро за завтраком Сеид Собхан эд-дин, обращаясь к Сеиду Моджтабе, заметил:

– Дай Бог, чтобы Сеид Наср эд-дин не потерял адрес!

¹ Абгушт – мясной суп с горохом и фасолью.

Я, вздрогнув, повернулся к нему и спросил с отчаянием в голосе:

– О каком адресе вы изволили упомянуть, ага?

– Как о каком? О вашем, естественно! – спокойно отвечал он.

– А разве кто-нибудь еще должен приехать?

– Да, наш Сеид Наср эд-дин!

– Но ведь...

– Это мой зять из Шахруда, – не дав мне договорить, пояснил Сеид Моджтаба.

Я не верил своим ушам.

– Как, он тоже приедет сюда?

– Непременно, – ответил Сеид Собхан эд-дин. – За три дня до своего отъезда из Ахваза я отправил ему телеграмму и дал ваш адрес. Лишь бы только он его не потерял! – И, рассмеявшись пронзительным квакающим смехом, который резкой болью отозвался у меня в сердце, он добавил: – Город у вас большой, и с адресом-то человека не всегда найдешь.

– Ну что вы, ага, если адрес точный, это пара пустяков!.. – возразил я.

Не успел я закончить фразу, как послышался звонок. Я пошел отворять и, едва взглянув на вошедшего, сразу догадался, что это и есть господин Сеид Наср эд-дин из Шахруда. Вновь прибывший с порога бросился мне на шею, начал меня целовать и обнимать, как дорогого старого друга после долгой разлуки.

Наконец Сеид Наср эд-дин, его жена и трое детей вошли в дом, и снова на меня обрушился поток благодарностей, в ответ на которые мне ничего не оставалось, как расхваливать высокие нравственные качества покойного.

Прошла неделя после прибытия наших гостей, когда однажды после обеда Сеид Собхан эд-дин, благослови его Аллах, сказал:

– Ага, мы бесконечно благодарны вам за все, что вы сделали для покойного. Просим прощения за хлопоты, которые мы вам причинили. Но так как нам пора возвращаться домой, хотелось бы, чтобы вы как можно быстрее покончили с нашими делами.

– С какими делами? – изумился я.

– Вы же собирали вещи покойного?

– Делать мне больше нечего, как собирать вещи покойного! Да я его и не знал совсем и лишь прошел за его гробом семь шагов, как положено благочестивому мусульманину! – возразил я.

– Но у покойного оставалось кое-какое имущество...

– Мне-то что за дело до него? Да пусть бы Аллах дал ему еще больше!

– Однако в разрешении на похороны вы значитесь наследником покойного! Мы вчера подали иск о наследстве. Разве честно присваивать себе чужое имущество? Оно должно достаться этим детям! Неужели вы обездолите малолетних? Аллах не простит вам этого.

Вижу, дело оборачивается неприятностями, о которых я и предполагал.

– Господа, – взмолился я, – клянусь Аллахом, клянусь всеми святыми, я представления не имею, о чем вы говорите! Я покойного при жизни его и в глаза не видел! Не знаю, где он жил, где его дом. Я только нес гроб с его телом, а об остальном ничего не ведаю! Если у него и было что-нибудь, то, наверное, все это присвоили себе те несколько мусульман, что присутствовали на похоронах и дали вам мой адрес!

Короче говоря, целых два месяца эти трое таскали меня по судам и полицейским участкам, водили в похоронное бюро, в нотариальную контору, к адвокату, в морг и во множество других инстанций. В конце концов я разозлился и поместил в газете объявление о том, что не имею никакого отношения ни к покойному, ни к его имуществу, и только тогда они согласились за определенную мзду прекратить дело.

Когда они уехали и я собрался было облегченно вздохнуть, за меня принялась контора по взиманию налогов с наследства. Не дает покоя, требует, чтобы я ежегодно выплачивал определенные проценты с перешедшего ко мне по наследству имущества Сеида Монир эд-дина Эсхакабади Афиятталаба Мохаммадипура Фард-заде – да предаст Аллах огню его душу! И как мне теперь быть – не знаю.

ЦВЕТОЧНЫЕ ЧАСЫ

В Ноуруз¹ позапрошлого года я надумал, воспользовавшись праздничными каникулами, вместе с семьей отправиться в Шираз. Побывать в этом городе мне хотелось давно, поэтому уже за неделю до праздника я постарался закончить все неотложные дела и стал готовиться к поездке.

Праздничным утром мы сели в автобус. Вы себе не представляете, в каком восторге были дети от того, что вместе с отцом едут в Шираз! Я сам находился в отличном расположении духа и, чтобы придать путешествию еще большую прелесть, всю дорогу рассказывал детям об исторических достопримечательностях этого древнего города – о саде Эрам, о Рокнабадском источнике, воспетом Саади и Хафизом, о величественном Тахтэ-Джамшиде², о знаменитых гробницах Накше-Ростама³, о базаре Вакиль... Дети даже заспорили, куда пойти сначала: то ли к Накше-Ростаму, то ли к Тахтэ-Джамшиду, то ли к Рокнабадскому источнику. В конце концов они договорились, что поступят так, как скажет отец, а я, видя, что все внимание их приковано к моей персоне, с важным видом приговаривал: «Уж я-то знаю, как быть. Я поведу вас в самые интересные места Шираза! На десять лет вперед насмотритесь всяких удивительных вещей».

Путь наш лежал через Исфahan, но остановка там была короткая и город нам взглянуть не удалось. Мы только прошли немного, снова уселись в автобус и наконец благополучно добрались до Шираза. Было около трех часов ночи. А поскольку я в этом городе прежде не бывал и не нашлось никого, кто мог бы проводить нас в такой поздний час до гостиницы, пришлось нам коротать время до утра на автобусной станции. Спасибо начальнику станции – приютил нас в своей конторе. Рано поутру я отправился на поиски пристанища. После долгих расспросов мне удалось найти сравнительно недорогой, приличный отель, и я перевез туда детей и вещи. Мы приняли душ, позавтракали, ребяташки мои принарядились, и мы двинулись навстречу долгожданному чудесам.

¹ Ноуруз – иранский Новый год (букв. «Новый день»), совпадает с днем весеннего равноденствия.

² Тахтэ-Джамшид – развалины знаменитого дворца ахеменидских правителей (VI в. до н. э.), разрушенного Александром Македонским.

³ Накше-Ростам – гробницы ахеменидских правителей, высеченные в скалах.

Так как я с Ширазом незнаком, то решил прибегнуть к советам моих дорогих соотечественников, ширазских старожилов, как говорится, понадеялся, что язык до Каабы доведет. Самое верное было обратиться к администратору гостиницы. Я заглянул к нему в кабинет, но администратор был по горло занят устройством постояльцев, нахлынувших в Шираз на праздники, и мне показалось неудобным отрывать его от дела. Мы вышли из гостиницы, и я остановил высокого господина в шляпе:

– Извините, ага. Мы впервые в вашем городе, приехали из Тегерана на несколько дней, но мне и детям очень хотелось бы осмотреть все достопримечательности Ши-раза и увезти приятные воспоминания о нем.

Я был наслышан об общительном характере и искреннем гостеприимстве ширазцев – и не обманулся. Господин очень вежливо и участливо спросил:

– А у тебя, приятель, машина есть?

– Нет, – ответил я. – Мы приехали на автобусе.

– Жаль, жаль, – покачал он головою. – У нас здесь в Ширазе много достопримечательных мест, но все они расположены за городом. Если б у вас был свой автомобиль, было бы куда проще.

Тут он почесал в затылке, посмотрел по сторонам и, как будто вспомнив что-то, спросил:

– А ты, приятель, видел цветочные часы?

– Цветочные часы? – с интересом повторил я, поскольку до сих пор ничего о них не слышал.

– Ну да.

– Нет, не видел... А это далеко отсюда?

Господин в шляпе увидел загоревшиеся любопытством глаза детей, которые, как утки, тянули к нему шею, жадно ловя каждое его слово, и сказал:

– Нет, недалеко. Пешком дойти можно... Пройдите по этой улице, поверните налево, справа увидите улицу, по которой дойдете до улицы Занд – на ней и установлены цветочные часы. Стоит посмотреть, ребятам они обязательно понравятся.

Я поблагодарил его, и, взявшись за руки, мы двинулись в путь. По дороге я повел речь о красоте знаменитых часов, об их величии и исторической роли¹. Я говорил, что они существуют еще со времен Ксеркса и великого Куроша² и составляют гордость нашей истории, что каждый, кто приезжает в Шираз, первым делом направляется к цветочным часам, ну и прочее и тому подобное. Так незаметно мы оставили позади все названные улицы и достигли цели. Посреди улицы Занд теснилась оживленная толпа – все, как и мы, приезжие. Эти люди встали раньше нас и раньше нас пришли к цветочным часам.

Мы протиснулись вперед и действительно увидели чудо красоты. На высокой зеленой клумбе пестрели цветы – колокольчики, анютины глазки, петунии, цинии, образуя циферблат. Две часовые стрелки – одна длиною примерно в метр, а другая – в полметра и шириною с ладонь – медленно двигались, показывая половину один-

¹ Цветочные часы на улице Занд в Ширазе установлены в 60-х годах XX столетия.

² Ксеркс и Курош (Кир) – знаменитые правители ахеменидской династии (VI–IV вв. до н. э.).

надцатого утра. А люди вокруг – кто раскрыв от изумления рот, кто в удивлении разводя руками – восторженно качали головой, оживленно обменивались впечатлениями и спорили о принципе устройства диковинных часов.

– Интересно, как их заводят?

– А их вообще не заводят, их стрелки вращаются от магнитных токов Земли.

– Ну и ну!

– Клянусь вашей душой!

– Нет, уважаемый, не совсем так. Хотя на первый взгляд стрелки часов кажутся толстыми и неуклюжими и напоминают тяжелые весла, на самом деле они легки, как цветочные лепестки. Они сделаны из особого металла и приходят в движение от малейшего дуновения ветерка.

– Что, их недавно построили?

– Хм, вы только послушайте его!.. Кто может в наше время сделать такую вещь? Соберись вместе все ученые мира – и то не смогли бы сконструировать ничего подобного. Когда Ксеркс двинул войско на Афины и захватил их, он взял в плен одного афинского ученого и привез его с собой в Персию – он-то и построил эти памятные часы.

– Аллах всемогущ! Какой же это гений, если смог три тысячи лет назад создать такое чудо.

– Нет, три тысячи не получается, а вот две с половиной – это точнее.

– Ну и что! Тоже хватит.

– А ночью часы ходят?

– Да.

– Вот это здорово!

В полдень мы вернулись в свою гостиницу. Дети, удовлетворенные тем, что расширили свой кругозор и пополнили знания по древней истории, с аппетитом поели и чуть-чуть вздремнули. После обеда мы решили продолжить знакомство с городом. На одном перекрестке мы увидели полицейского, который регулировал поток машин и людей. Уж он-то лучше всех знает город! Мы подошли к нему и поздоровались, он весьма почтительно ответил на наше приветствие.

– Извините, уважаемый. Мы люди приезжие и не знаем, куда бы пойти, чтобы и близко было, и интересно.

Полицейский рассыпался в любезностях:

– Поверьте, когда наступает праздник, мы испытываем блаженство, и прежде всего потому, что очень радуемся гостям, посещающим наш город. Мы душой и сердцем готовы исполнить любую вашу просьбу.

Я в ответ поблагодарил его.

– У вас есть машина? – перешел к делу полицейский.

– К сожалению, нет.

– Очень жаль! – он сочувственно покачал головой. – Если бы у вас был личный транспорт, вы могли бы увидеть много интересных мест, но и в самом городе тоже хватает достопримечательностей. Скажите-ка, когда вы прибыли? – подумав, спросил он.

– Сегодня утром.

– В таком случае вы еще не видели цветочных часов. Обязательно посмотрите – они понравятся и вам, и детям.

Не успел я и рта раскрыть, как он окликнул своего коллегу, шествующего по тротуару:

– Ага Сейд Кямал, ага Сейд Кямал!..

Полицейский Сейд Кямал держал в руках узелок – похоже было, что он отдежурил и теперь идет домой. Пока он неторопливо пересекал мостовую, наш доброжелатель успел рассказать нам о цветочных часах, об их устройстве и необыкновенной красоте.

– Вот сейчас, – заключил он, – я вас вместе с Сейдом Кямалом направлю туда, чтобы вы убедились сами, какой это шедевр.

Подошел Сейд Кямал, поприветствовал сначала своего приятеля, затем нас.

– Ага с детьми прибыли из Тегерана, они наши гости, – пояснил добряк полицейский.

– Добро пожаловать. Все мы к вашим услугам.

– Благодарю вас, – раскланялся я.

– Они хотят посмотреть на цветочные часы, – продолжал наш знакомый. – Самому-то мне с поста никак нельзя отлучиться, так что ты не сочти за труд по пути проводить их туда, а потом пойдешь домой.

При таких решительных действиях постового и искреннем желании Сейда Кямала услужить нам было просто неприлично отказываться. Мы распрощались с нашим знакомым и двинулись вслед за Сейдом Кямалом. Нежно держа за руку одного из детей, он довел нас до толпы возле цветочных часов, откланялся и удалился.

Выхода не было. Раз уж мы вновь оказались здесь, ничего не оставалось, как еще раз полюбоваться цветочными часами. Пробились сквозь толпу, услышали все те же разглагольствования и споры.

– Мы утром уже видели эти часы, – захныкали дети, – а ты нас опять сюда привел. Сам обещал сводить к Тахтэ-Джамшиду и Накше-Ростаму, к источнику Рокнабад и...

– Ну ничего, – отвечал я. – Пойдем завтра утром. Вы ведь видели, как приветливо полицейский разговаривал с нами? Не мог же я обойтись с ним как последний невежа!

Тут я заговорил о правилах хорошего тона, о пользе воспитания и образования, а потом принялся перечислять названия всех цветов на пестрой клумбе... Так мы провели время до шести часов.

– Ну, на сегодня хватит, – сказал я. – Мы устали. Пойдем в гостиницу, отдохнем, а завтра с утра отправимся осматривать достопримечательности города.

На следующий день спозаранку я пошел к администратору и поделился с ним своими заботами.

– Аллах свидетель, мы не имеем возможности предоставить вам транспорт, – сказал он. – А в общественном транспорте вам с детьми будет тяжело. На праздники в Шираз нахлынуло много туристов, регулярного расписания движения нет, дороги разбитые, пыльные. Конечно, можно бы взять такси, но, во-первых, это обойдется вам недешево, а во-вторых, ширазские такси не выезжают за городскую черту. Мне думается, лучше вам по самому городу побродить... Вы видели цветочные часы?..

– Да, видели, – отмахнулся я. – А вот объясните мне, пожалуйста, Рокнабадский источник далеко отсюда?

– Нет, – ответил он, – не очень. Если дети любят ходить пешком, то это, можно сказать, рядом, за Коранскими воротами, немного пройдете и увидите Акбарабад.

Я кинулся к себе в номер:

– Дети, одевайтесь! Отправляемся к Рокнабадскому источнику!

– Обрадованные дети оделись, и мы, расспрашивая встречающих, вскоре добрались до Коранских ворот. Что и говорить, ворота эти сами по себе интересны, но дети-то все время думали о Рокнабадском источнике. Мы шли под палящим солнцем. Навстречу нам попался старик с двумя осликами, нагруженными картошкой, луком и зеленью.

– Добрый день, дедушка, – поклонился я. – Скажите, далеко ли еще до Рокнабада?

– Да неужто ты, приятель, пешком туда собрался? – с удивлением и нескрываемой жалостью спросил старик.

– Но, говорят, это близко...

– Ты, приятель, видать, нездешний, – покачал он головой.

– Да, мы приехали из Тегерана.

– Так и скажи. Разве детям под силу идти до Акбарабада пешком? Я, приятель, не позволю тебе совершить такое безумие. У детей будет солнечный удар.

– Но мне хотелось, чтобы дети совершили прогулку, осмотрели достопримечательности...

Старик наклонился, ласково поднял на руки моего младшего сына, усадил его на одного ослика, а двух других – на второго и двинулся к городу.

– Ступай за мной, приятель, – приказал он. – Я покажу тебе место куда интереснее. И зачем тебе под палящим солнцем тащиться в Рокнабад? Клад, что ли, там ты отыскать надеешься? Только детей загубишь в такой зной.

Так мы, дети на осликах – впереди, а я и старик – пешком, позади, вернулись назад в город. Пройдя некоторое расстояние, я заметил, что дома, ограды и деревья по обеим сторонам тротуара мне как будто знакомы...

– Что это за улица? – спросил я у старика.

– Это улица Занд, – отвечал он. – Сейчас я покажу детям цветочные часы, они просто умрут от восторга.

В глазах у меня потемнело, сердце бешено заколотилось, я был готов остановить старика, но спохватился, что это будет не по-людски. Он сделал нам столько добра, усадил детишек на осликов... Все мое объяснение будет явно не к месту.

Возле цветочных часов старик помог детям слезть с осликов и уехал. Снова все те же цветочные часы! Да что же это такое? Что за глупое положение? Чего хотят от меня и моих детей эти цветочные часы? Деваться некуда. Я взял себя в руки и, стараясь не обращать внимания на недовольную воркотню детей, снова стал рассказывать им об истории этих часов и памятниках старины, напомнил, как здорово они покатались на осликах. А потом мы вернулись в гостиницу. На осмотр Шираза у нас оставался всего один день, но из страха перед цветочными часами я не отважился после обеда выйти на улицу, а внимание детей отвлек мороженым и ширазским палюдэ¹.

¹ Палюдэ – сладкое блюдо из шербета с крахмалом.

На следующее утро мы вышли из гостиницы с твердой решимостью посетить наконец памятные места Шираза. По счастливой случайности, не пройдя и пятидесяти шагов, я встретил своего тегеранского приятеля. Он ехал на собственной машине. Я обрадовался и помахал ему. Он притормозил. Я обнял его, раскланялся с его женой и дочерью. Начались расспросы:

- Куда вы идете?
- Осматриваем город.
- Тогда полезайте в машину. Ведь вы пешком?
- Да.
- Так не мешкайте.

В машине нас было много, но мы весело устроились на коленях друг у друга.

– Как жаль, что вчера вас не было с нами, – заговорил мой приятель, разворачиваясь. – Мы ездили в Тахтэ-Джамшид, Накше-Ростам, к источнику Рокнабад, в пригороды Шираза. Поистине величественное зрелище! Сколько впечатлений!.. Диву даешься. Порталы Тахтэ-Джамшида, храм огня в Накше-Ростаме! Потрясающе! Клянусь твоей дорогой душой, это нечто невообразимое. Да ты ведь и сам видел все это!

– К сожалению, нет. Нам очень хотелось бы посмотреть, но...

– Вот досада, мы вчера уже побывали там, не то поехали бы вместе. А вообще-то ничего особенного: несколько колонн, немного мрамора. К тому же ужасная дорога – далеко, пыльно. Зато сейчас поедем вместе к цветочным часам. Говорят, штука чрезвычайно оригинальная.

О, горе мне! Что я натворил? Право, эти проклятые часы построены в Ширазе, чтобы мучить меня и моих детей.

- Дорогой мой, мы уже видели цветочные часы.
- Ну ничего, еще раз посмотрите.

И снова мы у цветочных часов, снова толпа зевак окружает их плотным кольцом, снова мужчины, женщины, старики и старухи фотографируются и обсуждают, как они ходят... В одиннадцать часов мы уже вернулись в гостиницу. После обеда я сказал детям:

– Одевайтесь! Сегодня у нас целый день, пойдемте погуляем, посмотрим интересные места, а заодно купим гостинцев, чтобы вернуться домой не с пустыми руками.

- Вы идите, а я останусь, – глотая слезы, с горечью сказал мой старший сын.
- Почему?
- Я уже видел цветочные часы и больше не желаю на них смотреть.
- Никто и не собирает тебя туда вести.
- Не пойду я.
- Ну и ладно, оставайся, а мы уходим.

Мы вышли из отеля, и я предложил сходить на базар Вакиль – купить подарки и заодно осмотреть этот памятник старины. Но как к нему пройти? Я обратился к господину с дамой, идущим нам навстречу.

– Идите прямо по этой улице. Дойдите до перекрестка, сверните направо, в переулок. Пройдя его, окажетесь на улице Занд. В центре ее стоят часы, известные под названием цветочных. Кого бы вы ни спросили, все вам скажут. Дойдя до этих часов...

Я не слышал дальнейших объяснений... В груди у меня заныло, и я увидел, как пелена прозрачных слез набежала на глаза моих детей. Я прислонился к стене и из последних сил едва вымолвил:

– Большое спасибо. Дальше я сам знаю.

От посещения базара Вакиль мы отказались и вернулись в гостиницу, а на другое утро, в девять часов, уже сидели в автобусе, идущем в Тегеран. Проехав две остановки, я обратил внимание на сидящую перед нами нежную пару. По всему видно было, что это молодожены, у которых еще не кончился медовый месяц. Они сидели обнявшись и с интересом разглядывали что-то. Это разожгло мое любопытство. Я вытянул шею и увидел, что в руках у молодоженов фотографии, запечатлевшие их пребывание в Ширазе.

– Посмотри, – щебетала молодая дама. – Это ты с тетушкой Ахтар стоишь по ту сторону цветочных часов. А здесь мы вместе с тобой стоим возле цветочных часов...

У меня застучало в висках. Кровь прилила к голове. В изнеможении я откинулся на спинку кресла и, глядя в окно, стал считать телеграфные столбы.

В десять часов утра на следующий день, то есть в последний день новогодних каникул, наш автобус прибыл в Тегеран. Мы с трудом отыскивали такси.

– Возвращаетесь из путешествия? – осведомился водитель. – Где же вы были?

– Мы ездили в Шираз.

– Я тоже в прошлом году был в Ширазе. Очень красивый город, не правда ли?

– Совершенно с вами согласен.

– Вы, наверное, все там повидали?

– Да, почти все.

– И цветочные часы видели?

У меня на шее вздулись жилы. Изо всех сил сдерживаясь, чтобы не вцепиться бедному водителю в глотку, я сквозь зубы произнес:

– К сожалению, нет.

Водитель сокрушенно покачал головой и, затормозив перед светофором на перекрестке улицы Тахтэ-Джамшид, сказал:

– Обидно... Чтобы человек побывал в Ширазе и не увидел цветочных часов! Надо же быть таким нелюбознательным!

Беседа птиц

ИСТОРИЯ АФРИКИ И НАРОДНЫЙ ИСЛАМ В ЛИТЕРАТУРЕ ХАУСА:

«ПЕСНЬ О ЧУДЕСАХ ДАН ХАВА»

Николай Добронравин*

ПЕРЕВОД С ХАУСА Н. Добронравина

Шейх *тариката* кадирийя Усман дан Фодио¹ (1754–1817) был создателем империи Сокото на территории современной Нигерии и соседних стран Западной Африки, выдающимся исламским ученым и поэтом. Приверженцы шейха Усмана называли его обновителем (*муджаддид*) ислама, святым (*вали*) и даже Махди, хотя сам Усман дан Фодио в своих стихах отказывался от такого имени.

Деяниям шейха Усмана посвящены многие поэтические сочинения на арабском и африканских языках (хауса, фула). В некоторых произведениях говорится о чудесах, которые творил Усман дан Фодио. К их числу относится и «Песнь о чудесах Дан Хава»².

Время создания «Песни» неизвестно, но можно предполагать, что она была написана еще до европейского завоевания и раздела империи Сокото между Великобританией и Францией в начале XX века. Две практически идентичные и не издававшиеся рукописи «Песни» сохранились в библиотеке Манчестерского университета³. Автором в самом сочинении назван Усумана (Усман), ученик шейха Усмана.

«Песнь о чудесах Дан Хава» отражает распространенные в литературе и фольклоре хауса представления о сверхъестественных способностях и чудесных деяниях Усмана дан Фодио⁴. Среди упоминаемых чудес есть широко известные, например, спасение шейха Усмана от коварного замысла Буну, царя Гобира⁵. Эта история уже не раз публиковалась, в том числе и в русском переводе. Буну (по другой версии легенды – его сын Йунфа) пригласил к себе Усмана дан Фодио. Чтобы покончить с

* Николай Александрович Добронравин (р. 1961) – профессор кафедры мировой политики факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета.

¹ Основные варианты его имени – Усман би Фодуйе («сын Фодуйе»), или би Фодийе» на языке фула, Усман (Усуман, Ус(у)ману, Усмана) дан Фодийо («сын Фодийо»), или дан Фодийи/дан Ходийо на языке хауса. В арабских текстах сочинений шейха Усмана встречается арабизированный вариант его имени – ‘Усман ибн Фуди.

² Букв. «сын Хавы (Евы)» на языке хауса. У многих исламизированных народов Западной Африки, особенно в доколониальный период, имя матери обычно упоминалось вместе с именем отца.

³ Краткое описание этих и других западноафриканских рукописей из того же собрания см.: Bosworth C.E. A Catalogue of Accessions to the Arabic Manuscripts in the John Rylands University Library of Manchester // Bulletin of the John Rylands University Library of Manchester. – 1973–1974. – Vol. 56. – P. 34–73, 256–96.

⁴ Описание чудес Усмана дан Фодио в поэзии хауса см., например: Hiskett M. “The Song of the Shaihu’s Miracles”: A Hausa hagiography from Sokoto // African Language Studies. – 1971. – Vol. 12. – P. 71–107.

⁵ Мухамман (Мухаммад) Буну Нафата дан Бабари, правитель Гобира (1801–1803). В сочинениях приверженцев Усмана дан Фодио именуется язычником, как и его сын Йунфа (1803–1808).

шейхом, царь велел вырыть глубокую яму и прикрыть ее сверху циновками. Усман дан Фодио уселся над отверстием ямы, но не провалился в нее и остался невредим.

Согласно традиции, Усман дан Фодио мог чудесным образом быстро перемещаться на значительные расстояния. Первое подобное чудо он совершил в юности. Согласно преданию, отец послал Усмана за книгой в другой поселок, находившийся в одном или даже двух днях пути, а сам отправился на молитву. Чудесным образом Усман успел принести книгу, прежде чем отец вернулся из мечети.

«Песнь» относит к числу чудесных деяний шейха Усмана победу над туарегами. Здесь речь идет о реальном историческом событии. В 1806 году объединенное войско туарегов и их союзников из числа правителей хауса разгромило силы *кадирийской* общины и начало штурм крепости Гванду. Усман дан Фодио находился в Гванду и молился о победе. Молитва шейха, несомненно, укрепила дух защитников крепости. В конечном счете, несмотря на первоначальный успех, туареги и их союзники потерпели поражение.

Не вполне ясно, с какими историческими событиями может быть связано описание чудесной переправы *кадирийского* войска через Нигер. В то же время в Западной Африке широко распространен рассказ о том, как Усман дан Фодио переправлялся через реку Нигер (по воде или по воздуху) сам или со своими учениками.

Некоторые из чудес, перечисленных в этом сочинении, не связаны непосредственно с физической жизнью Усмана дан Фодио. Так, например, шейх Усман не совершил хадж. Добраться из Западной Африки в Аравию в те времена удавалось лишь очень немногим. Усман дан Фодио посетил Мекку и Медину лишь сверхъестественным образом, то же можно сказать и о посещении им умерших шейхов и пророка Мухаммада.

Возведение родословной шейха Усмана к Фатиме и, следовательно, к пророку Мухаммаду само по себе трудно назвать чудом. Такая генеалогия отражает не столько реальное происхождение создателя Соко, сколько его авторитет среди западноафриканских мусульман, особенно среди *кадиритов*. Скорее всего, происхождение от Фатимы (по линии матери) было приписано Усману дан Фодио уже после создания империи Соко.

Некоторые из деяний Усмана дан Фодио, упомянутых в «Песни о чудесах Дан Хава», не встречаются в других источниках. К таким чудесам, вероятно, относится необычайно ранняя *хálва* (уединение суфия) и владение всеми языками.

ПЕСНЬ О ЧУДЕСАХ ДАН ХАВА

Хвала Аллаху, с соизволения Владыки небесного
 Начинается песнь о чудесах Дан Хава.
 Трех лет от роду Малам¹ отправился
 В саванну, без матери, на три дня в «хálва».
 Удивительное это дело, «хálва» младенца,
 Дивитесь сему чуду Дан Хава!
 Совсем юношей послали его
 Забрать отцовскую «Ишринийю»²,
 Двухдневный путь он проделал вмиг, чтобы принести ее,
 Это – чудо шейха, царя³, Дан Хава!
 То же [было], и когда он жил в Дегеле,
 Пришел он к [царю] Буну в Алкала(ва)⁴.
 И Буну сказал, «подойди, отец мой!»
 А там была яма, [царь] прикрыл ее циновкой,
 Малам сел на нее и не провалился.
 Это – чудо шейха, царя, Дан Хава!
 Однажды пошли на войну, и там была река
 Нигер, она разлилась и преградила путь.
 Тогда [шейх] попросил Аллаха, Господа, Владыку небесного,
 И сказал: «Ступайте [в воду], идите и дойдете!»
 И язычников одолели, множество их полегло.
 Это – чудо шейха, царя, Дан Хава!
 В тот день, когда туареги напали на общину [кадиритов],
 Он сотворил чудо, святой Дан Хава.
 [Туареги] вступили в бой и осилили правоверных,
 Они взяли крепость, воистину, они одолели.
 Тогда [шейх] пришел и сказал: «Туареги, вы погибли!
 Обратитесь в бегство сейчас же, не медлите!»
 Кто-то бежал через Адар⁵, спасая жизнь,
 Но там его уже звала могила.
 Их гнали, их убивали, «дадан-дада́».

¹ Малам – букв. «учитель» (хауса, от араб. *му‘аллим*).

² «Ал-‘Ишринийат» – популярное в Западной Африке арабское сочинение поэта ‘Абд ар-Рахмана ибн Йах-лафтана ал-Фазази (XIII в.), жившего на территории современной Ливии.

³ Правители империи Сокото носили арабский титул *амир ал-му‘минин* «повелитель правоверных», на языке хауса ему соответствовал титул *саркин мусульми*, букв. «царь мусульман». Оба титула используются традиционными правителями Сокото и в современной Нигерии.

⁴ Алкалава (более распространенное название, букв. «[место обитания] судей») – столица Гобира, уничтоженная кадиритами в 1808 г.

⁵ Адар – область на территории современной Республики Нигер (севернее Гванду и Сокото), находившаяся под властью туарегов.

Это – чудо шейха, царя, Дан Хава!
Жил он достойнее всех братьев
На востоке и западе, справа и слева.
Был он богобоязненнее всех правоверных,
Это – чудо шейха, царя, Дан Хава!
Обходился он без пустой мирской болтовни,
Говорил только об Аллахе и о *хадисах*.
Обходился он без калebasы *туво*¹, без *фурá* ²,
И без сна, разве что на словах.
Когда он читал, то все понимал,
Это – чудо шейха, царя, Дан Хава!
Все прочтенное он применял,
Это – чудо шейха, царя, Дан Хава!
Река знания, в душе и наяву,
Это – чудо шейха, царя, Дан Хава!
Не бывало, чтобы его спросили, а он не знал [ответа],
Это – чудо шейха, царя, Дан Хава!
Всех святых по всей земле он знал,
Это – чудо шейха, царя, Дан Хава!
На любом языке Малам проповедь читал,
Это – чудо шейха, царя, Дан Хава!
Кто бы ни пришел, понимал его язык,
Это – чудо шейха, царя, Дан Хава!
С любимым приходившим язычником он вел беседу,
Это – чудо шейха, царя, Дан Хава!
Малам проповедовал даже *джиннам*,
Это – чудо шейха, царя, Дан Хава!
Поводья религии Аллах ему вручил,
Это – чудо шейха, царя, Дан Хава!
Он показал себя как последователь *сунны* Пророка,
Это – чудо шейха, царя, Дан Хава!
Всякий, кто следовал его повелению, следовал повелению Пророка,
Это – чудо шейха, царя, Дан Хава!
Всякий, кто отвергал его повеление, отвергал повеление Пророка,
Это – чудо шейха, царя, Дан Хава!
Родословная его семьи [восходит к] Фатиме,
Это – чудо шейха, царя, Дан Хава!
Ничего не творил он в мире, кроме как по закону,
Это – чудо шейха, царя, Дан Хава!
Побывал он в Медине и Мекке,
В доме Мухаммада был он, Дан Хава.

¹Туво – густая каша из толченого зерна (у хауса).

²Фурá – клецки с водой или молоком.

Также побывал он у 'Абд ал-Кадира¹,
 Это – чудо шейха, царя, Дан Хава!
 Также побывал он у шейха Абу Бакра²,
 Это – чудо шейха, царя, Дан Хава!
 Также побывал он во дворце Пророка,
 Это – чудо шейха, царя, Дан Хава!
 Также побывал он во дворце Владыки небесного,
 Это – чудо шейха, царя, Дан Хава!
 Весть о нем пришла прежде, чем он пришел,
 Это – чудо шейха, царя, Дан Хава!
 Двадцать имен у шейха, отца Хасана.
 О правоверные, поймите, и сотня [имен].
 Он – правоверный, он – мусульманин, благочестивый,
 Он – чтец [Корана], и он же – ученый ('алим),
 Он – повелитель (*амир*), и он же – следующий по стопам (*махзу*), Дан Хава.
 Он – принятый (*макбул*), и он же – направляемый (*мусаддад*),
 Он – знатный (*шариф*), он – *муджтахид*³, он – *муджаддид*,
 Он – открывающий (*кашиф*), он – святой (*вали*), Дан Хава.
 Он – *кутб* для *маджзуба*⁴, истинный, *джинн*⁵,
 Он – [из] *риджал ал-гайб*⁶, и он же – Махди.
 Я [это] знаю, и знают все мусульмане,
 Это – чудо шейха, царя, Дан Хава!
 Я не знаю всех чудес шейха, лишь немного,
 Аллах знает число чудес Дан Хава.
 Хвала Аллаху, возблагодарим Господа,
 Так следует благодарить Аллаха, братья.
 Песнь о чудесах Малама завершена,
 Дай нам Боже полноту веры.
 Усумана сочинил песнь о чудесах Дан Хава,
 Ученик шейха, царя, Дан Хава.
 О Господи, о Господи, прими нашу
 Песнь о чудесах шейха, царя, Дан Хава.
 Ради достоинства шейха 'Абд ал-Кадира,
 Дай нам, Боже, полноту веры.

¹ 'Абд ал-Кадир ал-Гилани, или Джилани (1077–1166). К нему возводит свое происхождение *тарикат кадирийа*.

² Неясно, о каком именно суфийском шейхе идет речь.

³ *Муджтахид* – исламский ученый-законовед, обладающий правом самостоятельного суждения (*идж-тихад*).

⁴ *Маджзуб* – зд.: суфий – обладатель совершенного знания по отношению к тому, кто достиг озарения, но не имеет своего руководителя.

⁵ Так в тексте.

⁶ *Риджал ал-гайб* – «люди сокровенного», святые.

Чудеса стран

ВОСТОЧНЫЙ ФАБЕРЖЕ: ИСТОРИИ ЛЮБВИ*

Ефим Резван**

Девочка-память бредет по городу, наступает вечер, льется дождь,
и платочек ее хоть выжми, девочка-память стоит у витрин и глядит
на белье столетья и безумно свистит этот вечный мотив посредине жизни.

Иосиф Бродский

Рис. 1

* Вышла серия статей, посвященных научному и художественному значению восточной коллекции, а в ноябре 2003 г. я был счастлив возможности представить эту историю во всем великолепии связанных с ней предметов в Мюнхене на прекрасной выставке «Фаберже и Картье: соперники при русском дворе».

** Ефим Анатольевич Резван (р. 1957) – арабист и исламовед, доктор исторических наук, зам. директора по научной работе Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. Главный редактор международного журнала «Manuscripta Orientalia», автор десяти монографий и более двухсот пятидесяти научных работ, опубликованных на русском, английском, арабском, французском, немецком, японском, итальянском, узбекском, финском, китайском и персидском языках.

Мы, как правило, трепетно относимся к своим домашним альбомам. Этнографический музей такого масштаба, как петербургская Кунсткамера, – это домашний альбом всего человечества. Культурные богатства, накопленные в нем, живут, рассказывая свои истории сначала исследователю, а затем зрителю, посетителю, читателю. Причем этот рассказ бесконечен. Предметы, как маячки памяти, вновь и вновь притягивают ученых, которые, поколение за поколением, будут открывать в них *свой* особый мир.

Не так давно, просматривая вместе с коллегой по музею проспект будущего издания, посвященного нашей коллекции буддистской бронзы, я обратил внимание, что один из экспонатов поступил к нам в 1919 г. из «Музея ВЧК». Оказалось, что всего от ЧК, УТЧК, ГПУ, ОГПУ было принято музеем 129 предметов. За каждым из них, безусловно, человеческая судьба, которую, увы, похоже, не проследить: описи не сообщают так, имен прежних владельцев. Так, я уже два года ищу томик «Илиады» – талисман Николая Гумилева, сопровождавший его и в путешествиях по Африке, и на фронте. Доподлинно известно, что арестованный в 1921 г. поэт взял его с собой на Гороховую, 2, в камеру ВЧК.

Несколько лет назад, работая в Петербургском академическом собрании восточных рукописей, я наткнулся на небольшую коллекцию, принадлежавшую Карлу Фаберже (*рис. 2*). На фоне восточных рукописных богатств, хранящихся в Петербурге, они особенно не выделялись – «достойный средний класс», добротная работа, достаточно массовая продукция высокопрофессиональных переписчиков, переплетчиков, каллиграфов и художников-миниатюристов. Но совершенно для меня неожиданно эти рукописи рассказали мне три удивительные истории.

Рис. 2

По первой из них я снял документальный фильм, который очень люблю до сих пор. Однако пару лет назад я решил вернуться к этой истории: появились новые материалы, кардинально изменились технические возможности, мы стали работать вместе с талантливым режиссером Татьяной Соловьевой и замечательным оператором Александром Соловьевым. Мы снова отправились в Париж, снимали в Музее декоративно-прикладного искусства, в фамильном замке главного героя. Тогда-то и выяснилось, что наш фотограф Татьяна Федорова очень похожа на французскую принцессу. Позднее в одном из петербургских дворцов с богатым ориентальным интерьером мы снимали игровые эпизоды. Все было «по-взрослому» – свет, костюмы, грим, подлинный старинный музыкальный инструмент из Индии. Решено было сделать большой фильм из трех частей, но тут, как всегда бывает, случился кризис...

I. Париж. 1899

Любовь – главное чудо творения, чудо, преображающее мир... «Она расплетает плотно свитое, ослабляет крепкое, размягчает застывшее, колеблет устойчивое и разрешает запретное... Повелению ее не перечат, запрета ее не ослушаться и власти ее не переступить»¹. Эта история, как и многие другие, началась для меня с рукописи Корана, на этот раз крошечной, в затертом матерчатом переплете, явно созданной в Персии. В каталоге значилось, что она принадлежала Фаберже. Я задал себе вопрос, зачем был нужен Коран петербургскому ювелиру? Ответ привел меня в Париж.

В кварталах вокруг парижской Оперы все дышит фантастической роскошью Второй империи. Рассказывают, что однажды строящееся здание Оперы посетила законотельница мировых мод императрица Евгения. Ее гидом был архитектор здания Шарль Гарнье. «Но какой это стиль? – спросила императрица. – Это не Античность, не Средние века, не Ренессанс...» «Это – Вторая империя, мадам», – ответил архитектор. Так возник этот стиль, “style Opéra de Paris”, который стал одной из доминант не только этой, но и последующей эпохи и в чем-то – синонимом образа жизни, создавая силуэты, диктуя моды и манеры, взгляды и мироощущение. И позднее, в период Третьей республики, и когда началась знаменитая Belle Époque, обитатели аристократического района вокруг Оперы хранили самую суть этого стиля – роскошь, уверенность, превосходство.

Именно здесь, неподалеку от здания Оперы, и началась на рубеже веков история любви французской принцессы и блестящего офицера, путешественника, востоковеда. Она продолжалась целую вечность – почти шестьдесят лет. Я не знаю, какие слова звучали в сердце офицера, когда он остался в этом мире один, но думаю, они были очень похожи на пронзительные слова из дневника известного русского литератора: «Когда умирает женщина, с которой прожил нераздельно полвека, вдруг забываются последние годы, и она возникает перед тобой во всем цвету молодости, женственности... забываются седые волосы, и видишь, какая чепуха – время, какая это бессильная чухь»².

¹ Ибн Хазм. Ожерелье голубки / Пер. с араб. М.А. Салье. – М., 1957. – С. 14.

² Чуковский К.И. Дневник. 1901–1969. – Т. 2. – М., 2003. – С. 224.

Может быть, об этом думал и маркиз Лузарш д'Азай, когда после смерти возлюбленной ежедневно повторял обычный путь к ее дому... Или когда нес в парижский музей свидетельства их любви, созданные в мастерской Фаберже.

Оказалось, что миниатюрный Коран – далеко не единственная восточная рукопись, которая попала в академическую коллекцию из собрания великого ювелира. Громадный инвентарь за 1920 г. сообщал о передаче десяти рукописей и листов с миниатюрами. Сюда вошел сборник *хадисов* – преданий о жизни пророка Мухаммада, поэтические сочинения, исторические и биографические трактаты и, наконец, *муракка* – прекрасный альбом миниатюр и каллиграфии.

Краткие описания уложились в одиннадцать строк и, как оказалось впоследствии, имели пропуски и ошибки.

Девять из десяти рукописей удалось сравнительно быстро отождествить, а вот один из двух крошечных Коранов и листы с миниатюрами оставались загадкой. Я обратился к коллегам, пошел в архив, часами работал с описями и инвентарями. Хорошо помню день, когда на моем столе оказалась наконец папка с прекрасными индийскими миниатюрами и образцами каллиграфии.

Сомкнутые веки.

Выси. Облака.

Воды. Броды. Реки.

Годы и века¹.

После Октябрьской революции советское правительство в поисках средств, остро необходимых в условиях разрухи и войны, пошло на продажу за рубеж произведений искусства – конфискованных и награбленных. В кровавом хаосе, охватившем Россию, Академия наук и ее ученые делали все возможное, спасая для страны памятники и документы, имеющие культурное и научное значение. Часть конфискованной в 1918-м коллекции Карла Фаберже удалось распределить по советским музеям. Так восточные рукописи Фаберже оказались в Петербургском академическом собрании.

Однако оставалось загадкой, зачем великий ювелир приобрел восточные рукописи. Их датировку затрудняло то, что кто-то, по-видимому, чтобы продать рукописи дороже, пытался искусственно состарить их, подделывая даты, затирая иногда целые страницы. Я обратился к каталогам работ Фаберже, и тут мое внимание привлекла серия драгоценных портсигаров, часть которых была украшена мусульманскими орнаментами. Их сопоставление с рукописями выявило явные параллели. Анализ владельческих записей показал, что рукописи оказались в Петербурге в первые годы двадцатого столетия, тогда же, когда была создана серия портсигаров. Каталог парижского музея декоративно-прикладного искусства сообщал, что коллекция портсигаров поступила в дар от маркиза Лузарш д'Азая...

¹ Борис Пастернак. «Сказка» (1953).

Рис. 3

Рис. 4

Неподалеку от памятника знаменитому префекту Парижа барону Осману начинается небольшая avenue de Messine. Сворачиваешь с бульвара, носящего имя барона, во многом сформировавшего современный облик города, проходишь мимо одного из зданий французского Министерства обороны, аббатства Святого Августина и памятника Жанне д'Арк, мимо художественного салона с ласкающим русское ухо названием – “Gallerie Trubetzkoj”, – и оказываешься в районе парка Монсо. Здесь жили многие из героев Мопассана и Пруста, Золя и Филиппа Эриа.

Здесь, на углу avenue de Messine и rue Teheran стоит неприметный с виду дом – родовое гнездо маркизов Лузарш д'Азай. Архитектором особняка был тот самый Шарль Гарнье, автор проекта парижской Оперы. А в двух шагах – другой дом того же архитектора, на фронте которого сохранились фамильные гербы (элегантно сплетаясь, две большие буквы «L» образуют «A»). Во второй половине XX в. этот дом стал великолепной декорацией для съемок множества фильмов: здесь работали Франко Дзеффирелли, Вуди Аллен, Анджей Зулавски, Паскаль Тома. Роже Планшон снимал здесь своего «Лотрека».

Маркиз Лузарш д'Азай строил особняк для своего сына с учетом перспектив его предстоящей женитьбы. Однако свадьбе не суждено было состояться, и молодой маркиз так и не переехал в готовый дом. Мы можем только гадать о том, что расстроило планы молодого маркиза относительно женитьбы, но доподлинно известно, что в канун нового, XX века молодой блестящий офицер (рис. 3) встретил женщину, которая стала его судьбой.

Продолжая работать с каталогами парижского музея, я обнаружил, что на всех портсигарах из коллекции Фаберже повторяется одна и та же надпись на арабском языке. Почему-то авторы соответствующих описаний всюду переводили это слово как «Святейшему», в то время как арабские литеры на портсигарах этой серии складывались в имя Secile (рис. 4).

Принцесса Сесиль Мюра (рис. 5) была правнучкой знаменитого маршала Нея, получившего за героизм, проявленный во время Бородинского сражения, титул *prince de la Moskowa* и названного Наполеоном «храбрейшим из храбрых». Семнадцатилетней девушкой Сесиль была выдана замуж за принца Мюра, который приобрел неподалеку от парка Монсо несколько акров земли и построил там дом. Сегодня память об этом хранит только название улицы – дом в 1961 г., сразу после смерти принцессы, был разрушен.

Накануне того, как Париж, украшенный на восточный манер, пышно отметил начало нового века, когда мир, удивляясь, гляделся на себя в зеркало Всемирной выставки, а принцессе было чуть более тридцати лет, она встретила и полюбила блестящего

офицера, маркиза Лузарш д'Азая. В память об их первой встрече любящая женщина решила заказать у Карла Фаберже – одной из подлинных сенсаций Всемирной выставки – драгоценный сувенир, предназначенный для ее возлюбленного. И далее, на протяжении многих лет, накануне Рождества Сесиль заказывала у Фаберже новую драгоценность. Приходя к ювелиру с готовой идеей каждого из портсигаров, она не жалела средств на осуществление своих проектов. Арабские надписи и древние восточные орнаменты стали для двух французов особым кодом любви.

Чтобы выполнить серию необычных парижских заказов, петербургский ювелир и купил коллекцию восточных рукописей, которая волею судеб оказалась в Азиатском музее Российской академии наук.

Каждый из портсигаров как-то связан с важными событиями в жизни принцессы Сесиль и Лузарш д'Азая. Серия работ Фаберже – это своеобразная летопись их отно-

Рис. 6

Рис. 7

шений, история встреч и разлук, улыбок и слез, объятий и одиноких вечеров. Один, с монограммой и датой внутри, по-видимому, олицетворяет первую встречу влюбленных. В двух других можно обнаружить портреты принцессы, скрытые от чужих глаз с помощью системы тайников (рис. 6). Еще один портсигар несет на себе нотную строку, в которую вписано имя Сесиль. Мы можем только гадать, что значила эта мелодия для влюбленных. Быть может, ее играл шарманщик за окном дома, где случилась одна из их тайных встреч. Или это была прощальная мелодия, которую принцесса печально наигрывала на фортепьяно в день, когда они расставались в очередной раз (рис. 7).

В громадном парижском архиве удалось найти стихотворение, посланное маркизом своей возлюбленной.

Прекрасно, верь, спустя лет восемь
Мне прошептать «Я Вас люблю...»
О моя радость, сердце просит –
Стократ я это повторю
Укор невольный и сомненья
Погасит глаз любимых свет
И будет радость возрожденья
Безумной страсти прежних лет¹.

¹Перевод С.П. Зазулинской.

Вскоре после встречи влюбленных ждала разлука. Лузарш д'Азай и его друг граф Арман де Пракомталь отправились вверх по Белому Нилу (современный Судан). Похоже, что миссия французских офицеров имела деликатный характер. Официально французские аристократы отправились поохотиться в экзотические места.

В конце 1902 г. молодые офицеры прошли по Нилу до районов, контролируемых бельгийцами. Неподалеку находилась небольшая крепость Фашода, спор из-за которой накануне едва не привел Англию и Францию к полномасштабной войне. По возвращении Лузарш д'Азай подготовил отчет, посвященный путешествию, вариант которого, снабженный множеством фотографий, был вскоре опубликован.

В маленьком парижском букинистическом магазине мне посчастливилось купить экземпляр книги с дарственной надписью ее автора. В те годы, как, впрочем, и сегодня, путешествие в этот район было по-настоящему опасным: тропические болезни и враждебность окружения, политическая напряженность и влажная, изнуряющая жара. В книге об этом можно прочесть лишь между строк. Там главное – охота.

Возлюбленная маркиза преподнесла ему портсигар, на крышке которого вновь было помещено ее имя, написанное арабицей, и карта путешествия, выполненная в золоте трех цветов и украшенная бриллиантами, рубинами, сапфирами и изумрудами (рис. 8).

Офицер и геолог, журналист и востоковед, все те, кто часто и далеко уезжает из дома, хорошо знают, что значат крошечная вещица, переданная тебе женщиной, ее улыбка, лучащиеся глаза, встречающие тебя на пороге.

Драгоценные сувениры сопровождали французского офицера на фронтах и в опасных путешествиях, даря воспоминания о любимой, охраняя и приближая встречу с ней. Такие вещи – это и есть настоящие обереги. Как и сама любовь, они имеют магическую силу. В России, пережившей безумный XX век, об этом написано море стихов: «Не понять не ждавшим им, как среди огня, ожиданием своим ты спасла меня».

Влюбленным Бог дал совсем не простой век. На крышке одного из портсигаров, высечен весь послужной список боевого офицера, участвовавшего в важнейших колониальных кампаниях и главных битвах Первой мировой войны, кавалера ордена Почетного легиона, множества других наград. На другом – поздравление маркиза с заслуженными орденами, на третьем – вновь главные битвы Первой ми-

Рис. 8

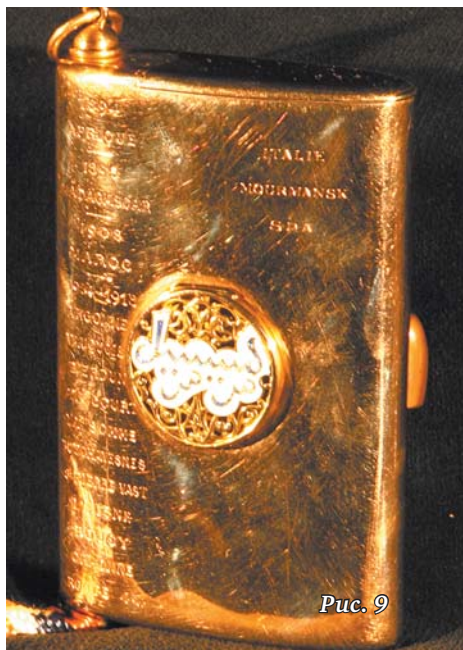

Рис. 9

ровой на фоне французского флага. По сути – это военная биография нашего героя, которая совпадает с содержанием его личного дела, обнаруженного в одном из французских архивов. Список на портсигаре заканчивается высадкой в русском Мурманске (рис. 9). Французы появились там ранней весной 1918 г. На этом и завершается серия портсигаров, сделанных в мастерских Фаберже.

Карл Фаберже, придворный ювелир Императора Всероссийского, Короля Шведского и Норвежского, Короля Великобританского, Короля Сиама, за свои работы был награжден множеством российских и иностранных орденов, золотыми медалями Всероссийской и Всемирной выставок. Среди культурных пластов, в которых мастера и члены семьи Фаберже черпали вдохновение, были ампиризм и готика, Возрождение и искусство Франции

XVIII в., искусство Китая и Японии, Арабского Востока, Персии, Индии. Стиль Дома Фаберже основывался на продуманной ассимиляции «исторических» стилей, обогащенных русским чувством, легкостью, элегантностью и виртуозностью исполнения.

Несомненно, что для большевиков фигура Фаберже была в высшей степени одиозной. Придворный ювелир, создававший безумно дорогие безделушки для международной знати, был одним из символов того мира, которому была объявлена беспощадная война.

В марте 1918 г. Фаберже тайно уезжает в Ригу. Сыновья ювелира остаются в России для ликвидации дел и вывоза состояния за границу. Значительная часть ценностей, которыми владела семья и фирма Фаберже, хранилась в петроградском доме на Большой Морской, где размещались магазин, мастерские и квартиры Карла Фаберже и его сына. В марте 1918 г. Фаберже сдает свой дом в аренду швейцарской миссии. Фаберже попросил принять на хранение чемоданы с вещами семьи и саквояж с драгоценностями. Однако в результате целой серии налетов и обысков драгоценности исчезли. ЧК были изъяты также вазы, камнерезные фигурки, бронзовые китайские статуэтки... В мае 1919 г. властям удалось вскрыть особый бронированный сейф-лифт в доме на Большой Морской. Его содержимое также было конфисковано.

На форзацном листе одной из рукописей Фаберже сохранилась последовательность цифр и букв, которая не может быть каталожным номером. Запись скорее напоминает шифрограмму. Возможно, это одно из свидетельств попыток семьи Фаберже сохранить ценности от реквизиции.

В 1920 г. не стало Карла Фаберже, но продолжалась любовь. Теперь принцесса обратилась с тем же заказом к Картье. На одном из созданных им портсигаров – капли

крови, видимо символизирующие ранение маркиза. Другой – посвящен двадцатилетию любви наших героев.

Маркиз Лузарш д'Азай некогда был известен всей Франции как отважный офицер, любитель приключений, страстный охотник, один из основателей моды на африканское сафари. Друзья-музейщики договорились, и нас пустили в обычно закрытый зимой родовой замок семьи Лузарш д'Азай в местечке Азай Ле-Феррон. Замок, заложенный в XIII в., может много рассказать о своем хозяине – офицере, охотнике и виноделе.

Блестящий светский человек, поэт, завсегдатай лучших парижских ресторанов и закрытых клубов, он запомнился многим еще и как покоритель женских сердец. Именно таким предстает он на дружеском шарже, выполненном известным парижским художником.

Но совсем другим еще и сейчас помнят его парижане, много лет живущие в районе площади Messine: пожилой маркиз ежедневно повторявший обычный путь к дому возлюбленной, дому, который после ее ухода разрушали у него на глазах... Она умерла в 1960 г., он скончался в полном одиночестве двумя годами позднее.

За окном парижский вечер. Архив закрывается, и служитель просит меня поторопиться. Я беру со стола последнюю папку: сухой акт, составленный посторонними людьми, – свидетельство о смерти одинокого офицера.

Сразу после смерти возлюбленной маркиз передал музею несколько портсигаров. Остальные поступили туда через два года.

Как оказалось, не только Карл Фаберже, но и Луи Картье, и Анри Вевер владели коллекциями восточных рукописей и миниатюр, которые вдохновляли их на создание подлинных шедевров. Замечательные художники вряд ли понимали всю глубину древних традиций, которые лежали в основе образцов восточной миниатюры из их собраний. Но глубина и мощь этой традиции, своеобразная «энергия красоты» вдохнули жизнь в серии выдающихся произведений ювелирного искусства, привнесли в них особую, завораживающую красоту, знаменующую собой единство творческого начала Востока и Запада. Истории Фархада и Ширин, Маджнуна и Лайли, офицера и французской принцессы столь различны и так похожи...

Я шел по Парижу и удивлялся тому, как недавно произошло то, о чем мы вам рассказали. Ведь, кажется, все это было Бог знает когда: Belle Époque, колониальный дележ Африки, Первая мировая, революция в России... Но если бы меня трехлетним мальчиком привезли в Париж, то, гуляя с мамой по осеннему парку, я мог бы встретить пожилого маркиза. Старик с военной выправкой и длинной тростью ежедневно, в один и тот же час шел на свидание к своей возлюбленной. А позднее, в одинокие вечера, смотрел на огонь, держа в руках ювелирное чудо из далекой России – зримую память о своей любви.

Пока жива, с тобой я буду –
 Душа и кровь неразделимы, –
 Пока жива, с тобой я буду –
 Любовь и смерть всегда вдвоем¹.

¹ Александр Кочетков. «Баллада о прокуренном вагоне» (1932).

...Время абсолютно, его власть всеильна... Но мы же знаем, «какая это чепуха – время, какая это бессильная чушь».

II. ХАЙДАРАБАД, 1800

Вторая история – о звучащих миниатюрах и замечательных совпадениях. Она связана с Хайдарабадом, городом в котором расцвела удивительная индо-мусульманская культура, городе знаменитых поэтов и художников, блестящих ювелиров и музыкантов. Богатейшая Голконда – ныне часть Хайдарабада – до начала XVIII в. была единственным местом в мире, где добывались алмазы. Сюда со всего света приезжали купцы и ювелиры, шпионы и искатели приключений. Здесь их ждала изысканная роскошь, восточные яства и красавицы куртизанки. Гости удивлялись и музыкальной традиции, столь же необычной для европейца, как и все в этой стране.

«Если хочешь узнать историю рукописи, отправляйся на место, где она была создана» – таков первый закон, появившийся в моем «рабочем катехизисе». Именно в Хайдарабаде, городе ювелиров, был создан замечательный альбом миниатюр и каллиграфии, входящий в коллекцию Фаберже. В живописных и каллиграфических миниатюрах альбома сошлись герои и образы громадного индо-тюрко-иранского мира, Ближнего Востока, Китая и даже Восточной Африки. Замечательно, что в то время, когда складывался этот альбом, в Хайдарабаде вспыхнула любовь не менее яркая и удивительная, чем любовь французской принцессы и блестящего офицера-путешественника.

После холодного декабрьского Дели аэропорт Хайдарабада сразу пахнул влажной теплотой. Встречавший нас темнолицый представитель турфирмы, блеснув белками глаз, охнул, увидев гору нашего съемочного оборудования, засуетился и вместе с моим старинным другом – индологом Александром Абашкиным отправился договариваться о дополнительной машине. В соседнем журнальном киоске я заметил фантастически красивую юную продавщицу в ярком сари и немедленно решил проверить, как будет работать креативная идея, озвученная Сашей в самолете. Тогда, отхлебнув кофе из пластмассовой чашки, Саша повернулся ко мне и с веселым блеском в глазах сказал:

– Знаешь, что я придумал, когда мы чуть не врезались в слона на дороге? Давай запишем на улице с самыми разными людьми десяток-другой коротких интервью, задав им только один вопрос: что такое любовь?

Дело в том, что часть миниатюр альбома – иллюстрации к особым сборникам стихов *рагамала* – «гирлянды мелодий» на санскрите. Персонажи миниатюр – принцы (*рага*) и принцессы (*рагини*), а иногда и их дети составляли «семьи» и как бы персонифицировали мелодии. Каждая из мелодий порождала у слушателей особый набор ассоциаций и могла быть связана с временем суток, с сезоном, особой цветовой гаммой, настроением человека, частями его тела, с животными или птицами. Люди верили, что исполнение той или иной *раги* в неположенное время неизбежно приведет к несчастьям и потерям. Стихи и миниатюры альбома рассказывают истории любви. Это вечная как мир череда счастливых встреч, ярких и многоцветных, и истории неизбежных разлук, исполненных цветами ожидания и печали. Дошед-

Рис. 10

Рис. 11

шие до нас цвета и мелодии, ритмы и созвучия сохранили образ этой любви. Миниатюры из альбома Фаберже передают различные состояния души влюбленных: томление и ожидание встречи, нетерпение и тревогу, грусть и печаль.

Подойдя к киоску, я стал бодро толковать девушке о том, что мы приехали из далекой снежной России снимать фильм о судьбе древней рукописи, в которой рассказываются истории о любви, и что нам нужна ее помощь. Девушка меня, несомненно, поняла, а вот я ее нет: специфический местный акцент превращал для моего уха ее английский в пустой набор звуков. Девушка улыбалась, а я беспомощно искал глазами Сашу, чей блестящий хинди многократно выручал меня в таких случаях. Тот появился в дверях, энергично показывая, что все готово и нужно выезжать немедленно. Девушка, что-то быстро тараторя, протянула мне небольшую книжицу на хинди с восточной красавицей на обложке. Быстро расплатившись, я побежал грузить наш багаж.

Уже в микроавтобусе я протянул книгу Саше, тот полистал ее и сказал коротко:
– Это как раз то, что тебе надо, старик.

Об истории любви, которая случилась в Хайдарабаде в те годы, когда там создавался альбом, помнят в городе до сих пор. Как оказалось, ее упоминают стандартные городские путеводители. О ней нам рассказывали в музеях и на улицах, в рестораниках и гостиницах. Это история любви Хайр ан-Нисса, четырнадцатилетней красавицы, принадлежавшей к роду Пророка (рис. 10), и майора Джеймса Киркпатрика, официального представителя Великобритании при дворе низама, правившего в Хайдарабаде (рис. 11).

На рубеже XVIII–XIX вв. выходцы из Персии, Египта, Йемена превратили Хайдабад в важнейший центр арабо-мусульманской культуры за пределами Переднего Востока. О высоких стенах, защищающих город, его белоснежных домах, скрывающихся в пышной зелени, подробно писали путешественники тех лет. Образ города донесли до нас и миниатюры нашего альбома.

Около великолепного Чар Минара, символа города, встречаются два великих базара, известных и в Европе, и на Востоке своим изобилием. Здесь можно было встретить купцов со всего Ближнего Востока, а также из Китая, Франции, Голландии, Англии, Португалии. Здесь встречались обычаи и традиции, культуры и языки. Отсюда в Европу вывозились не только алмазы, но и тонны благоуханных пряностей, стоивших баснословных денег. Здесь жили и работали выдающиеся парфюмеры, чье мастерство было известно всему миру. Они оставили труды, посвященные изощренному искусству составления любовных ароматов, применявшихся для умягчения волос, одежды, спален. Ароматы менялись от сезона к сезону вслед за изменением влажности.

Тысячи верующих собирала громадная мекканская мечеть. При этом в главных шиитских праздниках на равных с шиитами принимали участие сунниты, христиане, индуисты. Было распространено убеждение, что вера на самом деле едина. Есть лишь много разных путей на вершину.

В городе работали выдающиеся художники, поэты, ученые. Расцветала любовная поэзия. После навязанного пуританизма времен набожных правителей Аурангзеба и Низам Али Хана в стране началась новая эпоха. На персидский язык были переведены знаменитые индуистские сочинения о любви. Из репертуара миниатюр уходят типичные до того сцены битв и охоты. Обольстительные индуистские нимфы сходят со стен храмов. Рукописи заполняют изображения красавиц, купающихся в бассейнах, гуляющих в саду вместе с павлинами, предающихся любовным утехам или готовящихся к ним перед зеркалом.

То был век великих куртизанок, которые могли, например, явиться ко двору нагими, но никто не замечал этого, столь необычным образом было раскрашено их тело. Одна из таких куртизанок по имени Мах Лака Бай Чанда была также советницей правителя-низамы по политическим вопросам, сопровождала его на войну, была прекрасной лучницей и наездницей. Она построила библиотеку, заказала написание новой истории Деккана, наконец, была знаменитой поэтессой. При дворе существовала специальная служба – «Управление повелителей наслаждений». «Управление» отвечало за танец, музыку, сладострастие...

Женщины играли при дворе низамы громадную роль, утонченные аристократки были прекрасно образованы, без их ведома не решался ни один серьезный политический вопрос.

В ту пору на городских базарах часто появлялся британский дипломат Джеймс Киркпатрик, которому было тогда около 35 лет. Он носил дорогую одежду местного покроя, свободно говорил по-персидски, был приверженцем местной кухни и традиционного кальяна. Джеймс разыскивал прекрасные драгоценности и драгоценные рукописи, посещал поэтические вечеринки. Киркпатрик был влюблен в этот город и в эту страну, которая манила и завораживала европейцев: еще Васко де Гама,

оказавшийся у индийских берегов в 1498 г., обнаружил здесь итальянских купцов, бывших на службе у малабарских раджей. При дворе низама вместе с персидскими поэтами и каллиграфами, йеменскими и афганскими кавалеристами можно было встретить французского ювелира и португальских артиллеристов.

Город был одним из наиболее важных пунктов в британских планах колонизации Индии. Здесь пыталась закрепиться и наполеоновская Франция, молодая и энергичная, стремившаяся в Индию через Египет. Индийский форпост французов – город-порт Понджишери – снабжал своих здешних сторонников всем необходимым. Во главе армии низама стоял французский генерал Мишель Раймон, влюбленный в страну в не меньшей степени, чем наш герой. Раймон пользовался громадным авторитетом и представлял серьезную опасность для английских интересов. Нет ничего удивительного, что здоровый сорокатрехлетний мужчина умер неожиданно и при весьма странных обстоятельствах. Ставки в игре были очень высоки.

Могила Раймона, оформленная в виде древнегреческого храма и лишенная знаков религиозной принадлежности, еще и сегодня посещается в равной степени индуистами и мусульманами и является местом необычного культа.

Недалеко от Чар Минара находилась колония выходцев из Персии. Здесь жили и саййиды, прибывшие из персидского Шустара и пользовавшиеся большим влиянием при дворе низама. В ту пору мужчины рода, исходя исключительно из политической целесообразности, задумали выдать замуж юную красавицу по имени Хайр ан-Нисса. Сама девушка была крайне недовольна выбором мужчин и грозила отравиться.

Случилось так, что Хайр ан-Нисса однажды увидела британского дипломата. С тех пор образ англичанина не покидал ее воображение. Решительно настроенные женщины решили воспользоваться ситуацией и противопоставить неугоднему избраннику влиятельного Джеймса Киркпатрика. Они сумели сделать так, чтобы Джеймс не только узнал о чувствах девушки, но и смог увидеться с ней наедине. Вскоре Джеймс понял, что юная красавица-персиянка – это его судьба.

Притворись, будто нет разлуки и беда прошла стороной,
Будто сердце не знает муки и любимый снова с тобой.
Но разлука длинней, чем косы, а свиданья, как жизнь, коротки!
Ах, подружка, в разлуке с милым как я вынесу мрак ночной?¹

Тайные встречи продолжались. Весть о них, как и информация о том, что Хайр ан-Нисса ждет ребенка, вызвали серьезный скандал не только в семье девушки и при дворе низама, но и в руководстве британской Ост-Индской компании. Слухи ползли по городу и грозили народным возмущением. Роман с принцессой из рода Пророка мог стоить англичанам их влияния в Хайдарабаде. Единственным выходом из ситуации была свадьба по мусульманскому обряду, которая и состоялась в 1800 г. Это означало, что Джеймс должен был официально принять ислам в его шиитском варианте.

¹ *Амир Хосров*. «Пестрая газель» (первая строка – на фарси, вторая – на хиндави, и так по всему тексту). Перевод Е.Ю. Ваниной.

Свадьба имела следствием серьезный рост влияния Киркпатрика при дворе. Однако необычайно успешная деятельность в соединении с тем, что Джеймс при дворе становился все более «своим», стала вызывать подозрения у руководства компании. Шло тайное служебное расследование. Но подозрения в том, что Киркпатрик мог быть «Кимом Филби» XIX в., так и не подтвердились. Успехи Джеймса были в первую очередь связаны с его глубокими знаниями, искренним восхищением индомульманской культурой.

Влюбленные были счастливы вместе. Джеймс приступил к строительству новой резиденции, призванной своей роскошью и местоположением показать роль Британии в этой части Индии. Он строил дом для любимой и для себя. Во дворе резиденции, которая вскоре стала тем местом, где встречались культуры и науки двух миров, до сих пор сохранилась модель восточных покоев, построенных Джеймсом и уничтоженных одним из его преемников. Сегодня в здании резиденции – колледж для девочек.

Для обоих любимым местом был сад, в создание которого Джеймс вкладывал не только вкус, знания и энергию, но и большие средства. В Хайдарабаде в те годы процветала высокая культура паркового искусства, и Джеймс создавал «сад наслаждений», счастливую и беззаботную Аркадию. В таких парках строились устилаемые коврами мраморные павильоны, журчали фонтаны, а цветы подбирались и высаживались специальным образом, так что в одних местах тончайшие цветочные ароматы были сильны в утреннее, дневное, а в других – в вечернее и ночное время, при свете луны. Многие из деревьев, высаженных в те годы в парке, живы до сих пор.

Непрерывной частью такого сада была голубятня. С древности на Востоке голубь был символом сладострастия, кроме того, считалось, что воркование стимулирует интеллект. Женская красота, ароматы, музыка, поэзия, тончайшие кушанья и вина, пение птиц дарили иллюзию неземного блаженства.

Сама ложилась мята нам под ноги,
И птицам с нами было по дороге,
И рыбы поднимались по реке,
И небо развернулось перед нами...
Когда судьба по следу шла за нами,
Как сумасшедший с бритвою в руке¹.

Но тогда все казалось просто замечательным. Хайр ан-Нисса родила мальчика, а через год – прелестную девочку. За стенами резиденции продолжались опасные политические и военные игры, плелись интриги, происходило ужесточение британской политики в регионе, против чего активно выступал Джеймс. И если парадные залы резиденции неизбежно были включены в острую политическую борьбу, то в прекрасном парке и покоях юной и счастливой женщины царила атмосфера радости. Джеймс наслаждался любовью, боготворил жену и детей. Испортить удиви-

¹ А.А. Тарковский. «Первые свидания» (1962).

тельную атмосферу тех лет не могли даже проблемы со здоровьем, все более и более беспокоившие Джеймса.

Вскоре, однако, пришло время отправлять маленькую рыжеволосую красавицу и ее смуглолицего брата на учебу в Англию. Лишь получив образование в метрополии, они могли стать полноправными англичанами. Детям было тогда соответственно четыре и пять лет.

В конце июня 1805 г. плачущая Хайр ан-Нисса собирала детей в дорогу. Она и Джеймс должны были проводить их до Мадраса и посадить на корабль вместе с семьей британского врача, возвращавшегося в Англию. Неожиданный и острый приступ лихорадки у Джеймса, а также политический кризис в Хайдарабаде помешали отъезду взрослых.

Ничто не предвещало большой беды, но Хайр ан-Нисса, плача по ночам, гнала от себя острую тоску, обнимала и целовала мужа и детей, и шептала те слова, которые знает лишь любящая женщина.

Чтобы порадовать жену, Джеймс договорился о том, что бывший в то время в Мадрасе известный британский живописец Георг Чиннери напишет портрет детей.

Плачущие дети вззошли на борт парусника, вскоре зеленая полоска земли ушла за горизонт. В Индию они не вернуться уже никогда...

Как только Джеймсу стало чуть лучше, он тоже стал собираться в дорогу. Его ждало важное дипломатическое поручение.

Кто может знать при слове «расставанье»,
Какая нам разлука предстоит?..¹

Джеймс спешил, как мог, но размытая дождями дорога не дала ему шанса увидеть детей вновь. Совершенно больной, он оказался в Мадрасе тремя днями позднее их отплытия. Ему следовало прибыть в Калькутту, но морское путешествие оказалось фатальным. Вскоре после прибытия, ранним утром 15 октября 1805 г., сорокаоднолетний британский дипломат подполковник Джеймс Ахилл Киркпатрик скончался, оставив вдову, которой едва исполнилось 19 лет и двух сирот, плывших в далекую и чужую им страну.

Хайр ан-Нисса отказывалась верить в случившееся, но начавшийся кошмар все продолжался. Она оказалась фактически одна: и англичане, и родные практически отказались от нее. Вчерашние друзья обернулись недругами. Ее окружали обман, измена и безразличие. Попытки вернуть детей не увенчались успехом. Однажды, покинутая всеми, кроме матери, молодая женщина отказалась жить. Она умерла в постели, просто отвернувшись к стене. Единственный ответ на многочисленные письма в Англию, конверт с портретами детей, был доставлен в ее дом через шесть недель после ее смерти, в ноябре 1813 г., через восемь лет после того, как дети покинули Индию.

Мальчик и девочка, получавшие в Англии традиционное аристократическое образование, не имели возможности поддерживать связь с Хайдарабадом. Очень

¹ О.Э. Мандельштам. «Tristia» (1918).

красивый молодой человек, писавший романтические стихи, получил в детстве серьезную травму и умер, не дожив до 30 лет. Рыжеволосая смуглая девчушка превратилась в кареглазую красавицу с английским именем Китти Киркпатрик, чья необычная внешность и острый ум пленили блестящего историка, философа и эссеиста Томаса Карлейля. Девушка, которую упорно считали дочерью персидской принцессы, стала прообразом одного из ключевых персонажей его знаменитого и во многом загадочного романа “Sartor Resartus”.

В майский день 1841 г. Китти переступила порог одного из аристократических особняков. Первое, что она увидела, был портрет двух детей, одетых в индийские одежды. Портрет оказался той путеводной нитью, которая позволила ей не только узнать о трагической судьбе матери, но и вступить в переписку с бабушкой. Она писала ей по-английски, а бабушка надиктовывала письма по-персидски. По обычаю, их посыпали золотой пудрой и отсылали в Англию¹.

В Хайдарабаде нашелся музыкант, который, увидев листы альбома, стал играть для нас, как по нотам, связанную с ними музыку. Шла запись. Уставший, но очень довольный, я сидел в уголке студии на циновке и очень хорошо понимал, почему музыка, имевшая, как полагали, божественное происхождение, в прошлом могла вызывать экстатическую реакцию и у исполнителя, и у слушателя. С каждой *рагой* – и музыкой, и миниатюрой – были связаны специальные молитвы. Человек любовался изображением, а в его сознании звучала музыка. Это – настоящее мультимедиа средневекового Востока.

Помните, что в коллекции портсигаров, заказанных французской принцессой у Фаберже, есть один, на крышку которого нанесена короткая нотная запись? Что это за мелодия мне, к сожалению, так и не удалось установить. Звучащий портсигар и поющие миниатюры, переключка веков и традиций, образов и ритмов, бесконечная история любви, не знающей границ.

Уже в наше время в России появился перевод замечательного стихотворения Байрона, озаглавленного «Стансы на индийскую мелодию» и созданного фактически в то же время, когда произошли события, о которых идет речь. Сегодня кажется, что стихи имеют к этой истории самое прямое отношение.

Плач мой, сколь ты долог, долог, долог!
Я изнемогла в разлуке с милым.
Неизменный сон мне не по силам:
Вижу только ночи плотный полог.

Плач мой, сколь ты долог, долог, долог!
Тягостная ночь нетороплива.
Голову, поникшую, как ива,
Жгут уколы медленных иголок.

¹ Вскоре по возвращении домой я узнал, что в Англии опубликована прекрасная книга, посвященная этой истории (William Dalrymple. *White Mughals. Love and Betrayal in Eighteenth-Century India*. – L., 2002). Я немедленно заказал ее, опубликовал на нее развернутую рецензию и очень надеюсь, что однажды она будет переведена на русский язык.

Плач мой, ты безжалостен и долог!
 Ливень слез лиши бездонной силы,
 Снами обернись, в которых милый
 Будет виден мне сквозь ночи полог.

Плач мой, плач, не будь жесток и долог!
 Скоро ли к любимому прильну я
 И забьются губы в поцелуе?
 Боль моя сильна, и плач мой долог¹.

III. ЛЕНИНГРАД, 1949

Две рукописи из коллекции Фаберже связаны с наследием Хаким Джамал ад-Дина Абу Мухаммада Илйаса б. Йусуфа б. Заки Му'айада, известного миру под поэтическим псевдонимом Низами. Поэт родился между 1141–1146 гг. в городе Гяндже (в советское время – Кировабад, до этого – Елизаветполь), где прошла вся его жизнь, очень небогатая внешними событиями. Правда, и известно о Низами Гянджеви крайне мало.

В отличие от многих поэтов-современников Низами, хотя много писал на заказ, не стал придворным поэтом, сохранив невероятно высокую степень личной свободы. Его творческое наследие – это лирические стихи (*газели*), составившие незаконченный «Диван», и поэмы, объединенные после его смерти в один сборник – *Хамсе* («Пятерица») или *Пандж Гандж* («Пять сокровищ»). Низами был известен не только как выдающийся поэт, но и как блестящий ученый, овладевший тайнами философии, астрономии, математики, истории, медицины. Еще при жизни Низами почтили почти как святого. После смерти, наступившей поэта между 1204–1209 гг., его могила стала местом паломничества.

Западные коллеги часто удивляются, когда ученые из России говорят им о том, что ислам для нашей страны – явление не внешнее и экзотическое, а внутреннее и тысячами нитей связанное с историей России и ее жизнью. Тому есть множество подтверждений. Одно из них связано с историей изучения в СССР наследия величайших поэтов мусульманского средневековья. Случилось так, что на протяжении советского периода истории страны приоритет жестко принадлежал тем из них, кто был связан по рождению и своему жизненному пути с территориями, вошедшими в состав СССР. Векторы этой тенденции были разными. Стихи ряда выдающихся поэтов мусульманского Востока активно переводили и печатали, их творчество широко популяризировалось, становилось общим достоянием народов СССР. В моем городе помнят торжественные заседания, посвященные 800-летию Низами и 500-летию Навои, которые были организованы в голодном и холодном блокадном Ленинграде и прошли в Эрмитаже по инициативе и при непосредственном участии его директора академика И.А. Орбели. Это было настоящим подвигом. Один из участников событий писал много лет спустя: «Наш фронт почтил Низами, как и Низами почтил

¹ Джордж Гордон Байрон. «Стансы на индийскую мелодию» (1823). Перевод А. Парина.

Рис. 12

героев»¹. В едва живом городе несмотря ни на что продолжалась исследовательская и переводческая работа. На одной из страниц «Блокадного дневника», принадлежащего перу замечательного русского ираниста А.Н. Болдырева, можно прочесть запись от 9 января 1942 г.: «Вчера получил в Эрмитаже 100 гр. хвойного витамина и 654 руб. по договорам, сполна за Навои и Низами»².

С другой стороны, «таджикский Фирдоуси и азербайджанский Низами» очень скоро стали культовыми фигурами в создававшейся советской культуре мусульманских республик СССР, «народной по форме и социалистической по содержанию». Попытки изучать творчество этих поэтов в контексте иранской и шире – исламской культуры, жестко пресекались. Это трактовалось как покушение на национальное достоинство народов Советского Кавказа и Средней Азии.

Одна из трагических историй произошла в 1949 г. в Ленинграде. В том году еще не отошедший от войны мир активно вооружался и строил новую стену. Это был год Берлинского кризиса, создания НАТО и СЭВ, ФРГ и ГДР, победы Мао Цзэдуна и поражения повстанцев-коммунистов в Греции. Шли «чистки» в странах народной демократии и ожесточенные забастовки на Западе. СССР предложил заключить Пакт мира между пятью великими державами и провел испытание первой атомной бомбы. В этом году умер выдающийся бельгийский поэт, драматург и философ Морис Метерлинк, Уильям Фолкнер получил Нобелевскую премию по литературе, а Константин Симонов – Сталинскую премию I степени за сборник стихов «Друзья и враги»:

¹ Арзумян А.М. Братья Орбели. – Ереван, 1976. – С. 205.

² Болдырев А.Н. Осадная Запись (Блокадный дневник). – СПб., 1998. – С. 41.

Рис. 13

Опять в газетах пишут о войне,
Опять ругают русских и Россию,
И переводчик переводит мне
С чужим акцентом их слова чужие¹.

В Советском Союзе в прокат вышли фильмы «Встреча на Эльбе», «Падение Берлина», «Кубанские казаки» и комедия «Счастливый рейс» – «веселый рассказ о соперничестве двух шоферов грузовиков, ударника Синичкина и очковтирателя Зачесова, донимающего своим представительным видом и тотальным игнорированием правил уличного движения московскую милицию, проходящий на фоне благополучно завершающейся браком истории любви Синичкина к девушке Фене».

Ленинград, похоронивший в братских могилах почти миллион своих жителей, разбивал скверы на месте домов, разрушенных в ходе многомесячных артобстрелов и бомбежек. Война закончилась, и молодым людям, ставшим студентами восточного факультета Ленинградского университета, страстно хотелось жить. Практически весь курс был влюблен в будущего тюрколога, круглолицую и веселую Нинель Дулину (рис. 12), которая всю войну, включая страшные блокадные годы, прожила в Ленинграде, где служила в отдельном дивизионе милиции, во время бомбежек дежурила на улицах, тушила зажигалки и хоронила умерших. Она же отдавала предпочтение своему однокласснику, серьезному и начитанному Алеше Сидорову, блиставшему смелыми и независимыми суждениями (рис. 13).

¹ Константин Симонов. «В корреспондентском клубе» (1948).

В 1949 г. вся научная и культурная жизнь страны шла под знаком борьбы против «последней буржуазной эстетики», против «проповеди бесстыдного космополитизма, одного из орудий в руках мировой реакции, возглавляемой Уолл-стритом», против «ярко выраженного национального нигилизма и ликвидаторства в отношении великого исторического наследия народов СССР». Даже ссылки на работы современных зарубежных авторов могли расценить как проявление «низкопоклонства». Среди физиков возникла шутка, рекомендовавшая ссылаться на «Однокамушкина» вместо Эйнштейна¹. «Интернационализм рождается там, где расцветает национальное искусство. Забыть эту истину означает... потерять свое лицо, стать безродным космополитом», – заявил в установочном докладе А.А. Жданов. Сегодня с удивлением отмечаешь, с какой легкостью серьезные ученые, представители конкурирующих научных школ сводили между собой счеты посредством доносов.

В том году вслед за университетскими профессорами, филологами и историками, в ходе «борьбы с космополитизмом» резким нападкам был подвергнут и выдающийся русский арабист академик И.Ю. Крачковский². На открытом заседании ученого совета Института востоковедения АН СССР выступил специально присланный из Москвы человек и обрушил на Крачковского обвинения в «космополитизме, компаративизме, панисламизме, панарабизме, низкопоклонстве перед буржуазной наукой». Обсуждение, однако, пошло совсем не по написанному в Москве сценарию. Студенты, пришедшие на заседание, несмотря на назначенное на эти же часы комсомольское собрание, то и дело скандировали: «Позор! Позор!» Серия умных и смелых выступлений позволила ленинградским ученым отстоять свою правоту. Многим запомнился обращенный московскому гостю саркастический вопрос профессора А.Н. Болдырева: «А если завтра в Иране произойдет социалистическая революция, то как вы будете смотреть в глаза иранскому народу за то, что вы отняли у него такого поэта?»³ (речь шла о Фирдоуси).

Присутствовавшие на заседании молодые люди получили «потрясающий урок гражданского мужества и научной честности»⁴. В их числе была Нинель Дулина и ее возлюбленный Алексей Сидоров – редактор стенгазеты студенческого научного общества. На следующий день после заседания ученого совета он выпустил очередной номер газеты с полным и правдивым отчетом о происшедшем. Газета провисела на стене не больше часа, а уже через несколько дней за ним пришли. Безуспешно пытался ему помочь студент-китаист Борис Парижский, прошедший войну разведчиком и имевший связи в Министерстве государственной безопасности.

Во время обыска, оттолкнув милиционера, Алексей смог бежать через крышу. Он стремился попасть в Москву, надеясь на помощь дяди – академика Н.Н. Семенова, известного физико-химика, причастного к работам по советскому ядерному проек-

¹ Калька перевода фамилии.

² Долина А.А. Невольник долга. – СПб., 1994. – С. 379–387.

³ Решетникова (Градова) И.Ю. Воспоминания японистки-китаистки о студенческих годах // Воспоминания выпускников Восточного факультета Ленинградского (Санкт-Петербургского) Государственного Университета послевоенных лет (1948–1952). – СПб., 2001. – С. 76.

⁴ Долина А.А. Невольник долга. – СПб., 1994. – С. 386.

ту, позднее – лауреату Нобелевской (1956) и Ленинской (1976) премий. Он пришел к своей возлюбленной, и Нинель Дулина, спрятав его, затем перевозила с квартиры на квартиру, честно рассказывая хозяевам, о каком постояльце идет речь. 27 апреля 1949 г. она проводила Алексея на поезд в Москву, не зная, что владелец последней квартиры уже позвонил в МГБ. Спустя несколько дней ее задержали прямо в здании университета. Одиннадцать месяцев студентка находилась под следствием во Внутренней тюрьме Большого дома. Затем суд и приговор Ленгорсуда: за недонесение об антисоветской агитации (ст. 58–12) и помощь в побеге (ст. 81–1) – семь лет лагерей и три года поражения в правах.

Чудом не были арестованы И.Ю. Решетникова (Градова), ходившая предупреждать Алексея о возможном аресте (надев шляпку с вуалеткой, подобрав косы и покрасив губы, «чтобы изменить внешность»), и его друг А.Б. Халидов, впоследствии известный арабист¹. Ожидая ареста, они сфотографировались вместе на память.

Вместе с Алексеем Сидоровым во Внутреннюю тюрьму попал его сокурсник, инвалид войны Антон Серов. Оба были вскоре осуждены на долгие сроки лагерей по обвинению в антисоветской агитации². Самый большой срок получил Алеша Сидоров. В лагере он в знак протеста против издевательств отрубил себе палец, за «злостное членовредительство» был переведен в карцер и помещен в одну камеру с бандеровцами, которые постоянно издевались над ним.

После смерти Сталина все трое были выпущены на свободу. Алексей не смог найти работу в Ленинграде, три с половиной месяца находился в Москве в психиатрической больнице, и вскоре после выписки, 26 июля 1956 г., покончил с собой. Антон Серов после освобождения смог доучиться в ЛГУ, уехал в Москву, где сначала работал на радио, а затем в Институте востоковедения, откуда в июне 1958 г. был уволен по болезни и вскоре умер. Позже всех вышла на свободу Нинель Дулина. Она отбывала срок в лагере в Вожаеле (Коми АССР), была освобождена только 1 октября 1954 г. в результате сокращения срока по «зачету рабочих дней», и до 1956 г. находилась в ссылке в Ухте, работала электриком на механическом заводе. В 1958 г. ей удалось восстановиться на IV курсе восточного факультета ЛГУ. Окончив учебу, она пришла на работу в Ленинградское отделение Института востоковедения, успешно занималась историей Османской империи, в 1979 г. защитила кандидатскую диссертацию, а в 1984 г. опубликовала книгу. Нинель Александровна ушла из жизни в декабре 2006 г.

Ну а великий Низами был и остается культурным символом Азербайджана. В советское время не раз проходили торжественные мероприятия, связанные с

¹ Об этой истории см.: Дулина Н.А. 1949 г. Арест на Восточном факультете // Воспоминания выпускников Восточного факультета. – СПб., 2001. – С. 142–154; Решетникова (Градова) И.Ю. Воспоминания японистки-китаистки о студенческих годах // Воспоминания выпускников Восточного факультета Ленинградского (Санкт-Петербургского) Государственного университета послевоенных лет (1948–1952). – СПб., 2001. – С. 76–77. Ведущий российский индолог сотрудник петербургской Кунсткамеры Я.В. Васильков вместе с М.Ю. Сорокиной подготовил и опубликовал замечательную книгу – биобиблиографический словарь репрессированных востоковедов «Люди и судьбы». Она содержит сведения о 750 ученых и более 200 фотографий. Имеется on-line версия книги: <http://memory.pvost.org/pages/index2.html>

² В обвинительном заключении фигурировали написание и распространение памфлета «О регуляции мыслей» (А.П. Сидоров), его копирование (А.М. Серов), совместное прослушивание передач «Би-би-си» и «Голоса Америки».

Рис. 14

его жизнью и творчеством, выпускались почтовые марки, громадные тиражи его поэм в русском переводе и в кириллице на языке оригинала. Уже накануне распада СССР, 16 октября 1991 г., была выпущена в обращение памятная монета достоинством 1 рубль: «Лицевая сторона (аверс): В верхней части изображение Государственного герба Союза Советских Социалистических Республик, под ним надписи: «СССР», в две строки – «1 РУБЛЬ». Обратная сторона (реверс): В центре изображение Низами Гянджеви».

Традиция нашла свое продолжение и после распада Советского Союза. В присутствии Президентом России и Азербайджана в Петербурге состоялась церемония открытия памятника «Ильясу Юсиф-оглы Низами». Мероприятие стало российским ответом на открытие памятника Пушкину в Баку в октябре 2001 г.

Поэзия и политика, поэзия и наука, поэзия и любовь, поэзия и тюрьма.

Рукописный отдел Азиатского музея (рис. 14). За окном – Нева, по которой медленно плывут громадные льдины с Ладогои. Прямо напротив – золоченый шпиль Петропавловского собора ловит луч солнца, тайком выглянувший из-за краешка тучи. Я закрываю нарядную рукопись «Пятерицы», созданную в конце XVI в. в Ширазе и спустя два века украшенную миниатюрами в Индии. Когда-то, по-видимому, в Хайдарабаде она хранилась в богатой домашней библиотеке, хозяин которой, покури-

вая ароматную хуку, наслаждался созвучиями персидских строф, вновь и вновь вчитываясь в историю Фархада и Ширин, сочиненную Низами в память о своей нежно любимой жене, кыпчакской рабыне Афак, подаренной ему правителем Дербента. Он читал строки о Маджнуне и Лайли, по преданию, написанные поэтом неохотно и под заказ. Однако своей громадной популярностью легенда о потерявшем рассудок влюбленном обязана именно Низами. Если сравнить ареал ее распространения (от китайских границ до Атлантического океана) с близкой по характеру «печальной повестью» о Ромео и Джульетте, то окажется, что сюжет об аравийских влюбленных распространен гораздо шире¹. Миниатюрами рукописи любовался Фаберже, размышляя над очередным заказом требовательной французской принцессы. Ее тексты сличали петербургские и ленинградские ученые, мои учителя и старшие коллеги, бывшие студентами и любившие в послевоенном 1949 году.

Любовь – это когда не вздохнуть», – заявил нам молоденький официант в хайда-рабадском гостиничном ресторане.

«Любовь – это как дышать», – сказала индийская студентка, с которой мы разговорились в местном музее.

На развалинах Голконды мы подошли к семье – папа, мама, дочь лет 14-ти – и задали наш вопрос всем троим. Папа рассмеялся и, взяв жену за руку, сказал, что вот это и есть любовь. Мама засмушалась и произнесла, что любовь – это когда ты хочешь другого сделать счастливым. Серьезная девочка в очках, не задумываясь, прочла нам небольшую лекцию об эмоционально окрашенной интимной привязанности «к другому человеку или объекту», подчеркнув многозначность понятия, в котором легко можно выделить «вожделение», «дружелюбие», «сострадание» и «благоговение». Папа с мамой только руками развели...

Наша память, и общественная, и личная, очень тенденциозна и избирательна:

Я их не помню. Я не помню рук,
которые с меня срывали платье.
А платье – помню².

Музей так же тенденциозен, избирателен и идеологичен, как и общество, в котором он существует. Другое дело, что настоящий музей хранит все: и то, что востребовано обществом сейчас, и то, что было нужным вчера (и, может быть, заново, но иначе, нужным завтра). Грустно читать о наших коллегах из бывших союзных республик, которые «прореживают» свои фонды по распоряжению очередного «министерства правды». С книгами, документами, предметами навсегда исчезают и истории, подобные тем, о которых я рассказал. Вместо них создается очередной «памятник»:

¹Бертельс Е.Э. Низами. – М., 1947. – С. 132.

²Вера Павлова. «Интимный дневник отличницы» (2001).

Поставим памятник
в конце длинной городской улицы
или в центре широкой городской площади,
памятник,
который впишется в любой ансамбль,
потому что он будет
немного конструктивен и очень реалистичен.

.....

Поставим памятник,
мимо которого мы будем спешить на работу,
около которого
будут фотографироваться иностранцы.
Ночью мы подсветим его снизу прожекторами.
Поставим памятник лжи¹.

¹Иосиф Бродский. «Памятник».

Толкователь страстей

РУССКИЙ ИСЛАМ: СРЕДЫ, МОТИВЫ, ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ*

Анастасия Ежова**

МОЖЕТ ЛИ РУССКИЙ БЫТЬ МУСУЛЬМАНИНОМ?

Ислам – религия, открытая для человека любой национальной принадлежности и культурной самоидентификации. Если некто произнес *шахаду* – свидетельство о единстве Аллаха и посланничестве Мухаммада, убежден в истинности положений веры, зафиксированных в Коране и *сунне*, и действует в соответствии с очевидными положениями шариата – то он, вне всякого сомнения, является мусульманином. Феномен активного принятия ислама «неэтническими» мусульманами специфичен не только для России и имеет множество аналогов в других странах мира, в том числе и таких, как Британия, Германия, США, Япония и т.д.

Тем не менее с появлением на авансцене социума русских людей, сделавших выбор в пользу ислама, усредненный обыватель стал воспринимать их предельно неадекватно, будучи убежден в том, что «русский мусульманином быть не может». Подобное отношение к новообратившимся поначалу было типичным как для русской, так и для татарской среды. Люди с искаженными представлениями о самой природе религиозности упорно связывали конфессиональную принадлежность с национальностью, воспринимая религию как приложение к народному фольклору, примерно в одном ряду с ансамблями песни и пляски, кокошниками и кружевными тюбетейками.

В связи с этим можно вспомнить, как еще в 1990-е татарские бабушки в мечетях, все сознательную жизнь старавшиеся сохранять исламскую обрядность именно во имя сбережения татарской национальной культуры, искренне полагали, что понятие «мусульманин» является синонимом понятия «татарин». Они называли татарский язык «мусульманским языком» и были убеждены в том, что разговаривать на прочих языках в мечети грешно, не ведая при этом, что многообразие языков названо в Священном Коране знамением Всевышнего Аллаха. Они считали, что «у татар Бога зовут Аллах, а у русских Иисус», не подозревая, что Иисус был Пророком Аллаха и что они сами воспроизводят паттерны народного язычества, в рамках которого каждому этносу причитается «свой бог» или же группа богов.

* Точка зрения автора может не совпадать с позицией редакции.

** Анастасия Александровна Ежова (р. 1983) – аспирантка кафедры философии религии и религиоведения МГУ. Редактор аналитического отдела журнала «Мусульманка» и один из авторов рубрики «Исламская мозаика» в газете «Завтра».

По сути, позиция тех, кто отказывает русским мусульманам в праве «считаться настоящими мусульманами», и является рафинированно языческой: еще Римская империя вела такую религиозную политику, в соответствии с которой каждый народ может почитать свой пантеон при условии признания сакрального культа цезаря. Этот идол и такая логика ненавистны любому последовательному христианину и мусульманину, ибо оба свято убеждены во всемирном, наднациональном характере исповедуемых ими мировых религий.

Но если татарская среда в сегодняшней России почти изжила эти предрассудки благодаря активной исламизации большого количества молодых татар, находящихся заблуждения своих бабушек донельзя нелепыми и комичными, то русское общество до сих пор не избавилось от предубеждения по отношению к славянам-мусульманам. Помимо обвинений в «предательстве» православной веры – хотя трудно себе представить, как можно предать то, чего не было (а это справедливо по отношению к по крайней мере немалой доле русского населения в постсоветский период), – русским мусульманам внушается, что их ислам «неорганичен» и что «настоящие мусульмане все равно никогда не воспримут их как своих единоверцев».

С последним утверждением стоит разобраться. Действительно, подобные настроения присутствуют в некоторых (опять же, далеко не во всех) средах урожденных мусульман, причем, как правило, не очень прилежно соблюдающих предписания ислама, не обладающих достаточными знаниями и пониманием собственной религии и превыше религиозной самоидентификации ставящих этническую и диаспорную солидарность. Вместе с тем не только в России, но и за ее пределами внушительная часть «этнических» мусульман переживает полномасштабный кризис веры, связанный с серьезной подменой норм шариата местными адатами – обычаями, бытовавшими еще с доисламских времен, и противоречащими исламу. Об этом ярко и образно писал еще лидер «Братьев-мусульман» Саййид Кутб в своем историческом труде «Вехи», за который и был повешен трибуналом во главе с Анваром Садатом.

Жизненные наблюдения в разных уголках исламского мира лишь многократно подтверждают диагноз, поставленный Кутбом. В пуштунской среде, в частности, считается «неприличным» учить девочку читать и писать – с таким набором «порочных навыков» подрастающую невесту никто не возьмет замуж, в то время как в *хадисе* Пророка говорится, что получение знаний является обязанностью каждого мусульманина и каждой мусульманки. В ряде ближневосточных арабских стран дочерям – вопреки предписаниям, ясно изложенным в Коране! – не оставляют наследства – опять же вопреки зафиксированным в шариате условиям действительности брака, отцы частенько выдают дочерей замуж против их воли, забирая себе их *махр* (брачный дар), согласно исламскому закону являющийся неприкосновенной собственностью новоиспеченной жены, а мужа тратят на свои нужды заработанные женами деньги – хотя по шариату не имеют на это права.

Далее, распространение женского обрезания в самых варварских его формах в ряде стран Африки и Азии противоречит фундаментальному исламскому запрету на нанесение ущерба здоровью человека, равно как и *хадисам* о том, что муж обязан удовлетворять жену сексуально, и о том, что женщина имеет право на удовольствие.

Многие мужья жестоко избивают своих жен и детей, несмотря на то, что *сунна* Пророка это категорически осуждает. Засилье адата удручающе, и разновидности его не настраивают на веселый лад – только гуманитарии, демонизирующие «мрачное Средневековье» и идеализирующие «радостное язычество», могут всерьез сокрушаться о том, что шариат-де давит народные обычаи!

Люди, следующие своим адатам и игнорирующие нормы шариата, по мнению критиков русского ислама, вроде как должны считаться «настоящими мусульманами», для которых ислам «органичен». Однако если мы ознакомимся с трудами и постановлениями множества авторитетных исламских ученых, то обнаружим, что их точка зрения отличается, и в соответствии с ней приверженцы адатов вообще рискуют оказаться за пределами ислама. Вот что пишет в своей книге «Исламское право» сегодняшний лидер (*рахбар*) Исламской республики Иран, аятолла Али Хаменеи, имеющий статус *марджа' ат-таклид* (в шиитском исламе – дословно: «источник подражания» в вопросах *фикха*): «Одного лишь принятия пророчества Мухаммада – печати пророков недостаточно для того, чтобы называть человека мусульманином. Таким образом, те из людей Писания, кто с идеологической точки зрения принимает пророчество Мухаммада – печать пророков, однако живет по традициям своих предков, не считаются мусульманами».

Итак, для того чтобы стать настоящим мусульманином, человек должен не просто формально произнести *шахаду*, но и начать жить в соответствии с нормами шариата: совершать намаз, держать пост в месяц Рамадан, соблюдать пищевые запреты, требования к одежде и т.д. Исходя из этого, соблюдающие русские мусульмане вовсе не являются «ряжеными»: напротив, тем самым проявляется их серьезное и искреннее стремление жить по предписаниям ислама, что и является критерием подлинности их мусульманства.

Кроме того, постановление Хаменеи проливает свет на еще один необычный феномен наших дней: некоторые христиане, отказавшись от ортодоксального понимания Бога как Троицы и признав истину Единобожия, равно как и пророчество Мухаммада, вместе с тем не произносят *шахаду* в силу наличия некоего внутреннего барьера. Эти люди говорят, что они принимают исламское вероучение, однако живут по *сунне* пророка Иисуса, и, таким образом, пытаются усидеть на двух стульях. Иногда поговаривают, что эти люди являются тайными мусульманами, однако, как мы видим, их статус не столь однозначен, чтобы без колебаний вписывать их в канву собственно русского ислама.

Вместе с тем приведенная *фетва* имеет и свою оборотную сторону: многие «этнические мусульмане» не могут считаться истинными приверженцами ислама в полном смысле этого слова, если они ставят адаты превыше шариата, и это их принципиальная позиция, а не просто проявление слабости и нерадивости в соблюдении исламских норм. В этом смысле подход, приписываемый исключительно *салафитской* среде, на самом деле в какой-то мере присущ и другим направлениям ислама. Например, путешествуя по странам Арабского Востока и задавая людям вопрос, почему они не хотят оставлять часть наследства дочерям, иногда слышишь в ответ «аргумент»: «Это имущество принадлежало моему отцу и деду, и что же, я должен отдать все нажитое нами какому-то зятю – чужому человеку?» Доводы, приводимые из

Священного Корана, такие люди, как правило, игнорируют, хотя являются арабами и, в соответствии с обывательской логикой, «самыми настоящими мусульманами».

К слову, подход этот восходит к эпохе Омеййадов, когда арабы стали считаться мусульманами «первого сорта», а представители других национальностей – «второго» или вообще «не настоящими мусульманами». В частности, так относились к персам – древнему культурному народу, до принятия ислама двенадцать веков пребывавшему в зороастризме, народу, который при Омеййадах подвергался дискриминации наряду с другими неарабами – вопреки тому, что такой подход противоречил практике Пророка. Однако в дальнейшем они сыграли важную роль в формировании собственно арабо-мусульманской культуры, и даже родоначальником арабского языкознания стал перс Сибавейх. А уже сегодня – нравится это кому-то или нет – Иран является одним из лидеров исламского мира. Есть основания полагать, что русские и европейцы, принявшие ислам, в историческом будущем также станут авангардом исламской *уммы*, привнеся в нее множество новых стратегий для развития.

Любой человек, всерьез изучивший Коран и *сунну*, констатирует, что национального ценза для «вхождения в ислам» нет: сподвижниками Пророка были люди всех возможных национальностей и цветов кожи. И в Коране, и в *сунне* неоднократно подчеркивается, что исламский призыв обращен ко всем народам Земли. Примечательно, что первым персом, принявшим ислам, стал бывший христианин Салман ал-Фариси, и он почитается как один из самых праведных сподвижников Пророка, достигший высот в интуитивно-мистическом познании Аллаха.

Согласно *хадису* пророка Мухаммада, единственным критерием исламского вероисповедания человека является не его национальность и раса, а его богобоязненность. Это относится и к людям, принадлежащим к исторически мусульманским народам, и к новообратившимся.

Вместе с тем ислам – и в этом заключается его парадоксальная и одновременно гармоничная диалектичность – нисколько не нивелирует национальное, не призывает смешать все народы в едином плавильном котле, уничтожив и унифицировав культуры разных народов с неодинаковыми условиями формирования, средой обитания, генетическими показателями, склонностями и способностями, ментальностью и т.п. Напротив, в Священном Коране национально-культурные различия рассматриваются как чудо и знамение Аллаха, подобно тому, как таким же чудом и знамением является разделение человечества на два пола – мужчин и женщин: **«О люди! Поистине, Мы создали вас мужчинами и женщинами, сделали вас народами и племенами, чтобы вы узнавали друг друга, и самый уважаемый Аллахом среди вас – наиболее благочестивый и богобоязненный. Поистине, Аллах – Знающий, Сведущий» (49:13).**

Как утверждение о совместимости приверженности национальному с исламом соотносится со сказанным нами об адатах? В данном случае важно понимать природу адата, который есть не что иное, как навязанная обществом догма, наделенная сакральным статусом. Поскольку эта догма освящается авторитетом социума, ее принято принимать без размышлений, слепо. В современном обществе таких догм ничуть не меньше, если не больше, нежели в обществе традиционном.

Попытка подвергнуть такую догму анализу или рациональной критике встречается, как правило, весьма гневную реакцию, как если бы член примитивного общества защищал своих каменных истуканов. В момент этой агрессивной вспышки самый интеллигентный и образованный человек демонстрирует крайнюю степень неготовности к мыслительному процессу, как если бы за одну минуту он деградировал интеллектуально. Почему современная девушка не может носить платок и чем он плох? «Это не принято!» – будет кричать этот гражданин, попутно добавляя, что это уродливо (хотя в большинстве случаев это не так), что это унижает женщину (хотя смысл хиджаба с точки зрения ислама прямо противоположен), что это «средневековье» и «мракобесие» (хотя если рассматривать последние два понятия в негативном ключе, то здесь уместно вспомнить гонения на науку в средневековой Европе – но ислам приветствует науку, и ничто не мешает девушке в хиджабе учиться и заниматься научными исследованиями).

Аналогична реакция на многоженство: это недопустимо, потому что аморально, – и данный тезис, как это кажется очевидным, уходит корнями в христианские представления о нравственности. Однако затем мы видим, что человек, считающий многоженство аморальным, не видит ничего зазорного в том, чтобы муж развелся с первой женой, бросил ее и детей и женился на новой женщине: главное, чтобы жена была одна-единственная! Хотя, по логике вещей, нравствен как раз подход противоположный: взять на себя ответственность за две семьи, ибо почему дети от первого брака должны страдать только постольку, поскольку отец полюбил другую женщину? Вместе с тем вынужденное расставание с любимым человеком также может быть мучительным. Еще более сильный аргумент заключается в том, что количество женщин превышает количество мужчин, а также в том, что период молодости и детородного возраста у мужчин намного длиннее, чем у женщин. С какого ракурса ни посмотреть на многоженство, оно представляется явлением весьма здоровым и способным исцелить многие болезни современного общества. Однако слепая приверженность адату, шаблонам и стереотипам мышления блокирует все попытки непредвзято осмыслить этот феномен.

Причем, заметим ради справедливости, эти два (и многие другие) клише получили особое распространение не только в неисламском, но и в мусульманском (по составу, а не по сути) обществе. Точно таким же образом описанные нами противоречащие шариату адаты имеют точно такое же иррациональное, основанное на языческом культе общества происхождение. Что касается шариата, то его источник – Божественное Откровение, понятое через призму человеческого разума, то есть способности к пониманию и осмыслению, а не просто автоматическому принятию исламских норм. Безусловно, само Откровение уже является причиной признания их непреложности, однако, как правило, сознательно относящийся к своей религии мусульманин всегда стремится постигнуть смысл нормы, увидеть в ней мудрость и многогранность, соотнести со своим собственным жизненным опытом.

С другой стороны, национальная ментальность шире обусловленности мышления этническими адатами – хотя не каждый народ преодолел эти рамки адатов и вышел на уровень формирования национальной культуры. Эта ментальность формируется за счет системы внутренних смысловых понятий, задаваемых язы-

ком, за счет генетических особенностей, исторического опыта, географических условий – то есть всего того, что дано Аллахом, и от чего, в отличие от адатов, невозможно отказаться без ущерба для целостности личности человека. В этом национальная идентичность подобна идентичности гендерной – на что и указывает приведенный нами *айат*.

Такая длинная теоретическая преамбула была необходима нам для того, чтобы не просто описать, но и понять феномен русского ислама, выявить его суть, формулу.

А формула русского ислама такова: *верность национальному при безусловном приоритете религиозной идентичности и шариата и стремление полностью порвать с системой адатов, которая воспринимается русским мусульманином как вредный балласт, препятствующий реализации потенциала нации*. Основой мировоззрения и действия для русского мусульманина, таким образом, выступает ислам и закон, данный Аллахом, однако наполнение этой всеобъемлющей системы мировоззрения и поведения при этом будет типично русским – и с точки зрения стереотипов поведения, и с точки зрения стиля восприятия жизни.

Попробуем понять это на более конкретных примерах.

РУССКИЙ ИСЛАМ: ПЕРВЫЕ ЛАСТОЧКИ И «ВТОРОЕ ПОКОЛЕНИЕ»

Первые русские мусульмане – в то время, когда случаи принятия ислама еще оставались единичными, – были движимы несколько иными мотивами, нежели дальнейшее поколение русских, начавших приходить в ислам более массово и в более поздний период. На конец 80-х – начало 90-х годов прошлого века пришелся бум выпуска религиозной литературы, которая еще совсем недавно для основной части граждан была труднодоступна. В связи с этим интеллигентскую среду накрыла волна «духовных исканий», когда люди принялись штудировать сакральные тексты различных традиционных и не очень традиционных для России конфессий, проявляя в этом всю пылкость русского ума. В этот период в ислам русских людей приводило главным образом кропотливое изучение Библии и христианских вероучительных текстов, в которых они обнаруживали противоречия, а также необоснованность множества доводов. Поняв, что христианство по тем или иным причинам не может удовлетворить их духовные и интеллектуальные запросы, эти люди начали изучать иные религии, читая соответствующую литературу и общаясь с представителями данных конфессий. Знакомство с Кораном, соотнесение его положений с библейскими сюжетами и христианскими догматами, посещение мечети и живой контакт с ее обитателями – вот что приводило первых русских мусульман в лоно Единобожия. Представителями этого поколения русских мусульман являются, например, такие деятели, как Иман Валерия Порохова, Али Вячеслав Полосин или русский шиит Тарас (Абдул Карим) Черниенко.

Другое дело, что этот тип русского мусульманина был обречен очень быстро сойти с авансены русского ислама, сделавшись устаревшим и неактуальным как в

силу исторической ситуации, так и по причине роста понимания специфики ислама в среде новообратившихся.

Первое поколение русских мусульман искало в исламе «чистую духовность», воспринимая его именно как религию в традиционном для христианского мира понимании этого феномена. Разочаровавшись в христианстве, эти новообратившиеся в своих религиозных поисках все же не выходили за пределы христианской системы координат.

Очень быстро – опять же в силу стремительных и драматических перемен в истории современной России – на смену этим «первым ласточкам» пришли русские мусульмане нового типа. Причем этот процесс был настолько стремительным, что зачастую можно говорить практически о ровесниках некоторых мусульман «первой волны» или о тех людях, которые были моложе их всего на пять–восемь лет.

Это были дети девяностых – эпохи печально известных «демократических» реформ, когда активно разрушалась и разворовывалась инфраструктура страны, приватизировались предприятия, разваливалась система обороны и промышленности, импортировалась западная масс-культура, русское население было доведено до обнищания так, что положение его в стране, где основные достижения были созданы его руками, стало унижительным. Это были дети и подростки, которые собственными глазами – по телевизору или даже воочию – видели расстрел Белого дома в 1993-м, разрушенный Грозный в 1994-м, наблюдали ложь и цинизм демократических политиков на телевидении, испытывали на себе прелести либеральных экспериментов над экономикой, становились свидетелями мучительной агонии их собственной страны, добываемой горсткой еврейских олигархов и гигантской толпой бывших членов КПСС, мерно вливавшихся в следующие друг за другом «партии власти».

Эта пассионарная, думающая молодежь не могла мириться с унижением собственного достоинства, своего народа, своей страны, и активно шла в политику – как в правые националистические, так и в лево-патриотические организации. Вместе с тем – особенно по мере углубления в политическую жизнь на практике – очень быстро эти молодые люди осознали несостоятельность старых идеологических рецептов спасения как страны, так и мира. Не только они прочувствовали, что эти старые схемы отжили свое – подспудное понимание этого пропитало все оппозиционные круги, чем и объясняется такая мода на противоречивые альянсы и синтез несочетаемого. Оппозиция была увлечена попыткой объединить правых и левых, красных и белых, коммунистов-атеистов и православных монархистов, гитлеристов и сталинистов, эволаистов и троцкистов – о чем свидетельствует и опыт газеты «День» (впоследствии – «Завтра»), и феномен Национал-большевистской партии. Однако эволюция этих сред и организаций уже в путинскую эпоху подтвердила правоту скептиков, сомневавшихся в том, насколько вообще возможно «скрестить ужа и ежа» и может ли из этого родиться какой-то действительно целостный, востребованный будущими поколениями, способный предложить реальную альтернативу проект.

Часть думающих русских молодых людей авангардная и порой весьма талантливая эклектика а-ля «любить Аврору и Рейхстаг» не удовлетворяла, и они искали

зерно истины в более гомогенных средах и организациях, отличавшихся последовательностью в политических предпочтениях. Речь идет прежде всего о националистических партиях, и в куда меньшей степени – о леворадикальных группах, – причем и первые, и последние (последние в большей степени) абсорбируют в себя значительную часть еврейской молодежи. Но вслед за активным участием в их деятельности пришло понимание того, что все эти стратегии и идеологемы не решают как насущных, так и мировоззренческих проблем.

Так постепенно ряд молодых оппозиционеров пришли к исламу как к целостной, имеющей сакральное происхождение системе понимания реальности во всех ее срезах и аспектах и в ее отношении к Богу.

Знакомство с исламом для тогдашнего русского патриота было делом нетрудным, ибо патриотическая пресса охотно освещала темы, с ним связанные, и мусульмане активно присутствовали на страницах газет и журналов этого направления. Причем в данной нише работали люди яркие и одаренные, чей интеллектуальный и пропагандистский уровень был на порядок выше сегодняшних мусульманских журналистов России, несмотря на то, что их понимание ислама было скорее оригинальным и самобытным, нежели полностью основанным на какой-либо ветви исламской традиции. Публикации Шамиля Султанова и Гейдара Джемала в газетах «День» и «Завтра» (на полосе «Огненный ислам»), а также в журнале «Элементы», программы Джемала «Минарет» и «Ныне» на ТВ, его журнал «Тавхид», газета «Аль-Кодс», издававшаяся братьями Шамилем и Камилом Султановыми, исламские рубрики в альманахе «Волшебная гора» – все это создавало достаточную интеллектуальную базу для того, чтобы русский националист, русский патриот мог познакомиться с исламом. Причем эти статьи скорее давали возможность понять ислам именно как систему комплексного миропонимания, основанную на Единобожии и вбирающую в себя как сугубо религиозные, так и политические аспекты, нежели освещали частные и важные, бесспорно, нюансы *фикха* (права) и ритуальной практики. Однако мы не можем говорить о неаутентичной или поверхностной трактовке ислама в тех публикациях. Во всяком случае, с точки зрения задаваемой интеллектуальной планки они выгодно отличались от сегодняшнего квазилиберального дискурса мусульманской общественности России, предпочитающей не искать подход к на различным слоям населения, а оправдывать доверие политической элиты, а также ассоциировать ислам с фактором диаспор и мигрантов, которые не всегда являются носителями исламской ментальности.

Все эти публикации, равно как практика зарубежных исламских движений и религиозно-политическая мысль мусульманского мира, привлекали внимание части будущих русских мусульман. Они чувствовали потребность в целостной методологии объяснения соотношения между Богом, миром и человеком, и в то же время дающей ответы на вопрос, что делать здесь и теперь, в конкретных исторических и политических условиях. Они нуждались не в отвлеченной «чистой духовности», а в такой религиозной системе, которая задавала бы сакральный смысл существованию смертного человека, но при этом касалась бы актуальных аспектов его мирского бытия: политики, экономики, взаимоотношений полов, жизни социума. Они искали для себя политическую идеологию, но такую, которая объясняла бы метафи-

зическую цель человеческой жизни, не сводящуюся только лишь к его функционированию в качестве винтика эмпирически осязаемой реальности.

Такую всеобъемлющую религиозно-политическую систему ориентиров эти русские люди обрели лишь в исламе.

Их часто укоряют в том, что они «приняли религию ради решения земных задач». Что они «используют ислам в своих политических целях». Что они «подменили служение Богу идеологией». И так далее.

Все эти обвинения совершенно беспочвенны, ибо в основе их лежит фундаментальное непонимание сути ислама, о котором ошибочно судят просто как об «одной из религий».

Между тем ислам определяет сам себя при помощи понятия «*дин*» – существительного, образованного от глагола «*дана*», который в переводе с арабского языка означает «подчиняться», «покоряться», «занимать (деньги)», «давать в долг», «судить», «исповедовать», «обвинять», «предавать суду», «признавать виновным», «осуждать», «приговаривать». Собственно, и название данной религии – ислам – также является *масдаром* (отглагольным существительным) от глагола «*аслама*», который переводится как «покоряться», «подчиняться», «вручать», «передавать», «предавать», «выдавать», «бросать на произвол судьбы», «приводить», «вести».

Таким образом, глаголы «*дана*» и «*аслама*» объединяет общность некоторых значений, как то: «покоряться» и «подчиняться»; кроме того, иные смысловые аспекты глагола «*аслама*» также имеют отношение к таким понятиям, как политика, власть, подчинение, лидерство. В частности, термином «имам», важным как для суннитского, так и для шиитского ислама, помимо предстоятеля на молитве, обозначают религиозного вождя. Ислам, тем самым, имплицитно включает в себя правовые и политические аспекты, ибо охватывает все стороны человеческого бытия, а не только те его стороны, которые в европейском понимании принято относить к «духовной сфере». Политика, таким образом, является самой сердцевиной ислама, а не просто одной из сфер, которую шариат тоже регламентирует. Предметом политики является вопрос о власти, а это один из краеугольных камней ислама, согласно которому вся власть над мирозданием принадлежит Аллаху, а человек является Его наместником (халифом) на земле. Соответственно, Всевышний Аллах установил обязательный для всего человечества Закон – шариат, а поскольку для претворения любого закона в жизнь необходимо наличие исполнительной власти, Аллах наделил определенных людей правом на осуществление этой миссии.

Ученые и рядовые представители разных направлений в исламе с самого начала его существования спорят о том, кому именно должна принадлежать эта власть. Однако в любом случае христианский принцип, озвученный в Посланиях апостола Павла, согласно которому «любая власть от Бога», исламом отвергается. Ислам не приемлет подобной позиции, ибо правитель, открыто попирающий установления Бога – как в сфере закона, так и в морально-этической области (например, в шиитском исламе восстание против несправедного тирана является богоугодным делом), расценивается в исламе как бунтовщик против Него, и власть подобного человека, таким образом, незаконна.

Такая позиция в отношении несправедливой власти перевернула представление ряда будущих русских мусульман о религии. Ведь многие из них интуитивно ощущали, что Бог есть, однако отвергали существующие клерикальные формы христианства – ведь, за исключением старообрядчества, православное христианство не дает человеку адекватной платформы для проявления нонконформизма. В рамках христианства ограничена возможность сопротивляться несправедливости всеми доступными средствами, в том числе – и ответным насилием, которое иногда бывает единственным способом защитить права и достоинство человека и целого народа. И дело отнюдь не в высокой нравственной планке, задаваемой официальным христианством, а совсем наоборот. Вид попов в богатых золоченых рясах, славословящих правящий режим и поющих осанну любой власти, вызывал во многих русских людях спонтанное отторжение по отношению к РПЦ.

Да, несомненно, в оппозиции было немало православных священников, много старообрядцев, не принимавших ни официальную церковь, ни сатанинскую власть. Но их позиция выглядит слишком нефундаментальной, скорее основанной на нравственном чувстве, нежели на их собственных сакральных текстах, принимая во внимание слова апостола Павла: «Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога; существующие же власти от Бога установлены. Посему противящийся власти противится Божию установлению. А противящиеся сами навлекут на себя осуждение. Ибо начальствующие страшны не для добрых дел, но для злых. Хочешь ли не бояться власти? Делай добро, и получишь похвалу от нее, ибо начальник есть Божий слуга, тебе на добро. Если же делаешь зло, бойся, ибо он не напрасно носит меч: он Божий слуга, отмститель в наказание делающему злое. И потому надобно повиноваться не только из страха наказания, но и по совести. Для сего вы и подати платите, ибо они Божии служители, сим самым постоянно занятые» (Рим. 13:1–6).

Однако в исламе противящийся несправедливой власти – это праведник. Самым ярким примером такого праведника является особенно почитаемый в шиитском исламе любимый внук Пророка имам Хусейн, поднявший восстание против халифа Йазида и павший мученической смертью на этом пути. Будущий русский мусульманин видел, что и на современном Востоке восстания против несправедливых правителей часто проходят в том числе и под исламскими знаменами, а лидерами этих выступлений и революций порой являются сами религиозные деятели – как это было в Иране в 1979 году. Это было необычно и вызывающе привлекательно для людей, которые привыкли к тому, что религия и духовенство учат покорности, непротивлению властям, социальному и политическому конформизму. Одно это яркое отличие ислама от христианства само по себе вызывало неподдельный интерес у части русской радикальной молодежи – как правой, так и левой. Оно делало ислам таким же завораживающе манящим, как и другие антилиберальные идеи, снискавшие славу запрещенных и экстремистских – а ведь известно, что с точки зрения русского менталитета такие эпитеты являются рекламой, а не антирекламой той или иной идеологии. Русским людям внушалось, что Хизбаллах и ХАМАС – террористические организации, а они видели героических бойцов, сопротивляющихся сионистской оккупации. И при этом вспоминали, что еврейское лобби сильно и в родной стране,

что олигархи и политики, среди которых немало евреев, разворовывают народную собственность, вытесняя русских на обочину жизни. Русские патриоты видели, как мусульмане сражаются против американских агрессоров – и восхищались их храбростью, ибо образ бесстрашных исламских бойцов и мучеников весьма соответствовал сформированным еще советским кино представлениям о героизме, близким и понятным русскому человеку.

Словом, ислам был актуален, востребован, привлекателен для русской политизированной молодежи, обитавшей в лево-патриотической или в праворадикальной нише русской оппозиции. К тому же в 90-е и в начале «нулевых» еще не был столь ощутим фактор этнической диаспоры и миграции, который сегодня, напротив, часто отталкивает русских людей от ислама.

Преимуществом ислама перед левыми и правыми идеями, которые в патриотической среде 90-х неизбежно приобретали вид эклектичного постмодернистского «винегрета» с акцентом на эстетику и с налетом неизбежной театральности, была его целостность.

Эта целостность, равно как и, опять же, органичная внутренняя связь с политической, продиктована самим исламским пониманием Единобожия – Таухида. Согласно исламу, Всевышний Аллах одновременно и трансцендентен, и имманентен реальности, а власть Его охватывает все аспекты мироздания. Поэтому ислам и политика являются единым целым, так что невозможно отделить одно от другого – недаром имам Хомейни сказал некогда, что «исламская религия носит политический характер, все в ней связано с политикой, даже богослужение». Поскольку власть Аллаха тотальна, и Он одновременно и не подобен всему сотворенному, и имманентен ему, власть Его и Его религии не может ограничиваться сферой славословий и ритуальных услуг. Аллах – это не «Бог духовности» или «Бог молитв», подобно языческим идолам – богам войны, богам любви, богам семьи и т.д. Аллах – Господь всех миров, всего сотворенного. И потому утверждения о том, что «политисламысты» – в том числе и русские – «используют религию в своих политических целях», «смешивают духовное и мирское» – говорят о некомпетентности подобных «обвинителей».

Ислам как всеобъемлющая религиозно-политическая система, ислам как религия неконформистов и людей, не желающих смириться с собственным униженным положением, ислам как религия справедливости, ислам как символ протеста – таким ислам представал с мусульманских полос патриотических изданий. И такая выигрышная презентация ислама вскоре начала приносить свои плоды.

Исламский комитет и НОРМ

Первоначально русские, принявшие ислам или собиравшиеся сделать это, были своего рода одинокими героями, чье положение можно было описать словами Цоя: «Снова за окнами белый день, день вызывает меня на бой, я чувствую, закрывая глаза, – весь мир идет на меня войной». Порой их не понимали не только обыватели (это само собой), но и их вчерашние соратники и единомышленники, с подозрением воспринимавшие выбор в пользу ислама (хотя, справедливости ради, с друзьями

из протестной среды русским мусульманам в большинстве случаев удавалось сохранить отношения). Было бы ошибкой полагать, будто только общество отвергло русских мусульман, – их «второе поколение», чей приход в ислам выпал на конец 90-х – начало «нулевых», – вполне успешно платило обществу полной взаимностью. Если для мусульман иных национальностей, остро переживавших некий «кризис вторичности», основная задача состояла в том, чтобы любыми путями в это «большое общество» интегрироваться (пусть даже на вторых и третьих ролях), то русские мусульмане, изначально обладавшие в этом обществе тем самым вожделенным статусом «полноценных граждан», сознательно и без сожаления с ним порвали. Они могли спокойно делать карьеру и получить от социума все, однако типичный русский мусульманин начала–середины «нулевых» глубоко презирал окружающее его общество и воспринимал свою отверженность как следствие собственного превосходства над большинством, а не ущербности.

В силу своего подспудного русского нигилизма новообратившиеся мусульмане не могли всерьез расстраиваться из-за косых взглядов прохожих или оханья бабушек на скамейках. Им ли, бывшим националистам, нацболам, левакам, было страдать из-за непонимания и злобствования серой, унылой толпы, когда все эти люди были воспитаны на полных задорного сарказма публикациях вроде ярких анти-обывательских памфлетов в газете «Лимонка»? Если «этнические» мусульманки не желали, чтобы их платок вызывал отторжение у окружающих, и огорчались, когда их принимали за террористок, то русских мусульманок «второй волны» панический обывательский страх перед их хиджабами скорее искренне забавлял. Некоторые из них даже развлекали друг друга смешными историями о нелепых вопросах и истерических реакциях пассажиров в транспорте, а иногда даже намеренно вводили в свой наряд элементы военизированной эстетики.

Кто-то может усмотреть в подобном поведении проявления эпатажа, китча, бравады и из этого сделать вывод о «несерьезности» таких «ряженных», с их точки зрения, русских мусульманок. Однако – как это ни парадоксально – оно как раз свидетельствует об их искренности и, более того, органичности. Русская мусульманка «второго поколения» и в исламе, и в хиджабе оставалась типично русской девушкой из радикальной среды – мироотрицательницей, бунтующей женщиной, внутренне независимой от общества и дистанцирующейся от него, героиней Федора Михайловича Достоевского. Свидетельством предельной серьезности этих девушек в их исламском выборе является то, что, повзрослев, они вовсе не вышли из ислама – напротив, он стал неотъемлемой основой их жизни, их судьбы. Эти русские девушки, несмотря на кажущуюся демонстративность их поведения, все так же серьезно относятся к исполнению исламских предписаний. На смену эпатажу приходит солидность и отстраненность, однако, становясь старше и мудрее, русские мусульманки все так же не стремятся понравиться обществу и к непониманию большинства относятся теперь не с вызовом, а просто – с глубоким равнодушием.

Русский ислам, точно так же как несколькими веками ранее – русское старообрядчество, стал, по сути, симптомом давней болезни русского общества и того глубокого надлома, который породил в России феномен закрепощения самого русского народа. Линия демаркации, прошедшая между теми русскими, кто несет на

себе отпечаток былого рабства, и теми русскими, кто такой участи для себя не принял и бунтовал против нее, сохраняется и по сей день. Уж слишком велика разница между понурым большинством, с воловьей покорностью воспринимающим любые эксперименты над собой со стороны власть имущих, убаюкиваемым назидательными речами официальной церкви, внимающим перманентно оруще-поющему и лгущему телевидению, «голосующим сердцем» за любую партию власти, греющему бока в хургадах и там же напивающемуся до скотского состояния, и пресловутыми «русскими мальчиками» Достоевского, изобретателями, пытливыми учеными, бесстрашными первооткрывателями, героическими безумцами, мечтающими быть исполнителями великой миссии, беззаветными служителями великой Идеи.

Таким образом, русский народ далеко не однороден и расколот на, как минимум, две не особо комплиментарные друг другу части с разным психотипом, ментальностью, этической системой, мировоззрением. Русские мусульмане, безусловно, вполне органично вписались во вторую группу, и отверженными чужаками, по сути, в ней вовсе и не стали. И в этом смысле они как были, так и остались органичной частью своего народа. Что касается первой группы, то там они своими никогда и не были.

Однако перед ними встал резонный вопрос об интеграции в умму, который был довольно острым в силу недостаточно на тот момент развитой исламской ментальности российских «этнических» мусульман, которые, как мы уже упоминали, воспринимали ислам просто как часть национальной культуры или, более того, ставили национальное превыше религиозного.

Дверью в умму для многих русских мусульман стал Исламский комитет Гейдара Джахидовича Джемалю. На то существует множество объективных причин. Помимо явно неконформистской направленности его текстов немаловажную роль сыграл и тот факт, что Джемаль, хотя он и азербайджанец, прежде всего – рафинированный московский интеллектуал. Он воспитывался в одном из переулков близ Остоженки в семье советской элиты, в окружении высокопоставленных бабушки и дедушки, имел неограниченный доступ к раритетным философским трудам на разных языках мира, общался с точно такими же мыслителями и интеллектуалами высшей пробы. В связи с этим он обращался к аудитории на языке, понятном скорее начитанному русскому молодому человеку из радикальной среды или татарину из образованной семьи, выросшему в столице либо в крупном мегаполисе, нежели собственно представителям диаспор (ибо татары на большей части территории РФ – автохтонное население, и с диаспорным фактором их было бы ассоциировать более чем ошибочно), – хотя именно они рассматриваются в качестве действующего субъекта в сформулированном им историческом проекте. Что касается русских, то для людей, бывших близкими к Джемалю, едва ли могло остаться незаметным его предвзятое и порой даже неприязненное отношение к русскому – в том числе и мусульманскому – фактору. По иронии, интерес работы Джемалю вызывали в первую очередь в русской, а также, как ни странно, в некомплементарной ей еврейской среде (в данном ряду стоит упомянуть не только левых троцкистов, но и даже вполне либерально настроенных евреев).

С технической точки зрения выход на Джемалю через лево-патриотическую и правую традиционалистскую среду был несложен, ибо он регулярно контактировал с журналистами газеты «Завтра» (чья редакция, в свою очередь, также открыта для посетителей), в которой публиковал свои материалы, появлялся на презентациях альманаха «Волшебная гора» и в магазине интеллектуальной (преимущественно левой) литературы «Фаланстер».

В 2003 году на базе Исламского комитета была создана научная группа, образованная чуть позже в Центр исследований конфликта, раскола, оппозиции и протеста (ЦИКРОП). Идея научной группы возникла спонтанно. После знакомства автора этих строк с Гейдаром Джемалем в 2002 году он предложил мне написать статью о втором по значимости идеологе Исламской революции в Иране Али Шариати – о его жизни, философской и политической концепции, антропологии, философии религии и философии истории. Материалом Джемаль остался весьма доволен и решил вести исследования в области исламской политической мысли. Его посетила идея собрать молодых интеллектуалов, способных осуществлять такие исследования, на базе семинаров ЦИКРОП. Постепенно набралась группа, заметными членами которой, помимо автора данной статьи, стал студент МГИМО Антон Шмаков, давнишний друг Джемалю и бывший клавишник группы «Вежливый отказ», русский шиит Максим Трефан, а также Вадим Сидоров – в будущем *амир* Национальной организации русских мусульман Харун ар-Руси, а тогда – ученик Джемалю и на тот момент еще не мусульманин (Сидоров принял ислам в 2003 г.). Помимо них на эти встречи приходили и некоторые другие люди, такие как глава издательства «Умма» Асламбек Эжаев, сын Гейдара Джемалю, известный журналист Орхан Джемаль, левый публицист Алексей Сахнин, журналистка «Независимой» Кира Латухина. Семинары проходили в старой квартире Джемалю – в Мансуровском переулке, переоборудованной в офис Исламского комитета, в непринужденной обстановке, за беседами и чаем: Джемаль излагал свои взгляды, члены группы обсуждали озвучиваемые им концепты. Кроме того, к каждому семинару один из их участников готовил статью и доклад о каком-либо исламском политическом мыслителе двадцатого столетия – среди них были Али Шариати, аятолла Хомейни, идеолог «Братьев-мусульман» Саййид Кутб, современный британский политический теоретик индо-пакистанского происхождения Калим Сиддики. На одном из семинаров Вадим Сидоров выступил с яркой речью о «Нации ислама» и «черных мусульманах» в США, и чувствовалось, что эта тема была ему эмоционально близка, а опыт перехода данной весьма небесспорной организации на позиции ортодоксального ислама представлялся интересным.

По итогам этих семинаров в 2005 году издательством «Умма» был выпущен сборник «Исламская интеллектуальная инициатива в XX веке». Но главным достижением было другое: если вначале всего два участника были новообратившимися мусульманами, то к концу семинаров практически все наиболее заметные члены научной группы приняли ислам. ЦИКРОП задумывался Джемалем как лаборатория лево-мусульманского альянса, грядущего исламского интернационала, авангардной силой которого будет выступать диаспора. Однако в реальности он стал скорее кузницей интеллектуальной элиты русского ислама.

Однако очень скоро *джемализм* как доктрина перестал полностью удовлетворять этих новообратившихся интеллектуалов, некоторым из них впоследствии суждено будет стать знаковыми фигурами в русском исламе.

Во-первых, при том, что *джемализм* содержал в себе системное, глубокое понимание смысла ислама, он основывался не на фундаментальной исламской Традиции в той или иной ее интерпретации, а на внутренних озарениях, прозрениях и концептуальных умопостроениях самого Джемалья – пусть и действительно порой гениальных. Русские же мусульмане жаждали целостности и фундаментальности в силу изначального стремления русского человека не быть поверхностным и во всем дойти до предельных оснований. Можно сказать, что именно это стало одной из ярчайших отличительных черт русского ислама. Вскоре, углубляясь в изучение исламских наук, истории жизни Пророка, методологии мусульманского права, новообратившиеся интеллектуалы обнаруживали все больше несостыковок с дискурсом Джемалья. Они, конечно, в основном были частными, но, во-первых, их было слишком много. И, во-вторых, в исламе нет «незначительных» предписаний, которыми можно было бы легко пренебречь. Ислам – целостная система, в которой каждый элемент – «первичный» или «вторичный» – важен, и потому его изъятие не может не нанести ущерба исламу как комплексному феномену. И русские мусульмане все больше осознавали этот факт по мере углубленного изучения Традиции.

Тем не менее Гейдар Джемаль оказал мощнейшее влияние на членов научной группы – настолько сильное, что отпечаток *джемализма* в какой-то мере останется в мироощущении его учеников на всю их жизнь, задавая параметры скорее не рационально сформулированному дискурсу, а самому стилю мировосприятия.

К двум своим ученикам из научной группы Джемаль относился особенно серьезно – речь идет о Харуне ар-Руси (Вадиме Сидорове) и об авторе этих строк, то есть об Анастасии (Фатиме) Ежовой. Ученичество это было облечено скорее в традиционные, чем в современные академические формы, а потому и оставило такой глубокий след в судьбе тех, кто прошел через «школу» Джемалья. Он предпочитал встречаться со своими учениками часто (почти каждый день – собственно, и они сами стремились к этому), в непринужденной обстановке какой-либо из московских кофеен, где вел с ними неспешные многочасовые беседы об исламе, о Боге, человеке, социуме, политике.

Поэтому, когда в 2004 г. была создана Национальная организация русских мусульман (НОРМ), ее члены еще некоторое время пребывали под влиянием идей Джемалья. Что касается самого мэтра, как называли его некоторые его ученики, то он не преминул почтить своим присутствием первую пресс-конференцию НОРМ. Многие усмотрели в этом всего лишь PR-ход Джемалья, желавшего «держать руку на пульсе» дел новоиспеченной мусульманской организации, пытаясь извлечь из этого пользу для нужд Исламского комитета. Однако не стоит трактовать присутствие Джемалья на некоторых мероприятиях НОРМ столь поверхностно. Как бы то ни было, а НОРМ «вышел из шинели Исламского комитета», напоминая законнорожденного, но не запланированного и в общем-то нежеланного ребенка, которого не особо-то и ждали, но раз уж он появился на свет, нужно – так и быть – каким-то образом участвовать в его судьбе. Правда, ребенок рос и эмансипировался от родителя не по дням, а по часам.

Разумеется, от момента создания к настоящему времени внешне НОРМ изменился почти до неузнаваемости.

При этом, конечно, траектория его развития имела свою четкую внутреннюю логику и, в некотором смысле, была предзадана изначально.

Люди, присутствовавшие на первой пресс-конференции в качестве лидеров НОРМ де-юре, де-факто с самого начала имели мало отношения к реальному руководству данной организацией.

Это были по большей части либо декоративные фигуры, этакие «свадебные генералы», либо заведомо слабые, но с информационной точки зрения более раскрученные персоны, которых можно было использовать в качестве «подсадной утки» для журналистов, а потом выкинуть за борт за ненадобностью. В третьем варианте это были прилежные, дисциплинированные исполнители, преданные реальному, а не номинальному главе организации.

По сути же НОРМ всегда целиком и полностью был проектом Харуна ар-Руси (Вадима Сидорова), и эволюция данной организации отражает идейную эволюцию самого Харуна на разных этапах его пути внутри ислама.

Сидорова часто принято изображать карьеристом, который в поисках личной славы готов бесконечно мимикрировать и становиться приверженцем разных теологических школ, лишь бы удержаться «на плаву».

Пожалуй, такой взгляд на данного деятеля в корне неправилен, и, при всей антипатии к ряду идеологических позиций и пропагандистских маневров Сидорова, нельзя не признать, что он всегда был человеком достаточно принципиальным и, пожалуй, искренним. Его путь от национализма через *джемализм* к *салафизму* и, в конечном итоге, к суфизму представляется внутренне последовательным и цельным. По сути, Сидоров развивался в рамках правого дискурса – не будем называть это «белым ликом патриотизма», поскольку это будет серьезным упрощением и вульгаризацией его взглядов. Разочаровавшись в современном политическом национализме и поняв, что русских как «большого народа» практически не сохранилось, а следовательно, следует создавать обновленную русскую нацию на новых началах (к слову, идея витала тогда в оппозиционных кругах по мере осознания этой истины), Сидоров ушел в дальнейшие идеологические и религиозные поиски в рамках все того же правого фашистского, антилиберального дискурса.

Эти поиски привели его к Джемалю и в ислам. Однако и в *джемализме* Сидорова привлекали его правые аспекты. Что касается интернационалистских установок Исламского комитета, диаспорного дискурса Джемалю и его альянса с левыми, то все эти нюансы Сидорову всегда претили. Ознакомившись с трудом Анри Корбена «История исламской философии», Сидоров отверг для себя возможность стать шиитом именно потому, что классическая шиитская доктрина не согласовывалась с метафизикой самого Джемалю, учеником которого Сидоров на тот момент являлся. Сидоров выбрал для себя *салафитский* путь, и даже после официального размежевания с Джемалем в начале 2005 г. на основе политических разногласий (неприятия союза с левыми, в частности, с троцкистами) суннитская секция НОРМ еще в течение длительного времени стояла на *салафитских* позициях. Но и в *салафизме* Сидорова не устроили все та же нефундаментальность и вульгарный интернациона-

лизм. Ведь, обращаясь изначально к *салафизму*, Харун ар-Руси искал в нем «чистый ислам» сподвижников Пророка, однако в дальнейшем обнаружил, что *салафизм* является «модернистским новоделом», что он не располагает адекватной методологией экзегетики и правоведения, основанной на традиционных исламских науках, что его способы интерпретации учения не восходят к сподвижникам и *таби'инам*, а являются «отсебятиной» людей, не компетентных в области прочтения Священных текстов. Что касается вульгарного интернационализма, то в нем Сидорову виделись все те же отголоски ненавистного ему левачества. Это в конечном счете привело его и его сторонников к ортодоксальному суннизму. А более конкретно – к вступлению в суфийский *тарикат* и движение «Мурабитун», включающее в себя сугубо новообратившихся европейцев и возглавляемое шотландским аристократом Яном Далласом (Абдулкадиром ас-Суфи), с соответствующими установками на словность, монархизм, антидемократизм, антимодернизм.

Таким образом, взгляды Сидорова, по сути, и не менялись – они лишь развивались так, чтобы представления о Боге и Его религии в итоге согласовались с давними, еще до ислама имевшимися у него политическими установками. Другой вопрос, хорошо ли это, учитывая, что ислам – это не религия «духовности», которую можно совместить с какими-то политическими взглядами, а целостная система, включающая в себя в том числе и регламентацию политических нюансов. Но здесь весь вопрос – в методологии и *мазхабе*, и в данном случае политические предпочтения Сидорова в суннитскую ортодоксальную канву более чем органично вписались. Иное дело, является ли это все аутентичным исламом. Но это уже предмет совсем другого исследования...

Единственный принципиальный вопрос, по которому Сидоров резко изменил свою позицию с течением времени, – это вопрос единства между суннитами и шиитами. Изначально Национальная организация русских мусульман объединяла в себе шиитскую и суннитскую секции, и сам Сидоров стоял на позициях уважения к выбору русских шиитов.

В дальнейшем же русские шииты, на тот момент более подкованные в вопросах призыва людей к своему направлению, несколько дистанцировались от суннитской секции НОРМ.

Сидоров объяснял это подспудной враждебностью «коварных *рафидитов*»¹, уже тогда желавших вовлечь его сторонников в «сети своей пропаганды».

Увы, не совсем это было причиной такого обособления шиитского сектора, однако мы вернемся к этой теме в особой главе о русских шиитах чуть позднее.

Постепенно практически все эти люди покинули НОРМ – кто в силу отсутствия интереса к деятельности организации, кто из-за неприятия линии Сидорова. Впрочем, в 2006 или 2007 году сторонники последнего исполнили пропагандистский трюк, «выгнав» всех шиитов из НОРМ. Хотя выгонять, по сути, было уже некого – все и так ушли.

Однако еще долго, полностью обособившись от шиитской секции, НОРМ Сидорова был все же лоялен к шиитам как к братьям в исламе.

¹ Рафидиты – одно из наиболее известных обозначений шиитов.

Такое положение дел сохранялось до лета 2006 года, когда группа Сидорова «ударилась» в оголтелую антишиитскую пропаганду, создав в ЖЖ соответствующее сообщество, выкладывая и реальные, и подложные шиитские *хадисы* и *фетвы*, постановления *мурабитуновских* и *салафитских* авторитетов против Хизбаллах, антииранские публикации, часто «желтые» и клеветнические. В дальнейшем уровень антишиитской пропаганды был несколько повышен: группа Сидорова пыталась убедить аудиторию в том, что *хомейнистский* и вообще *усулитский* шиизм представляет собой «модернистский новодел», а аутентичный шиизм – это *ахбаритское* направление. Такая пропагандистская уловка подействовала на некоторых русскоязычных шиитов только лишь в силу ограниченного доступа к изучению шиитской литературы. В дальнейшем появление издательства «Исток» во многом исправило ситуацию, ибо им было выпущено в свет немало книг, раскрывающих те нюансы шиизма, на незнании которых ранее можно было спекулировать. В частности, в книге Мухаммада Бакира ас-Садра «История 'илм аль-усул» освещается борьба между *ахбаритской* и *усулитской* школой, а также приводятся аргументы в защиту последней.

Шиитско-НОРМовская информационная война в блогах продолжалась около полутора лет, пока не стало ясно, что она нанесла ощутимый ущерб обеим сторонам, подпортив имидж основным публицистам, которые снискали себе славу скандалистов и зачинателей смуты (*фитны*) в рядах мусульман. Подобная репутация не могла не стать препоной для вывода собственного дискурса на более высокий уровень, включая его репрезентацию в информационном поле. Повзрослев и остыв, оба лагеря сосредоточились не на борьбе друг с другом, а на более эффективном призыве к своему направлению, на выработке актуальной для существующих условий платформы, на изучении исламских наук и ознакомлении аудитории с собственным вероучением и позицией по насущным вопросам.

РУССКИЕ ШИИТЫ

В отличие от суннитского лика русского ислама, русский шиизм – феномен двойственный, ибо в его рамках существуют две тенденции, одна из которых только набирает силу, но имеет серьезный потенциал, а другая представляет собой фальстарт русского шиизма, тупиковую ветвь развития, ведущую в никуда.

Хотя первая из этих тенденций крайне актуальна сегодня, как ни странно, шиитская секция НОРМ была представлена в основном теми, кто уже тогда безнадежно не вписывался в историческую логику развития как русского, так и собственно шиитского ислама. Возможно, в таком фальстарте заключался глубокий смысл, ибо нежизнеспособная версия шиизма имеет шанс быть заблаговременно отбракованной в ходе идеологической и организационной борьбы внутри русской и российской мусульманской среды.

Мировая история проходит через своеобразные «точки невозвращения», ибо на разных ее этапах те или иные научные открытия, войны, возникновение новых государств и идеологических систем, да и просто культурных феноменов объективно

меняют судьбу человечества таким образом, что она уже не может быть иной. Такими «точками невозвращения» можно назвать, к примеру, возникновение христианства и религии последнего Откровения – ислама, появление марксизма и большевизма; ряд изобретений – таких как телевидение, авиация, Интернет; создание США, развал СССР и т.д. Смысл выражения «точка невозвращения» заключается в том, что человечество уже не может жить так, как если бы этих феноменов либо событий не было, – так или иначе, но придется иметь с ними дело, осмысливать их, принимать в расчет их наличие.

Для современного шиизма такой «точкой невозвращения» стало появление *хомейнизма*. Можно превозносить Хомейни или ненавидеть его, можно считать его великим обновителем ислама, а можно упрекать в неаутентичности и «*усулитском* модернизме». Однако с точки зрения объективного исторического развития ясно одно – дальнейшее развитие шиизма возможно лишь на базе *хомейнизма* и с учетом того, что он сказал *умме* и миру.

Именно *хомейнизм* вывел шиитскую общину из маргинального состояния, и именно благодаря Хомейни шиизм из религии забытых масс либо же, напротив, рафинированных философов и мистиков превратился в важный фактор в мировом историческом процессе, а на базе его был сформулирован глобальный проект.

В исламе политика неразрывно связана с теологией, обусловлена ею.

Хомейни был не только гениальным политиком, но и выдающимся богословом, революционером от теологии. Подлинная революция – это возвращение к основам. И в этом смысле аутентичным шиизмом является вовсе не *ахбаризм*, а *хомейнизм*.

В частности, Хомейни устранил наличествовавшее внутри шиитской теологии в том виде, в каком она сложилась на тот момент, глубокое противоречие. С одной стороны, имамы шиизма сохраняли шариат Пророка от искажений и служили для мусульман примером того, какую судьбу следует прожить мусульманину. Еще при жизни имамов их *хадисы* записывались, и они также передавали *хадисы* Пророка, не добавив ничего от себя в тот закон – шариат, который он принес. Эти законы регламентировали в том числе и политическую сторону жизни, вопросы управления, судопроизводства и т.д.

С другой стороны, к моменту появления Хомейни на авансцене шиизма большинство богословов объявляли эти законы не подлежащими претворению в жизнь до прихода сокрытого имама, что противоречило *айату* Священного Корана: «**О те, которые уверовали! Принимайте ислам целиком и не следуйте по стопам сатаны! Воистину, он для вас – явный враг!**» (2:208) Причем – и это особо стоит подчеркнуть для тех, кто не преминет заявить о «внутренней несостоятельности шиизма», – это всецелое принятие ислама включает в себя и признание *имамата* семейства Пророка (*ахл ал-байт*), на что указывают многочисленные достоверные *хадисы* в суннитских и шиитских сборниках.

Воздержание от участия в политической жизни и от претворения предписаний ислама в реальную практику (в том числе и судебную), отказ от исполнения таких устоев веры, как повеление одобряемого (*амр би-л-ма'руф*) и запрещение осуждаемого (*ан-нахй 'ан ал-мункар*), от противостояния угнетателям в борьбе за справед-

ливость нивелировали многое из того, за что имамы отдавали свои жизни, желая, чтобы эти принципы не утрачивали своей актуальности.

С точки зрения *хомейнизма* смысл сокрытия и возвращения имама Махди гораздо глубже пришествия доброго царя, который накажет злых бояр. Хомейни подчеркивал, что имамы не стремились к личной власти, ибо для них она была лишь средством для претворения в жизнь законов Аллаха, противостояния тиранам и борьбы за справедливость. Если же их шииты отказываются от выполнения всего перечисленного, они фактически и отрицают *имамат* под предлогом того, что лишь власть имама легитимна. Поэтому Хомейни постановил, что шариат должен исполняться, а в *хадисах* указывается, кто должен делать это в период Сокрытия, и это праведные, справедливые и компетентные шиитские богословы и законоведы.

Революционная доктрина Хомейни, превратившаяся в новаторскую модель государственного устройства и в глобальный проект, произвела эффект разорвавшейся идеологической бомбы и изменила облик, как минимум, целого региона.

После крушения советского проекта *хомейнизм* привлек к себе симпатии множества русских патриотов, которые зачитывались книгами Д.А. Жукова, написавшего очерк политической биографии Хомейни и опубликовавшего его речи, «Религиозно-политическое завещание» и письмо Горбачеву. *Хомейнизм* представлялся маняще привлекательным, как и всякое демонизируемое либеральными силами учение, для читателей газет «День» и «Завтра», для тех, кто в 90-е смотрел на ТВ передачи Джемаля. Вместе с тем он, как и любое исламское учение, не только говорил о по-сторонних аспектах политики, но и раскрывал внутренний смысл человеческого бытия в его отношении к Богу. И эти аспекты шиизма также освещались, к примеру, в традиционалистском альманахе «Волшебная гора».

Русские *хомейнисты* – духовные дети 1993 года, даже если на момент тех событий им было слишком мало лет, чтобы участвовать в них. Драма расстрела парламента, поминовение павших героев восстания превратились в своеобразную сакральную мистерию русской оппозиции, архетипически и экзистенциально весьма близкую мистерии шиитской Ашуры – поминовению имама Хусейна и его павших воинов, восставших против тирана Йазида. Внутреннее сродство между двумя этими феноменами дало русским патриотам возможность прочувствовать Ашуру сердцем, и именно с этого глубоко интимного религиозного опыта для многих русских шиитов начался их путь в ислам и в *хомейнизм*.

Их достаточно много, таких новообратившихся шиитов. Их сердца горят, они не равнодушны ни к участи своей страны, ни к судьбе мира и, в частности, цитадели хомейнистского проекта – Исламской Республики Иран. И эти люди еще обязательно скажут свое.

Однако так получилось, что в НОРМ *хомейнисты* были представлены по минимуму. Большинство шиитов в НОРМ были типичными искателями «чистой духовности», архаичными ископаемыми, представителями «первой волны» русских мусульман, адептами дохомейнистских версий шиизма, исторически проигравших своему внутреннему конкуренту. Эти новообратившиеся воспринимали ислам и шиизм просто как «одну из религий» в чисто европейском понимании этого слова, в то время как – что мы уже доказали – ислам во всех его разновидностях религией

«чистой духовности» вовсе не является. Кроме того, ориентация таких граждан на либеральную гуманистическую идеологию и модель организации общества заставляла их лелеять надежды на то, чтобы вписать шиизм в его аполитичной и «чисто духовной» версии в современную европейскую цивилизацию и в рамки демократических институтов. А это, скажем так, проблематично, даже если руководствоваться не политическими и правовыми, а только лишь морально-этическими шиитскими принципами.

В силу своего неадекватного понимания сути ислама такие люди, цеплявшиеся за отжившие и начинающие подгнивать версии шиизма, бездарно проиграли все позиции в НОРМ, в среде русских мусульман, в общеисламском информационном поле и даже в иранских структурах, которые они потом – наряду с самой Исламской Республикой – принялись поливать всевозможной клеветнической грязью на своих маргинальных сетевых ресурсах, – хотя иранцы просто хорошо делали свою работу, а подобные русские шииты не смогли зарекомендовать себя в качестве полезных и эффективных партнеров.

В то же время, если в середине «нулевых» были популярны разговоры о «загнивании» иранской государственной системы, о «вырождении» ее элиты по образу и подобию аналогичной деградации КПСС, о «забвении» идеалов Исламской революции, то сегодня ясно, что такие категоричные выводы неуместны и что Исламскую Республику Иран как оплот *хомейнизма* еще, мягко говоря, рано списывать со счетов.

Но дело этим не ограничилось, и нехомейнистский сегмент русского шиизма пережил целую эпидемию случаев отступничества от ислама, беспрецедентную и немыслимую для любой иной мусульманской среды в России. Как бы цинично это ни звучало, но произошла своеобразная естественная выбраковка либерально и аполитично настроенных кадров, ужаснувшихся вдруг открывшейся им сущности ислама и осознавших, что это не «просто религия», аналогичная христианству, буддизму и другим конфессиям.

Впрочем, шиитская секция НОРМ тесно общалась и с вненормовским русским шиитским пространством, которое можно было бы условно назвать «кальянно-автостопным клубом». В принципе русские автостопщики, принявшие ислам, – также интересная среда, заслуживающая особого исследования. Это специфичная субкультура, из которых вышло немало русских шиитов – личностей по-своему ярких и искренних. Автостопщиков нельзя назвать просто тусовщиками, ибо у их вольных путешествий по Азии и Африке есть своя философская подоплека – своеобразный романтизм, бегство от техногенной цивилизации в те уголки планеты, которых еще не коснулся модерн и унификация по американскому глобалистскому образцу, живое общение с реальностью стран и народов без посредничества СМИ и «голубого экрана». Такое отношение к миру может характеризовать автостопщиков как людей с самостоятельным, не замусоренным штампами мышлением. Однако по большей части они аполитичны, а потому цели и задачи НОРМ их интересовали мало. Русские шииты этого типа группировались в основном вокруг Антона Весни-на – молодого парня-полиглота, который благодаря вольным путешествиям по стра-

нам Ближнего Востока принял шиитский ислам, отучился полтора года в медресе иранского города Кум, а затем открыл в Москве исламские курсы.

Что касается русских *хомейнистов*, то они с тех пор никуда не исчезли. И, хотя это пространство пока еще не структурировано, в силу исторических перспектив России им суждено – при должном уровне самоорганизации – стать еще одним ярким феноменом в лоне русского ислама, его «красным ликом», в то время как русский «Мурабитун» уже сделался его «белым ликом». Впрочем, альянса между ними в стиле аналогичной оппозиционной эклектики, естественно, не предвидится. Русский *хомейнизм* и *неохомейнизм* – потенциально самая жизнеспособная тенденция, которая вместе с тем способна встретить такой же отклик в лево-патриотической среде, как «Мурабитун» – в кругу националистов.

РУССКИЕ МУСУЛЬМАНЕ И МУСУЛЬМАНСКАЯ ОБЩЕСТВЕННОСТЬ РОССИИ (МОР)

Как русские *хомейнисты*, так и русские суфии из движения «Мурабитун» более комплиментарны среде своих же русских, нежели мусульманской общественности России (МОР), состоящей из татар и тех кавказцев, которые связывают свою судьбу не с отделением от РФ, а с попыткой интеграции в нее.

И причина этого вовсе не в какой-то мнимой предвзятости той среды, которую принято называть мусульманской общественностью России, по отношению к русским, принявшим ислам. Напротив, те структуры, которые транслируют ее позицию в информационном пространстве – Ислам.Ру (а теперь – www.ansar.ru), Islam. News, – полностью абстрагировались от предрассудков в отношении новообратившихся в среде своих более далеких от ислама братьев по крови, радушно принимая к себе русских мусульман, которые успешно работали в нише институтов, курируемых МОР.

Разумеется, далеко не все эти русские мусульмане имели отношение к НОРМ, который в принципе не является выразителем мнения и воли любого русского, принявшего ислам. Более того – большинство новообратившихся славян России в НОРМ не состоят и с организацией этой себя не ассоциируют. НОРМ – это скорее экспериментальный проект структуризации русского исламского пространства на базе «Мурабитун» и *маликитского мазхаба* с учетом исторических перспектив России и русского народа, нежели ассоциация, автоматически абсорбирующая в себя каждого русского, принявшего ислам. На примере русских *хомейнистов* мы видим, что даже часть пассионарных русских мусульман программных установок НОРМ в ее нынешнем виде категорически не приемлет. Что касается тех новообратившихся, которые к деятельности НОРМ никогда отношения не имели, то в их среде господствуют скорее космополитические установки на влияние в российскую исламскую умму без существенного внимания к тому, чтобы сохранить в ней собственную национальную идентичность. Хотя такая позиция является заведомо слабой, ибо мусульмане иной этнической принадлежности о своей национальной идентичности, как правило, не забывают. Русские мусульмане в таком случае рискуют оказать-

ся «подвешенной в воздухе» группой без четко очерченной миссии внутри самой *уммы*. А между тем Всевышний Аллах не случайно сделал людей народами и племенами, повелев увещевать в первую очередь свою ближайшую родню, – а наиболее эффективный призыв мусульманин может вести именно тем людям, которые говорят с ним на одном языке и обладают той же ментальностью.

Именно этим можно объяснить тот факт, что среда МОР породила ряд ярких татарских и кавказских публицистов, а вот русские мусульмане, просто растворившиеся в этой среде, превратились в своеобразную «массовку», в исполнительных середнячков на важных, но вторых ролях, самостоятельным фактором не являющихся. И клуб «Голубушка», и фонд «Солидарность», в котором много русских, являются тому примером. В то же время это довольно опасная позиция, и дело вовсе не в амбициях, а в сохраняющихся *джахилийских* националистических установках многих диаспор (могущие лоббировать свои интересы через не *джахилийские* и не шовинистические, но лояльные по отношению к ним МОРовские структуры), которые способны воспользоваться этой русской «массовкой» для осуществления своих далеко не исламских целей. Что касается заметных деятелей русского ислама, то в МОР – при всем искренне хорошем отношении к ним со стороны татарских и кавказских братьев – они так и не прижились и не задержались.

Причиной этого является приверженность МОР идеям *васатыйи* (исламского центризма) и «ал-Ихван ал-муслимин», чья платформа, по сути, является предельно эклектичной. Те же новообратившиеся, чья ментальность осталась русской, как мы уже отмечали, тяготеют к цельным дискурсам. Придя из протестной, радикальной среды, они уже вдоволь наелись «красно-белых патриотизмов» «свастик с красными флагами» и «Аврор с Рейхстагами» – и поняли, что подобные попытки сочетать несочетаемое никуда не ведут. Потому *ихванистская* «сборная солянка» из суфизма, *салафизма* и элементов шиитского мировосприятия всерьез привлечь их не могла. Что касается *васатыйи*, то призыв Пророка к умеренности совершенно по-разному понимается в «этнической» по преимуществу среде МОР и в пространстве русского ислама. Если русские мусульмане эту умеренность трактуют как отказ и от излишне либеральных, и от слишком жестких трактовок предписаний мусульманского права, то для МОР *васатыйя* означает политическую умеренность и политический центризм. Последнее латентно не любезно русскому сердцу, тяготеющему к более радикальным формам политической идеологии, будь то четкий левый или четкий правый дискурс, социализм или консерватизм. Что до умеренности как осторожного мещанства, то такой стиль восприятия жизни вообще всегда был органически противен русскому человеку.

Оценивая сегодняшнее положение российской *уммы*, мы можем констатировать, что центристская и «благоразумная» политика МОР не только не привела исламское сообщество РФ к желаемым результатам, но и, напротив, подвела его к очень опасной черте. Мусульманская общественность России оказалась катастрофически не готовой к тем вызовам, которые сегодня стоят перед российской *уммой*, к той исторической ситуации, в которой оказалась вся страна. Речь идет в первую очередь о вполне реальной (хоть и категорически нежелательной) перспективе развала страны и о межэтнических столкновениях. Своей бездумной солидаризацией с

диаспорами – при том что, как мы указали еще в первой главе, «мусульманская» национальность еще не означает исламского вероисповедания де-факто – МОРовские структуры оттолкнули от ислама множество русских людей. Они резко настроили против ислама русских националистов, которые еще лет пять назад относились к исламу в основном лояльно, а теперь в большинстве своем выступают за альянс с Западом, «Израилем» и против усиления исламского фактора в пространстве Северной Евразии. В условиях, когда русское националистическое движение набирает силу, такое положение дел является плачевным. Русских патриотов, нацеленных на сохранение России и традиций советской внешней политики, МОР также рискует оттолкнуть своей оголтелой поддержкой режима только лишь за его внешнеполитические ходы (а по сути – из страха перед карательными мерами), ибо непопулярные шаги правительства в русской патриотической среде вызывают не меньше неприятия и критики, чем в среде националистической. Однако, в отличие от националистов, русские патриоты для мусульман еще не потеряны.

В этих условиях русские мусульмане могут сыграть очень важную позитивную роль как в судьбе российской *уммы*, так и в истории самой страны – они способны стать мостом между исламским сообществом и русским большинством, предотвратив тем самым сползание всего пространства Северной Евразии в кровавый неуправляемый хаос. При этом стоит прогнозировать, что русские мусульмане с развитым национальным самосознанием будут развивать партнерские контакты главным образом не с МОР, а с единоверцами из-за рубежа и со своими же братьями по крови – русскими. Если для «Мурабитун» «второй родиной» является Турция, то маяк и ориентир для русских *хомейнистов* – Иран. Если призыв «Мурабитуна» в большей степени обращен к националистам, то среда, потенциально комплиментарная русским проирански настроенным *хомейнистам*, – это русские патриоты.

Разумеется, при этом русские мусульмане все равно будут поддерживать контакт с МОР, поскольку эта среда включает в себя их братьев и сестер, однако – в качестве самостоятельного, несколько обособленного субъекта. При этом можно предположить, что основным партнером русских мусульман в этом диалоге станут татары, которые на большей части территории Северной Евразии являются автохтонным населением, ментально более близким к русским, чем кавказцы.

Возникает резонный вопрос о русских *салафитах* – ведь, принимая во внимание прецедент с Бурятским, можно сказать, что это тоже феномен заметный и имеющий право на существование. Однако мы не осветили этот вопрос в нашей статье просто в силу того, что русские *салафиты* вообще мало вписываются в пространство как русского, так и в целом российского ислама. Русские *салафиты* сегодня, увы, целиком и полностью вписаны в вектор антироссийского и антирусского политического дискурса – хотя, возможно, среди них также немало честных людей, жаждущих справедливости и не понимающих, кто и в каких целях их использует.

Впрочем, все, что касается прогнозов относительно дальнейших путей развития русского ислама и российской *уммы*, то все они носят лишь относительный характер, принимая во внимание туманность перспектив самой России...

ПРОТИВОСТОЯНИЕ «ЭТНИЧЕСКИЕ» ПРОТИВ РУССКИХ*

Галина Бабич**

Так сложилось в новейшей российской исламоведческой традиции, что всякая попытка разделить мусульман на «этнических» и «неэтнических» встречает со стороны обывателей шквал критики. Мол, деление это бесосновательно и в целом преступно, ибо всякий человек есть либо мусульманин, либо немусульманин, а любые здесь «оттенки серого» придуманы не кем иным, как врагами ислама.

Главный аргумент противников подобного разделения – «у мусульманина нет национальности» – легко разбивается об известный *айат* Корана: «**Мы сделали вас народами и племенами, чтобы вы узнавали друг друга**» (49:13), из которого явно следует, что ислам не просто признает понятие национальности, народа, этноса, но и призывает изучать особенности этих этносов, отличая их друг от друга и обогащая таким образом собственный культурный опыт.

А на довод о людях, «либо верующих, либо нет», можно привести немало примеров, доказывающих, что верят и не верят люди по-разному, иногда вопреки логике и здравому смыслу причудливо совмещая в себе веру и неверие, ислам и атеизм, здоровое и мистическое.

Вспоминаю молодого азербайджанца из рода *саййидов* – потомков пророка Мухаммада, – глубоко гордившегося своими знаменитыми корнями и одновременно причисляющего себя к яростным атеистам. Он открыто признавал пророческую миссию Мухаммада, соглашаясь с тем, что тот принес людям Истину от Аллаха – ислам, одновременно отрицая этот самый ислам на корню. «Мой предок был Великим Пророком ислама, – говорил он и тут же спешно добавлял: – А религия – сказки для дураков!»

Этнический мусульманин всегда имеет в предках бабушку с Кораном или дедушку-муллу, исламский обряд для него тесно связан с формулой «Так делали

* Точка зрения автора может не совпадать с позицией редакции.

** Галина Ростиславовна Бабич (р. 1977) – журналист, окончила факультет информатики Российского государственного гуманитарного университета (1999), а также Высшую школу журналистики при Международном университете в Москве (2010). В 2002 году приняла ислам (суннитского толка). Более пяти лет работала журналистом на сайте Ислам.Ру, публиковалась в различных исламских изданиях, в газетах «Московский комсомолец», «Независимая газета». В настоящий момент занимается исследованиями в области российского гражданского и информационного права и шариата.

наши предки». Гордиться корнями – родовая традиция, которую он свято чтит. Здесь перемешивается кораническое, племенное, местное, и религия превращается в семейный ритуал; накладываются друг на друга, путаясь и множась, приметы, обряды и установки. Новообращенный же мусульманин, из числа «неэтнических», абсолютно свободен от подобного наслоения, оттого и выглядит столь невинным, неразумным, неопытным. Оттого и раздражает своим неуместным книжным знанием.

Дагестанцев и татар, считающих термин «этнический» мусульманин оскорбительным и унижающим их исламское достоинство, мне встречалось значительно больше, чем русских, недовольных характеристикой «новообращенный». Хотя сегодня все чаще сокращают до «неофита» и все политкорректнее формулируют: «представители народов, исторически исповедующих ислам».

Народов этих на территории России довольно много, и пускать на свое «поле» русских с их «имперскими амбициями», цитированием Корана и попытками «быть святее папы Римского» – то есть быть «мусульманистее» их самих – они не желают. Посему любая политически оформленная русская исламская общность из этого «поля» вытесняется, а пришедшим в ислам славянам и прочим «нетрадиционным для ислама» этносам отводится роль послушных учеников и скромных подражателей истинного таланта.

Так возникает конфликт, находящий отражение не только и не столько в политическом и информационном пространстве, где давно и прочно укрепились ассоциации ислама с татарскими и кавказскими «духовными лидерами», сколько в бытовой плоскости, на уровне внутриобщинных, внутрисемейных и личностных связей.

О ПРЕДПОСЫЛКАХ КОНФЛИКТА

Сама группа «этнических» мусульман крайне разнообразна, разношерстна, многолика. Помимо национальности, семейного статуса, возраста, географического и экономического положения здесь можно выделить такие специфические факторы, как степень вовлеченности в политический процесс, уровень образования, в том числе религиозного, глубина понимания веры, наследственное принятие своей религиозной идентичности.

В свою очередь, новообращенные мусульмане, также обладающие всеми перечисленными характеристиками, вступая в непростой и довольно долгий период адаптации к новой религиозной среде, формируют целый спектр поведенческих моделей. И первым этапом такого формирования становится своеобразный процесс инициации – перехода в ислам.

Тема принятия русскими ислама уже неоднократно привлекала внимание специалистов разного профиля. Анализируя причины такой метаморфозы, можно прийти к условному выводу, что новообращенными становятся «по любви» или «по убеждению». При этом женщины чаще познают религию через чувства и эмоции, а мужчины – интеллектом, что вполне соответствует исламскому представлению о женской и мужской природе.

Последствия брачной инициации

Брак с мусульманином прочно занимает лидирующее место в списке причин, отправляющих женщин на путь принятия ислама. Мужчины, как правило, редко становятся заложниками своей страсти к мусульманской женщине, которую отделяет от иноверцев пропасть, заполненная ее многочисленными и весьма категорично настроенными родственниками мужского пола.

Ислам как формальность

Принять ислам ради возлюбленного – дело нехитрое. В таком браке юная правозверная, бывает, отделяется легкой *шахадой* в мечети и больше не вспоминает о своем порыве. Процедура эта сугубо формальная и на дальнейшую судьбу женщины влияет только тогда, когда возникают споры о вероисповедании детей.

В этнической мусульманской среде перманентно присутствует страх, что такая жена непременно втайне от мужа обратит в иную веру всех детей. Этот страх рождает немало небылиц о том, как у покойных русских жен, декларирующих себя при жизни мусульманками, в волосах, под подушкой или в иных тайных местах находили то крестик, то Библию, то какое-нибудь иное свидетельство их тайной преданности православию. Такие истории служат поучением молодым сыновьям, дабы те не зарились на русских девушек.

Впрочем, подобные небылицы касаются неизменно всех русских жен – независимо от того, насколько «номинально» они прониклись верой. «Да пусть она хоть трижды голову платком покроет, – рассуждают недоверчивые женщины, – и намаз читает, и «бисмилля» научилась говорить, а все равно, мне Гузелькина свекровь рассказывала, что в прошлом году в соседнем селе у одной такой русской нашли...»

Ислам как традиция

Бывает и так, что в браке новая мусульманка попадает в «традиционный ислам» – тот, где национальные традиции настолько прочно сплелись с религией, что фактически заменили ее. И вера приобретает исключительно те формы и рамки, которые свойственны близким и дальним родственникам мужа. Со временем ситуация может обернуться для молодой супруги полной потерей своей личности, своего национального достоинства, к чему ее неизменно – прямо или косвенно – будут склонять обстоятельства и люди.

В Дагестане часто рассказывают историю о том, как русская невеста одного аварца выучила в совершенстве аварский язык и написала письмо его родителям, чтобы те разрешили ему жениться. Покоренные ее упорством и силой любви, акакалы согласились. А дальше версии расходятся: кто-то утверждает, что молодые прожили

долго и счастливо и, как говорится, умерли в один день, а другие уверяют, что со временем муж, как любой нормальный аварец, взял-таки себе вторую жену, аварку, хотя на финал – счастливую смерть всех троих влюбленных в один день – это, конечно, не повлияло.

Если в желании угодить многочисленному семейству и стать «своей» старательная невестка зубрит незнакомые языковые формулы, меняет имя и наряды, осваивает чужую национальную кухню и соблюдает все местные обычаи, то однажды наступает момент, когда она начинает стесняться своей национальности. А новая семья все нахваливает: «Ты совсем как наша», «Ты на русскую-то и не похожа», что косвенно означает почти признание, почти принятие в клан.

Родственникам мужа такая беззаветная преданность льстит. Однако о том, что «невестка-то у Маги русская», вам сообщат еще при въезде в село. У русской невестки и *хинкал* будет «почти как дагестанский», и *адаб* не такой. А мусульманка ли она, дело десятое. И «выигрывает» та русская невестка, что сумеет найти баланс между своим русским достоинством и уважением к местным традициям. Для этого ей надо лишь преодолеть страстное желание оказаться самой лучшей, утвердив свое право быть всего лишь членом семьи.

Ислам как борьба

Сложнее дело обстоит с семьями, где муж не просто вовлечен с головой в религиозную практику, но и крайне отрицательно настроен по отношению к русскому этносу. Русская жена для него – трофей, отвоєванный могучим интеллектом или чем попроще. Обращенная в ислам девушка обретает в лице возлюбленного не только мужа, но и ревностного религиозного наставника, ежедневно вещающего с семейной трибуны об ужасах «русского *кяфирского* общества».

Такие жены, беззаветно преданные идеалам мужа, нещадно критикуют русских мужчин за «слабость», оскорбляют русских женщин, сетуют на повальную «русскую проституцию», неискоренимое «русское пьянство» и прочие атрибуты «русской традиции». В лучшем случае сравнивая с себя с женами декабристов, такие женщины радостно разделяют трудности «политической эмиграции», ненависть к «неправильным» общественным инициативам и вообще любые идеи от героя-мужа, щедро кормящего свою супругу романтическим пафосом.

В глубине же этой произошедшей в ней и других «новичках» перемены лежит не только страх быть непринятым, не только попытка «отыгаться» перед обществом, не понимающим или осуждающим подобный брак, и глубокая обида за отторжение «своими», но и банальная идеализация нового окружения. Ислам, представленный как панацея от всех бед и болезней человечества, в сознании еще плохо отделен от мусульман – людей, в представлении неопита, если не идеальных, то наиболее близких к идеалу. Контраст между «истинным исламским обществом», зародившимся где-то в воображении, и российской реальностью не «помещается» в голове и выдавливается через агрессию, обвинения и желание гордо противопоставить себя «неправильному человечеству».

Этническое окружение такие методы приобщения к своим корням, мягко говоря, не одобряет. Оскорблять свой народ, свой род – это преступление для любого мусульманина. На словах они подбодрят новичка в его оголтелой ненависти к «русским *кяфирам*», понимая стратегическую ценность таких настроений для их собственной нации. Но заслужить уважение и принятие через отрицание самого себя неопиту вряд ли удастся.

МОДЕЛИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ПРЕОБРАЖЕНИЯ

Менее многочисленную, но не менее значимую часть новообращенных мусульман составляют те интеллектуалы и чудаки, которые пришли к новой вере в результате собственного логического, культурного, научного и иного поиска. Совсем необязательно тому предшествуют трагические события, как видится многим обывателям, или возникают необыкновенные обстоятельства, хотя определенная предрасположенность человека к тому, чтобы рано или поздно «удариться в религию», все-таки прослеживается.

Искать истину отправляется обычно духовно неудовлетворенная личность, уже имеющая «в анамнезе» конфликты с окружением, интерес к оккультизму или философии, потребность в уединении или, напротив, желание активно менять мир и бороться с несправедливостью. Ислам не становится для таких людей «таблеткой» от всех внутриличностных проблем. Нередко со временем он, напротив, выступает мощным импульсом для их развития.

Находящийся поблизости «этнический» мусульманин, который с рождения получил возможность научиться отделять религию от собственных психологических неудач, интуитивно опасается таких убежденных неопитов еще больше, чем тех, кто принял ислам «по замужеству». «Человек с горящими глазами» в нашем обществе всегда выглядит, как минимум, не слишком гармонично.

КОМПЛЕКС «ИЗБРАННОГО»

В отличие от влюбленных новообратившихся, идеализирующих всех мусульман и одного любимого мусульманина, неопиты-интеллектуалы нередко идеализируют самих себя. Тот факт, что духовный поиск привел в ислам, рассматривается не только как заслуга ума и натуры, но и как уникальная миссия, возложенная на новичка Богом. Поэтому такие окрыленные собственной гениальностью новообращенные непременно идут в массы – нести свет истины и излечивать человечество от пороков.

Этот «свет» мы сегодня можем наблюдать в наиболее распространенном в мусульманских СМИ жанре сочинения-исповеди на тему «Как я стал счастливым мусульманином» и в различного рода пресной моралистике с настоятельным требованием к читателям немедленно начать соблюдать все столпы ислама.

Развитию такого «комплекса избранного» немало способствует поведение окружающих «этнических» мусульман, которые, несмотря на возможную неприязнь к

явлению в целом, к самому новичку проявляют повышенный интерес. Движет ими, как правило, естественное человеческое любопытство, при этом, как бы ни распинался новообращенный в формулах счастья, открывшихся ему в исламе, на картину мира собеседника повлиять ему удастся крайне редко.

Иные «этнические» мусульмане смотрят на таких «идейных» с недоверием. «А нука, прочитай мне суру “аль-Фатиха”!» – велела моей приятельнице проводница поезда Москва–Махачкала, узнав, что платок надет ею не по велению мужа или строгого отца семейства, а из собственных религиозных убеждений. При первых же звуках суры она зажмурилась, закачалась «в такт», затем открыла глаза и облегченно вздохнула: «Действительно, мусульманка». Сама она, оказалось, слушала эту суру в детстве, выучить как-то не довелось, да и не зачем ей, урожденной правоверной, так стараться – в Рай-то все равно попадет.

Я задавала вопрос на интернет-форумах и в социальных сетях: разве религия – не глубоко личное? Почему с таким пристрастием люди допрашивают друг друга насчет веры в Бога, почему считают своим долгом дергать новичков за рукава, заглядывать им в глаза и требовать отчета? Но сами новички возмущались: всякий монолог на кухне об исламе имеет стратегическое значение для будущего *уммы* и каждый неопит обязан быть тому сопричастен.

Даже мою подругу-кумычку, внешне «похожую на русскую», в одной из московских мечетей решила «проэкзаменовать» пожилая женщина. Вызвала на ковер, потребовала целый час цитировать *айаты* и отвечать на вопросы. Подруга радостно прошла испытание, ничуть не оскорбившись. Потому что миссия высокая. Мужчины «везет» меньше, их в мечетях не экзаменуют, а фактически сразу «берут на карандаш» в правоохранительных органах. Ощущение избранности от этого, конечно, в разы увеличивается.

НЕПРИЯТИЕ АВТОРИТЕТОВ

Экзаменовать новичков, как правило, желают люди, не слишком глубоко знакомые с требованиями своей религии, потому что сам ислам предписывает вместо подобных расспросов, экзаменов и испытаний обходиться с новыми членами общины максимально дружелюбно, помогать им знаниями и даже деньгами.

Один такой аульный философ прямо предложил для желающих принять ислам организовывать специальные курсы, по окончании которых комиссия из местных «ученых» будет делать выводы, готов ли адепт к переходу на новый уровень. При этом «рожденным в исламе» «этническим» мусульманам никакой корректировки знаний не требуется – они по умолчанию всегда правы.

Подобная реакция на появление русских и иных «неэтнических» народов в мусульманской среде объясняется тем, что ислам воспринимается большинством дагестанцев, татар и чеченцев как своя собственная религия; такая религия, в которую нечего входить кому попало. А неопиты нарушают границы: они приходят на «чужую» территорию, не заботясь о том, как к их визиту отнесутся «коренные жители».

«Они не уважают нашу историю, наших ученых и поэтов, нашу культуру и традиции», – жалуются в разных республиках. Действительно, большинству русских мусульман не приходило в голову развешивать по квартире портреты имама Шамиля, носить чеченскую одежду и учить стихи Габдуллы Тукая. И если для жителей татарского или дагестанского села местный мулла – как отец нации, лицо священное, авторитетный лидер, то для русского он может оказаться всего лишь деревенским неучем, о чем он не преминет сообщить при первом же удобном случае – и навсегда закрепит за собой ярлык ваххабита или «нетрадиционного» мусульманина.

Тут сказывается и существенная разница менталитета. Общинность и коллективизм, свойственные «этническому» исламу, многим русским сегодня уже чужды. Особенно они чужды тем, кто в принципе пришел в ислам из чувства социального или политического протеста. Лидеры, бунтари, одиночки, привыкшие отвергать все постное и серое, однозначно не приемлют чужих авторитетов, воздвигают собственные и имеют стойкий иммунитет против любого общественного мнения. А если добавить ко всему прочему так называемое «наследие советского режима», то такие новообращенные, мнящие себя, безусловно, «диссидентами от религии», либо рьяно бросаются строить халифат в противовес коммунизму, либо питают отчетливое отвращение ко всему марширующему единым строем.

«СИНДРОМ МУЧЕНИКА»

Излишнее рвение некоторых новообращенных в делах «становления уммы» и развития исламской инфраструктуры приводит некоторых «этнических» мусульман в замешательство: «Вперед батьки в пекло лезут!» Нетерпение и страстное желание непременно войти в историю российского ислама как первооткрыватель, будь то первый дизайнер мусульманской одежды, первый переводчик *хадисов*, первый исламский парикмахер и проч., приводит новичка к тому, что он незамедлительно бросает все свои прежние занятия и мчится навстречу мечте.

Примеров, когда всесторонне образованный специалист, занимающий престижную должность в крупной компании, принимает ислам, уходит с работы и идет «помогать умме», довольно много. И попытки объяснить это «дискриминацией мусульман на рабочем месте» – не что иное, как лукавство: хороший специалист востребован всегда. А вот добиться признания от своих новых единоверцев и быть готовым ради этого признания пожертвовать своей карьерой – это уже другая идеологическая нота.

Добровольно отсекают себе весь профессиональный опыт люди, так и не сумевшие совместить свою новую веру с окружающей реальностью. В ход идут самые разные умозаключения: «Мусульманину карьера не нужна», «Истинные верующие довольствуются мытьем полов», «Работать с *кяфирами* – грех!» – и так далее. А на деле новичок добровольно вовлекается в это самоунижение от чувства неуверенности, из обманчивого ощущения, что *умма* даст ему недостающий комфорт и приведет наконец к счастью.

Так, на одном «мусульманском собрании» русский мусульманин отчаянно вопрошал: «Брат Абдулла обучает других арабскому языку, сестра Марьям продает хиджабы, семья Алиевых держит *хальяльное* кафе... а я?! Чем я могу быть полезным *умме*? Ведь я ничего для нее не делаю...» Его работа в турагентстве – недостойное какое-то занятие, и зарплата неприлично высокая. И он бы с радостью пошел работать водителем в мусульманскую школу. И объясняет: деньги – не главное, главное – приносить пользу. А чем турагентство и высокая зарплата бесполезны, не объясняет.

Новообращенные по собственной воле готовы оставить прежние увлечения, интересы, друзей, работу – хотя все это может быть с точки зрения ислама совершенно дозволенным – и с головой нырнуть в «*умму*», которая, в свою очередь, не упустит своего и выжмет из нового адепта все его способности и таланты. Потому что в знаменитом афоризме про опиум для народа есть немалая доля истины: в любой религиозной общине находятся бывшие неудачники и несостоявшиеся в прошлом люди. Они вдруг почувствовали себя кому-то нужными, в чем-то значимыми, и именно на их спинах можно построить то, за что человек, знающий цену своему труду, никогда не возьмется без должных гарантий.

Маскировать собственную неуверенность неопиту помогают мусульмане-«доброжелатели», которые с необъяснимой активностью внедряют в его мироощущение новые и новые установки, запреты, ограничения. Возникают важные общечеловеческие дилеммы: «Правильно ли я делаю, что езжу на метро? Работаю в офисе? Трачу деньги на бублики, когда дети в Ираке голодают?». Тут и *хадисы* об умеренности и скромности интерпретируются соответственно.

Но «этнический» мусульманин, глядя на неопиту, бросающегося поднимать очередной мир с очередных колен, крутит пальцем у виска и резонно задается вопросом: кому оно надо? И вообще – много ли вы знаете поистине жертвующих? Тех, кто жертвует ради Самого Бога, а не движимый внутренними комплексами, тщеславием, неудобством, страхом быть порицаемым за отсутствие этой жертвенности, возможностью, в случае неудачи, покричать «я все вам отдал!»? А ведь «неправильная» жертвенность как раз и приводит потом к психологическим катастрофам и духовному (и материальному) обнищанию.

Тяга к идейности и жертвенности в своем сочетании рождает порой «синдром мученика», дают обществу альтруиста, положившего всю свою жизнь на какую-нибудь плаху и отдавшего все силы на какое-нибудь развитие. Хотя следует признать, что в самой жертвенности нет ничего плохого, если она не переходит границы разумного. И даже если переходит, в сакральном смысле она безупречна.

О ПРИЧИНАХ И ПОСЛЕДСТВИЯХ

Обобщая сказанное, можно выделить несколько причин, приводящих к явному или скрытому противостоянию «этнических» и «неэтнических» мусульман.

Повышенное внимание к теме новообращенных рождает в среде «этнических» беспокойство и некоторую **ревность**, желание не оставаться в стороне от обсуждения, быть не менее яркими и заметными и показать общественности, кто «на самом

деле» является хозяином в мусульманском доме. Аналогичное соперничество можно наблюдать и внутри «этнического» ислама между представителями различных этносов, однако ислам «неэтнический» порой удачно объединяет всех спорящих по принципу «дружить против кого-то».

Искреннее или кажущееся таковым желание неофитов сделать жизнь окружающих мусульман «лучше и чище» нередко воспринимается их единоверцами враждебно не столько потому, что их жизнь в улучшениях не нуждается или возможно обойтись собственными силами, сколько потому, что неофит начинает ставить себе в заслугу те или иные достижения. При этом он начисто забывает о том, что зерна его деяний падают в уже подготовленную «этническими» мусульманами почву, и обесценивает усилия и вклад в историю ислама целых этносов. А потому и его деятельность вызывает у «этнических» мусульман ответное **отторжение**.

К тому же большинство «этнических» мусульман воспринимает ислам как нечто естественное, повседневное, а потому не требующее серьезного внимания и изучения. Это привычная вещь, которая всегда будет рядом, и ею можно заняться завтра, или в старости, когда «делать будет больше нечего». Для неофита же обретенная вера отвоевана, выстрадана, ее священный статус непререкаем. Неофит возмущен столь небрежным отношением к обязанностям мусульманина, его ввергает в шок наличие на столе «этнического» мусульманина бутылки коньяка или отсутствие на голове женщины мусульманского платка. Он считает этих людей «джахилиями» – невежественными, а те, в свою очередь, считают хамом его самого – за неуважение к их праву свободно решать, что и когда им соблюдать. Обвинения в **невежестве** здесь всегда взаимны.

Вторжение новичка в привычный ход жизни «этнического» ислама вызывает не только раздражение, но и активное **недоверие** – как к чуждому, пока не изученному элементу. Оно находит отражение в народном фольклоре, а иногда и в агрессивных выступлениях против принятия русскими исламской веры.

Наивысший пик таких настроений отражается в вечной и универсальной **теории заговора**. Русские мусульмане представляются сторонникам этой теории засланными сотрудниками спецслужб, сионистскими разведчиками, американскими шпионами и кем угодно еще, поскольку непременно в мире существуют силы, жаждущие развалить мирный и богатый уклад местной деревни, посеять в крепких рядах мусульман вражду, выявить все их «секреты» и использовать доверчивость лучшего из народов в своих корыстных и низких целях.

О ПРЕОДОЛЕНИИ

Желание избежать конфликта и влиться в систему безболезненно – вполне естественно для человека. Любому из нас свойственно ожидать от окружающих некоторой лояльности, а уж мусульманину и вовсе вменяется в обязанность думать о людях хорошо, пока нет веских оснований думать о них плохо. Научиться воспринимать людей такими, какие они есть, – это большой труд, это целое искусство; необходимо для этого много времени, усилий, опыта. Неудивительно, что многим

неофитам не хватает в этом деле терпения, а многим «этническим» мусульманам – элементарного такта по отношению к неокрепшим братьям.

Но конфликты в обществе существуют специально для того, чтобы через них общество развивалось. Невозможно соединить одну общность с другой, не получив при этом какого-либо побочного эффекта. Выявить причины и сделать выводы – это, пожалуй, единственный возможный рецепт, потому как человеку свойственно ошибаться, учитывать свои и чужие ошибки и – ошибаться снова.

И наблюдая все возможные конфронтации, взаимные упреки и недоверие двух разных групп мусульман, «этнических» и «неэтнических», можно упустить из виду мирно существующих верующих, не делящихся на национальные группы и не испытывающих никакого дискомфорта при общении друг с другом. О них не говорят и не пишут, ибо это явление позитивное, а значит, не несущее в себе никакой интриги для общественных наук. Однако само их существование намекает нам на тот простой факт, что при большом желании и некоторых усилиях любого противостояния в обществе можно избежать.

РУССКИЙ ИСЛАМ МЕЖДУ ТЕОЛОГИЕЙ И ИСТОРИЕЙ

Игорь Алексеев*

Процесс принятия русскими ислама, как говаривал М.С. Горбачев, – пошел. Этот процесс, чтобы о нем ни думали и ни говорили новоявленные русские националисты, «православствующие» патриоты и фундаменталисты, «иудействующие» либералы, является абсолютно естественным выбором духовно здорового человека, обладающего той *фитрой*, с которой, как говорил Пророк (Мир ему и благословение Всевышнего), рождается человек, которого лишь родители превращают в иудея, христианина или огнепоклонника.

«Русский ислам – уже не экзотика, еще не традиция. Но в самом сочетании русской культуры и мусульманской веры российскому подсознанию все еще видится какая-то непринужденная провокация. Возможно, такая провокация и есть скрытое «я» коллективного русского мусульманина – явления, обреченного на публичность», – пишет Галина Бабич, один из наиболее ярких русских мусульманских публицистов в статье с характерным названием «Правоверные без уммы»¹.

Эта публичность, как мне кажется, обуславливается (и во многом осложняется) тем, что *фитра* «нового мусульманина» прорывается через двойной кордон – кризис идентичности русского сознания и религиозно-политический кризис мусульманского мира. В результате хорошо известный синдром неопита, стремящегося «быть святее папы Римского», т.е. в нашем случае – более мусульманином, чем самые ревностные мусульмане, дополняется проблемой выбора пути уже внутри того мира, который принимается как ислам. Блестящие социологические и политологические эссе авторов этого номера «Четок» – русских мусульманок – прекрасно раскрывают проблему становления личности, обретающей новую жизненную парадигму. Отдавая себе отчет в абсолютной необходимости подобной рефлексии социализации человека в духовном поиске, пишущий эти строки, однако, не считает себя вполне компетентным, чтобы поддержать дискуссию на профессиональном уровне. Вопросы, относящиеся к социально-психологической адаптации и духовному наставлению новообращенных верующих не только должны быть в центре внимания

* Игорь Леонидович Алексеев (р. 1975) – кандидат исторических наук, исламовед, директор научных программ Фонда Марджани.

¹ Галина Бабич. Правоверные без уммы // ИГ-Религии. – 2010. – 15 декабря // http://religion.ng.ru/people/2010-12-15/6_umma.html

мусульманских религиозных деятелей, но и стать предметом отдельного рассмотрения социологами и социальными психологами, на что совершенно справедливо указывает Г. Бабич в цитированной работе.

Мне же как исламоведу (т.е. историку ислама) со своей стороны кажется важным поставить некоторые более общие вопросы.

Как сочетается ислам с русской этничностью и этничностью традиционных мусульман внутри России? Как влияет духовный опыт «нового мусульманина» на его ориентацию в исламском пространстве? Каковы, наконец, последствия такого выбора для ислама и для русского общества?

До какого времени так называемый «новый мусульманин» остается «новым». Сколько должно пройти лет, поколений, эпох, чтобы он или его потомки были признаны такими же «традиционными мусульманами», как и другие? Являются ли в аналитических категориях авторов, пишущих на эти темы, дети нынешних русских, принявших ислам, уже «этническими» мусульманами или для этого требуется формирование какой-то особой русской исламской этничности? В последнем случае – может и должно ли это привести к выделению русских мусульман из общей этнической совокупности русских в качестве отдельного этноса или субэтноса по примеру, например, боснийцев или помаков?

Ислам как мировая религия, обращенная к человечеству в целом, имеет длительную историю культурной адаптации неофитов. Строго говоря, ислам сам по себе не является синонимом «мусульманской культуры». Скорее он выступает, – по удачному выражению духовного наставника движения «Мурабитун» шейха Абдулкадира ас-Суфи, идеи которого в России транслирует Национальная организация русских мусульман (НОРМ) и ее лидер Вадим Сидоров, – «культурным фильтром», через который просеивается культура того или иного народа, принимающего ислам. С помощью этого фильтра дозволенное отделяется от запретного, но этнические особенности и культурные достижения сохраняются. Именно поэтому в средневековом халифате ни один народ не утратил своей специфики и не был ассимилирован.

Тем не менее механизмы адаптации новообращенных, выработанные исламской социальной традицией, были сформированы в традиционном обществе и носили соответствующий характер. Люди, входившие, по кораническому выражению, в ислам «толпами», принимались в *умму* также всем миром. До Новейшего времени проблема социально-психологической адаптации индивида в мусульманском обществе либо не стояла, либо решалась чисто социальными способами – включением неофитов в существующие социальные структуры – расширенную семью, племя или род, соседскую общину, *тейп* и т.д.

Когда эти институты не справлялись со слишком многочисленными потоками новых мусульман, подобно тому, как обстояло дело с персидскими *мавали*¹ в бичу-

¹ Мавали (ед. ч. *маула*) – букв.: «находящийся под покровительством, клиент». Новообращенные мусульмане неарабского (*аджам*) происхождения, в раннеисламскую эпоху становившиеся, согласно традиционной арабской социальной практике, клиентами под патронажем того или иного арабского племени, что в период правления халифов из династии Омеййадов (661–750) обуславливало их подчиненный статус по отношению к мусульманам-арабам.

емую русской мусульманкой Анастасией Ежовой омейядскую эпоху, среда новообращенных становилась питательной почвой для оппозиционных и еретических с точки зрения государственной власти религиозно-политических течений. Именно в этой среде возникали оформленные в исламских терминах антихалифатские движения, подобные аббасидскому, и опиравшиеся на различные формы крайнего шиизма, хариджизма, синкретических эзотерических доктрин, замешенных на манихействе, маздакизме, неоплатонической и гностической метафизике с активной иудейской закваской. Собственно, именно на этой почве тот же шиизм, родившийся в арабской среде (правда, не без участия выходцев из поверхностно иудаизированной среды Южной Аравии, о чем свидетельствует пример 'Абдаллаха б. Саба), как протестное политическое движение в поддержку одного из претендентов на халифат, приобрел характер самостоятельной религиозной доктрины в такой степени, что многие суннитские ученые классической эпохи вообще отказывались считать эту доктрину исламом или, подобно андалусскому правоведа Ибн Хазму и иранскому доксографу аш-Шахрастани, характеризовали шиитов как «иудеев ислама».

Этот религиозно-политический нонконформизм, бывший в глазах суннитского мейнстрима не чем иным, как *фитной* – т.е. смутой, которая, согласно Корану, – хуже убийства, не прошел бесследно для исламизированных народов Ирана, «обоих Ираков»¹, Хорасана и Мавераннахра, где вплоть до X в. то и дело вспыхивали антисистемные восстания, идеологической почвой которых был манихейско-маздакитский синкретизм поверхностно исламизированных масс – то, что средневековые источники обозначают термином «зандака».

Вместе с тем когда аббасидская революция уравнила в статусе арабов и *мавали*, последние придали мощнейший импульс культурному и политическому развитию халифата, дав исламу несколько поколений богословов, историков, хадисоведов, филологов, правоведов, естествоиспытателей, с именами которых ассоциируется расцвет классической исламской цивилизации. Имена Абу Ханифы, ат-Табари, ал-Газали – говорят сами за себя, но к ним можно добавить еще сотни хорошо известных имен ученых и государственных деятелей, составивших цвет эпохи классического ислама и определивших ее лицо.

С другой стороны, те же Омейяды, свергнутые в 750 г. на востоке *дар ал-ислам*, основали свой эмират на крайнем западе – в ал-Андалусе, где мусульмане местного, неарабского, происхождения – *муваллады* – органично влились в арабомусульманское общество, став основой и носителями андалусской исламской идентичности, не только арабоязычной, но и гораздо более арабской по духу, чем в восточных областях халифата. То же едва ли не в большей степени можно сказать о Сирии и Египте, где арабизация не только не означала утраты локальных идентичностей, но сами эти идентичности в значительной мере сформировали различные

¹ Средневековая арабская географическая традиция выделяла Ирак Арабский, приблизительно соответствующий нынешнему Ираку, и Ирак Персидский – сопредельные с междуречьем области сегодняшнего Ирана.

и самобытные версии того, что сегодня мы называем «арабизмом» и арабской национальной культурой.

Третья модель исламизации в «классический» период мусульманской истории – тюрки. В распространении ислама в тюркских степях изначально огромную роль играли суфийские наставники, включавшие новообращенных в патронажную систему братства – *тарикат*, становившийся духовным аналогом племени, где *мурид* становился шейхом, а *мурид* – своего рода «клиентом», *маула* своего духовного патрона. Суфийские братства вопреки расхожему романтическому стереотипу практически с самого начала были не монашескими обителями в исламе, а патронажно-клиентельными структурами сетевого типа, и этот принцип позднее стал доминирующим в мусульманском обществе. Именно тарикаты сохранили ислам как *дин* – целостный образ жизни и систему социальных и духовных ценностей и практик, – когда под ударами монголов пал не только Багдад, но и разрушились структуры «государственного» халифатского ислама, а сам халифат, как принцип власти, символически был сохранен мамлюкскими султанами Египта, давшими убежище последним отпрыскам аббасидской фамилии. Кроме того, с X в. тюрки становятся фактическими правителями значительной части восточных областей исламского мира, которыми они управляли, ориентируясь на «просеянные» через фильтр ислама идеалы персидской политической культуры. В целом же известный любому, кто знаком с историей мусульманского мира, масштаб влияния персидской культуры на все тюркские народы исламского ареала не только не привел к ассимиляции тюрков, но и позволил им создать тип исламской культуры, сначала абсорбировавший новую волну кочевой *джахилии* в виде монгольского нашествия, а впоследствии давший начало очередному периоду исламской истории, закончившемуся только в XX в. Иранский Азербайджан, тимуридские государства Мавераннахра, джучидские ханства Центральной Евразии и Османская империя – лишь наиболее очевидные тому примеры.

Для чего же, спросит читатель, понадобилось нам столь пространное историческое введение, не имеющее, казалось бы, прямого отношения к обсуждаемой теме? В ответ мы лишь вынуждены повторить кажущееся уже банальным высказывание о том, что без прошлого нет ни настоящего, ни будущего. Однако, на наш взгляд, в контексте обсуждаемой темы это высказывание становится отнюдь не банальным.

Сегодняшние русские мусульмане, желающие быть мусульманами и оставаться русскими, строя свою новую идентичность, не могут не адресовываться не только к собственной или европейской истории, но и к истории ислама не только как религиозной доктрины, но и как *уммы* – социальной, культурной и политической реальности исламского мира – *дар ал-ислам*, – принадлежности к которому они – независимо от их предпочтений по этому поводу – обретают вместе с *шахадой*. Более того, они обязаны адресовываться к этой – уже теперь их общей с остальными мусульманами – истории, если только они не хотят действительно остаться «правоверными без *уммы*» или впасть новую *зандаку* – очередную маргинальную «ересь» какого-

нибудь *такфиризма*, *джихадизма* и политического *исмаилизма*, где их благие намерения вымостят не дорогу в Рай, а путь к очередной смуте и нечестию.

В этом смысле Россия, гораздо более тесно связанная с мусульманским миром, чем, допустим, Британия, Франция или Германия, бывшая практически его частью в ордынский период и включавшая в себя часть этого мира в имперский и советский периоды, как имеет определенные преимущества на своем пути в ислам, так и сталкивается с серьезными трудностями. Сегодняшний русский интеллигент, изживающий в себе историческую ошибку князя Владимира Святославича, крестителя Киевской Руси, нуждается не только в личном принятии ислама, но и в том, чтобы, как выразился в свое время ветеран русского исламского движения и пионер «публичного» русского ислама Али Вячеслав Полосин, «ислам его принял».

Можно, подобно А. Ежовой, снисходительно отмечать, что искавшие «чистой духовности» русские неопиты-мусульмане 1980-х гг. «не вышли за пределы христианской системы координат» – радикализм и априорность оценочных суждений свойственна юности – как биологической, так и духовной. Но действительно невозможно, определяя *дин* по словарю Х.К. Баранова, достичь понимания того, что в отличие от так называемого «политического ислама» в любых его версиях – от *джемализма* до *ихванизма* – есть даже не «образ жизни», а просто жизнь в Боге с опорой на шариат, живая практика веры и деяния, закрепленная не в «примордиальной» или еще какой-то умозрительной «Традиции», а реальной культурно-исторической религиозной традиции (*таклид*), аккумулирующей достигнутое *иджтихадом* праведных предков (*ас-салаф*) знание (*'илм*, *фикх*) этого *дина*, концепция которого аналогична ветхозаветной концепции Закона. Это знание на практике состоит из конкретных норм (*ахкам*, ед. ч. *хукм*) шариата, которые являются не абстрактной доктриной, а конкретными решениями частных этико-правовых коллизий (*мас'ала*), возникавших в определенных ситуациях в определенное время и обусловленных этой конкретикой. Безусловно, эти решения знатоков Закона (*'улама' ад-дин*) основывались на Священном Коране и пророческой *сунне*, но они вместе с тем являются лишь «ветвями» (*фуру'*), того древа шариата, корни которого представляют собой Священные тексты (*насс*).

Из этого очевидно, что *дин ал-ислам* – это не идеологическая доктрина, представление о которой получают из рук «рафинированных московских интеллигентов», а реальная жизненная практика сообщества верующих людей, знания которой можно достичь только в живом общении с теми, кто достиг высот именно в этой практике, а не в метафизических умозрениях, сколь гениальны бы они ни были. Без включения в конкретную практическую, а не сугубо книжную традицию русские мусульмане как феномен обречены на маргинализм в обеих средах – и русской и исламской.

В этом отношении, «этнический» ислам мусульманских народов России, сколь косными ни казались бы его отдельные проявления начитанным в нищезанстве и экзистенциальной философии, потерянными в постмодерне русским интеллигентам, достоин внимания ищущих истинного пути как исторический **опыт**

(не образец, а именно опыт – с достижениями и провалами, правоведем и заблуждением, праведными деяниями и грехами) – практики ислама в конкретно-исторических условиях этой страны. И именно этот исторический опыт был и остается подлинным русским исламом, и только он им и будет – вне зависимости от этнических компонент этого сообщества. От того, приобретут ли русские на пути в ислам этот исторический опыт и станут ли они таким образом причастны к общеисламской истории, и зависит, в сущности, ответ на вопрос: «Может ли русский быть мусульманином?»

CHERCHEZ L'HOMME*

Анжелика Победоносцева**

Однажды в интервью¹ с «модным исламоведом», за глаза называемым исламофобом Р. Силантьевым я услышала примерную статистику русских мусульман. По его подсчетам, цифра была примерно 6 тысяч, львиная доля которых приходилась на сменивших вероисповедание русских жен мусульман. Другая часть, по мнению Силантьева, подразумевала русских, примкнувшим к экстремистам.

Феномен русского ислама давно вызывает пристальный интерес, хотя бы из-за того, что переход в ислам среди православных священников (пример оппонента Силантьева – Али Вячеслава Полосина) как венец поиска истины наблюдается часто, в то время как обратная картина о достижении православного духовного сана бывшими мусульманами не встречается вовсе.

О том, что так привлекательно в исламе для русских, было сказано многими и не раз. Специфика его интересна тем, что русские мусульмане воспринимают догматику ислама в так называемом чистом виде, вне примеси традиций, присущих мусульманским народам. Годы и даже десятки лет коммунистических идей, создав духовный вакуум, разрушили привычку ритуальной практики, с одной стороны, а с другой – высвободили потребность духовного. Соблюдая ежедневную молитву, пост и праздники, русские мусульмане не привносят в ритуал старые русские традиции и элементы славянского языческого культа, как это произошло, например, с Масленицей и ночью на Ивана Купала. Разве что салат оливье из *халляльной* курочки на стол поставят по случаю *ифтара*.

Силантьев неспроста обратил внимание на межэтнические и межконфессиональные браки, которые, безусловно, являются для прекрасной половины одной из основных причин принятия ислама, но тем самым девушки вливаются в иную для них культурную среду, и назвать их, принимающих правила игры новой семьи, русскими уже сложно.

*Ищите мужчину (*фр.*).

** Анжелика Олеговна Победоносцева (р. 1981) – выпускница Санкт-Петербургского государственного политехнического университета и Санкт-Петербургского государственного университета. Соискатель на кафедре истории стран Ближнего Востока восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

¹ Все главное сегодня. Молодые представители славянских народов в России все чаще принимают ислам // <http://www.rusnovosti.ru/guests/visitor/46628/>

В странах с преобладающим мусульманским населением на данный момент существует почти шаблонное мнение, что если девушка принимает ислам, то она обязательно перед этим должна выйти замуж за мусульманина.

Стереотип, что русские не могут быть мусульманами, укрепился столь значительно, что и не подразумевает иных вариантов, и самостоятельное решение вызывает когнитивный диссонанс. Пример некоторых моих знакомых заставил пристально взглянуть на проблему взаимоотношений русских девушек с представителями народов, традиционно придерживающихся мусульманского вероисповедания. Кому-то тон этого текста покажется излишне жестким, кто-то может узнать себя, а для кого-нибудь будет приятно себя не узнать.

Сюжеты историй, речь о которых пойдет ниже, не сильно отличаются. Модель «свадьба–развод» выражена во всех трех с той лишь разницей, как справились со своими личными переживаниями сами девушки, делая свой выбор в пользу ислама или же действуя по пути наименьшего сопротивления.

Ответственность «за того, кого приручил», лежит на мужчине как на причине поворота головы в сторону ислама. Когда в стадии задаривания подарками и романтики эта голова теряется, итогом будет свадьба, а невеста до нее или после принимает ислам, причем чаще всего делая свой выбор ради довольства будущего супруга, жениха, а не в пользу своей души.

Ирина со своим супругом познакомилась в университете. Общие лекции и занятия, интересы – и взаимная симпатия переросла в нечто большее. Поначалу не понимая, что есть ислам, *никах* и зачем это все нужно, она согласилась выйти замуж. Свадеб, надо сказать, было три – *никах*, загс в России и церемония с повторным *никахом* на родине жениха.

Путь Инны к исламу был непонятен и тернист. Долгое время она спорила с родственницами мужа на предмет одежды и необходимости закрываться по шариату. Надо отдать должное родным ее мужа, которые смотрели на чудачества Инны снисходительно и давления не оказывали. В конечном итоге Инна пришла к исламу и ударились в крайности, кардинально сменив гардероб, выучив тексты молитвенных формул, стала практиковать новый образ жизни.

На фоне несоблюдающего и немного ленивого супруга ее старания крайне ностораживали ее родителей, которые, в свою очередь, выбор единственной дочери не одобряли, а особенно – решение Инны о хиджабе, который несколько месяцев ей все-таки удалось проносить. Кончилось это все тем, что Инне наскучили то ли муж, то ли его нежелание поддержать религиозное рвение супруги, то ли все вместе, и она захотела развестись. Воспротивившийся ее желанию супруг старался как мог, даже снял удобную квартиру (а жили они вместе с родителями Инны), но девушка была непреклонна и после развода «пустилась во все тяжкие». Стала ходить на концерты, сменила стиль одежды на чуть ли не более откровенный, чем он был до замужества. С удивлением и радостным «прозрением» говорила, что за пять лет замужества не знала, «что в мире делается». В глазах ее родителей образ ислама существенно помутнел и на момент нашего общения воспринимался крайне негативно.

В одну реку нельзя зайти дважды, как и прийти второй раз к исламу. По крайней мере это возвращение удается не многим. Долгое время я не видела ни саму Инну, ни ее родителей, но, когда до меня снова донеслись весточки о ней, оказалось, что она вышла замуж за мусульманина и переехала на постоянное жительство в другую страну. Свой период «помутнения сознания» она вспоминает с грустной самоиронией и не носит хиджаб в присутствии своих родителей.

У Марины знакомство с будущим мужем произошло практически при тех же условиях. Университет, факультет, одна группа, одни друзья и подруги, общие лекции и занятия, интересы. Жених не отличался особым религиозным рвением и не принуждал Марину. Не выказывая особого интереса, она пришла к исламу через полгода с момента начала их отношений. Позитивную реакцию его родных и негативную ее родителей понять можно без особого труда. Первые, будучи религиозными, желали, чтобы у сына был достойный и *халяльный* брак и радостно откликнулись на неожиданный телефонный звонок. Сын сообщал, что Марина хочет стать мусульманкой, и спрашивал, что для этого требуется. Вторые отреагировали менее радостно.

Полагаю, что далеко не все иностранные студенты-мусульмане осознают ответственность, сваливающуюся на их головы вместе с русской женой. Со временем девушка, освоив основные правила поведения, поверив и приступив к выполнению религиозных обязанностей, с удивлением обнаруживает, что муж совершенно не желает следовать даже минимальным требованиям ислама. Пятничный намаз, как и все остальные, у него «проходил» дома на диване, пост в Рамадан считался угрозой слабому здоровью в питерском климате, посещение воскресной школы порицалось из-за непонятных супругу достоверных *хадисов* и необходимости постоянного саморазвития. И в довершение всего масштаб норм поклонения возрастал, а ношение хиджаба Марине было разрешено лишь частично, и ни в коем случае не на занятиях.

Молодую семью ждало новое испытание – переезд из мегаполиса в небольшой областной центр с суровыми условиями проживания вдаль от родных и друзей. Семейное счастье затрещало по швам, и после шести лет брака они разошлись. Еще пару лет Марина держалась, соблюдая максимально предписания, что значительно поддерживало ее моральный дух в условиях северного заполярного города. Но по ее возвращении в Петербург сменилось окружение, а вслед за ним – и приоритеты. Она все больше стала отдаляться как от ислама, так и от тех, кто был связан ее с «прошлой» жизнью, отвергая потенциальных супругов, которые доступны мусульманке, мотивируя это тем, что «все мусульмане одинаковы» и с любым мужчиной-мусульманином ее ждут те же проблемы.

В то же время разрешились ее проблемы с родителями, не одобрявшими выбор дочери в духовном и семейном плане, но так или иначе поддерживавшими ее в период психологического кризиса. Наверное, именно потому, что с Мариной мы общались достаточно тесно, пример ее неудачи все чаще напоминал мне об *айате*: **«Вам предписано сражаться, хотя это вам неприятно. Быть может, вам неприятно то, что**

является благом для вас. И быть может, вы любите то, что является злом для вас. Аллах знает, а вы не знаете» (2:216).

Эту историю я вспоминаю практически всегда, когда общаюсь с девушкой, собирающейся стать супругой мусульманина и принять ислам.

Как она себя поведет, если, не дай Бог, в случае развода ей придется уйти из семьи? Не откажется ли она от того, что избрала, из-за разрыва с человеком, с которым ее выбор был связан?

«Среди людей есть и такой, который поклоняется Аллаху, находясь на грани между верой и неверием. Если ему достается добро, то благодаря этому он чувствует себя уверенно; если же его постигает искушение, то он оборачивается вспять. Он теряет как этот мир, так и Последнюю жизнь. Это и есть очевидный убыток!» (22:11).

Потому как, «став» мусульманкой лишь для того, чтобы угодить мужу, через несколько лет после развода девушки могут с легкостью оставить веру (если таковая, конечно, была), за которую они готовы были бороться в самом начале, обострять отношения с семьей, с родными, друзьями, коллегами, со всем «непонимающим» окружением.

По прошествии семи лет распался брак у Екатерины. Это было удивительно, так как, если в предыдущих историях степень религиозности сильных половин оставляла желать лучшего, то муж Екатерины являлся человеком, не только знающим ислам, соблюдающим *фард*¹ и *нафиль*², но и преподавателем в мусульманской воскресной школе, будущим *хафизом* Корана, организатором множества межкультурных мероприятий, хорошим врачом и так далее. Екатерина стала мусульманкой до замужества, но, видимо, даже в такой семье не обошлось без размолвок. В этом случае бракосочетаний тоже было три – они чередовались с разводами – и после третьего развода совместная жизнь, по шариату, стала невозможной.

У этой истории, можно сказать, счастливый конец. После развода Екатерина не отказалась от ислама и примерно через год встретила своего второго мужа. Сейчас они ждут уже второго малыша.

Для большинства «этнических» мусульман существует негласное «условие», что сочетаться браком они могут лишь с девушкой одной с ними религии. Стереотип этот устойчив из-за недостатка информации, причем не в пользу будущего супруга, и очень часто девушка сама не понимает, на что соглашается.

Если брак крепкий, ценности у обоих одинаковые и, что немаловажно, имеются общие цели, возможно, появляются дети – и образ примерной семьи окончательно закрепляется в сознании супруги. Но со временем могут расти противоречия бытового, социального, ментального, и, что необходимо учитывать, религиозного характера. Звучит банально, но без психолога мало кто в такой ситуации сможет разобраться.

¹ Фард – зд.: обязательный намаз.

² Нафиль – зд.: дополнительный намаз.

Хотелось бы сказать, что я не знаю примеров разводов в адекватных, соблюдающих предписания шариата семьях, но даже шариат неспособен противостоять самому ненавистному из разрешенного Всевышним.

Если девушка стала мусульманкой, то в большинстве случаев можно сказать: ищите мужчину, который привел ее в ислам.

ПРЕДАЛИ ВЕРУ ПРЕДКОВ...

Николай Ткачев*

С легкостью преодолевая нарочито воздвигаемые барьеры, ислам, подобно воде, растекается во все уголки России. Ислам, близкий русской культуре и русскому духу, звучит в унисон с душевными позывами многих русских людей. И вот сегодня мы наблюдаем не просто отдельных личностей, принявших ислам, а целые русские семьи, исповедующие ислам, и их детей – русских мусульман во втором поколении. Это необратимый процесс: активно формируется новая общность: русские мусульмане. Причем мусульмане, связывающие свое будущее с Россией. Любящие Россию и свой народ.

Удивительное свойство русских заключается в постоянном богоискательстве. В перманентном поиске ответа на вопрос «что есть истина?». В этом поиске русские прошли долгий путь идеалистического атеизма в виде язычества. За ним трудный и трагичный путь еще одного вида идеалистического атеизма – в виде христианства. За ним путь материалистического атеизма – в виде коммунизма, и слава Всевышнему, что на это понадобилось всего 70 лет.

Примечание: атеизм бывает нескольких видов:

– материалистический атеизм – прямо отрицающий существование Бога (напр.: коммунизм). Утверждает: Бога нет;

– идеалистический атеизм – подменяет представления о Боге (напр.: христианство). Говорит: Бог есть, но это икона, статуя, Иисус и т.д.

Однако до сих пор порой можно услышать подобный укор: «штош ты веру предков-то предал?» Следом, как правило, вспоминают солдата, который погиб от кинжала злого чечена, но веру предков не предал. «Христос на кресте мучился за тебя, а ты...»

Об этом – об отождествлении национальности и религии и хотелось бы поговорить.

Нам, русским мусульманам, понятно, когда о «вере предков» говорят неоязычники – можно признать за ними на это хоть какое-то историческое моральное право. Но мне совершенно не ясно когда подобную риторику поднимают христиане – у них на это нет ни исторического, ни какого-либо другого права.

* Николай Николаевич Ткачев (р. 1985) – юрист в сфере телекоммуникаций и информационных технологий. Принял ислам в 2005 г.

Не беря в расчет раскопки поселений на территории Великого Новгорода и Украины, свидетельствующие, что предки русских проживали там, как минимум, 20 тыс. лет назад, возьмем для примера старославянский календарь, который был отменен лишь при Петре I, и по летосчислению которого крещение Руси происходило в 6496 году.

Возникает вопрос: если из всей истории русского народа христианство занимает лишь одну тысячу лет, то каким историческим моральным правом христиане самонаделяют себя правом заявлять о христианстве как об исконной вере русских? Гораздо убедительнее с этим заявлением выглядят неоязычники, обвиняющие в предательстве предков, как русских мусульман, так и русских христиан.

Возможно, кто-то парирует, что, конечно же, исторического права заявлять так у христиан нет. И, очевидно, что христианство, не исконно русская вера. Но христианство было принято русскими, адаптировано под русских, стало полностью русским. Это окончательный и бесповоротный выбор русских. «Вы Достоевского-то читали?»

Да, можно согласиться, христианство действительно было принято русскими. Здесь важно отметить, что невозможно согласиться с язычниками, утверждающими о полностью насильственной христианизации. Равно как русские приняли христианство в результате присущего им как народу богоискательства, равно так же в результате того же богоискательства русский мужик окончательно похоронил христианство, напрочь отказавшись от него в 1917 году.

Ведь не большевики, коих было 5 тысяч на всю империю, рушили церкви и гоняли попов. Нет, это именно простой русский мужик без зазрения совести крушил православные храмы, да и к попам тоже жалости не испытывал.

Возникает следующий вопрос, к попам. Население России перед революцией минимум на 80–85 % было безграмотным. Православный храм (с грамотными попами) был если не в каждой деревне, то в каждом селе точно. Телевидения, радио еще не придумали. Церковь была, по сути, единственным окном просвещения и воспитателем для крестьянства. Вопрос: чему же учила церковь свою паству, что эта паства в 17-м году развернулась против этой самой церкви и попов?

«И действительно, никогда ни одна религия не проповедовала таких явно несогласных с разумом и с современными знаниями людей и таких безнравственных положений, как те, которые проповедует церковное христианство. Не говоря уже о всех нелепостях Ветхого Завета ...про которые Вольтер еще говорил, что «были и есть всякие нелепые религиозные учения, но никогда еще не было такого, в котором главный религиозный акт состоял бы в том, чтобы есть своего Бога» (Л.Н. Толстой: «Что такое религия и в чем сущность ее?»).

Искусство хорошо отражает народную мысль соответствующего времени. Ведь художники, писатели не придумывают на пустом месте, но, впитывая народные идеи, настроения, выдают в народ картины, произведения, пропитанные этой народной идеей.

Тот, кто считает картины Перова преувеличением, пусть, например, обратится к книге академика, генерала А.Н. Крылова «Мои воспоминания».

Или к мемуарам генерала А.И. Деникина, где он описывает события революции: в первую же неделю после отречения от престола императора Николая II в действующей армии 80 % солдат перестали ходить на исповедь к полковым священникам. А в последующие несколько месяцев перестали ходить и остальные.

Этого достаточно, чтобы поставить точку. Русские навсегда отвергли христианство как пройденный этап; христианского ренессанса не случится, как бы кто этого ни хотел. Особенно в сегодняшнем варианте, когда власть, оказавшись в положении цугцванга, боясь идеологического вакуума, вынуждена была поспешно достать из нижнего ящика стола порядком запылившего там бога Иисуса Христа. Я даже не затрагиваю вопрос о социальной выхолощенности христианства, ввиду чего оно может восприниматься народом не более как обряд, но не как источник жизненных сил и руководство к действию в повседневных делах.

Также вряд ли можно согласиться с мечтаниями неоязычников. Невозможно силой заставить народ поменять веру. Как невозможно было бы низвергнуть христианство, если бы его поддерживало население, точно так же невозможно было бы низвергнуть язычество и насильственно крестить Русь, если бы весь народ поддерживал язычество. Потуги большевиков (повторюсь – 5 тысяч человек) и князя Владимира оказались бы тщетны. Ровно насколько христианство изжило себя к 1917 году, ровно настолько изжило себя язычество к 988 году. Ровно насколько осточертели лощеные попы русскому мужику в 17-м году, ровно же настолько осточертели ему и жрецы в 988 году.

Сейчас русские на духовном перепутье. В очередном поиске. И потому на духовных прилавках России с каждым днем появляется все больше суррогатных учений религиозного характера, замешенных на буддизме, даосизме, индуизме, пантеизме, конфуцианстве, брахманизме, сайентологии и т.д. Не захлебнуться в этом океане может помочь только Различение, даруемое Всевышним.

РУССКИЕ МУСУЛЬМАНЕ В ИСТОРИИ РОССИИ*

*Ахмад Макаров***

ФАКТЫ

Мусульмане и Россия, ислам в России, ислам на Руси, ислам и русские ... Эти понятия в самых разных сочетаниях самым причудливым образом переплелись в нашем сознании и еще больше – в нашей истории. Одни считают, что они взаимоисключают друг друга, другие же, напротив, уверены, что одно не может существовать без другого. Для того чтобы разобраться в этой проблеме, нам придется погрузиться в мир известных и не очень фактов, а также старых и новых мифологем.

Одним из самых интересных, обсуждаемых и осуждаемых сюжетов в жизни российского мусульманства является тема русских мусульман, или, говоря несколько шире, новых мусульман. Одни объявляют их спасителями России от всяческой скверны, единственно правильными мусульманами на российских просторах, другие готовы считать их поголовно террористами, экстремистами и прочими «-истами» и видят в них главную угрозу России. Для того чтобы разобраться, являются ли новые мусульмане «спасшейся группой» или же «наиболее криминализованной этноконфессиональной общностью России», давайте для начала попробуем разобраться в их истории.

Говоря об исторических корнях новых мусульман России и всего остального мира, необходимо прежде всего заметить, что во времена оны все предки всех современных мусульман были «новыми». Впрочем, так же, как и предки христиан, иудеев или буддистов. Не явились исключением в этом процессе арабы, персы, турки или народы Кавказа. Разница состоит лишь во времени принятия ислама и в растянутости процесса. Но почему-то сегодня именно «новые мусульмане» попадают под пристальный контроль СМИ и силовых структур. Почему, в чем причина этого явления и насколько это внимание обоснованно, и попробуем мы с вами разобраться вместе, общими усилиями.

Возвращаясь к теме новых мусульман, приходится упомянуть и о следующем факте: сторонники жесткого прессинга в адрес этой группы утверждают, что ее

* Печатается в авторской редакции.

** Дмитрий (Ахмад) Витальевич Макаров (р. 1969) – мусульманский публицист. Научный сотрудник НИИ им. Х. Фаезханова. Член редколлегии и автор серии энциклопедических словарей «Ислам в Российской Федерации». Основная тематика исследований – этносоциальные процессы в мусульманском сообществе России. Автор серии передач «Наследие» на интернет-телевидении islamtv.ru. Автор более 350 публицистических, научных и энциклопедических статей.

члены полностью нарушают традиции российского общества. Однако приходится констатировать, что это не так, и явление новых мусульман в нашей истории существовало и ранее. Как же это происходило, и куда они девались потом?

Нам неизвестно, когда и как русские начали принимать ислам. Возможно, это начало происходить еще в период активного взаимодействия Северо-Восточной Руси с Волжской Булгарией. Интенсивные торговые контакты, как правило, ведут и к культурным связям, а совместное проживание неизбежно приводит к межэтническому взаимодействию и влиянию культур. Кроме того, очень тяжело для этого времени определить, что скрывается под понятием «русский». Например, относятся ли к русским восточные финны, проживавшие в Верхнем Поволжье и Окско-Клязьминском междуречье – меря, мурома, их соседи весь? Известно, что болгары имели крайне обширные связи с этими племенами – в первую очередь эти связи имели характер торговых отношений. Драгоценные меха лисиц и соболей выменивались на изделия из цветного стекла, оружие, наконец, просто покупались за серебряные монеты. Недаром именно в это время знаменитые поясные накладки болгарского производства настолько прочно вошли в быт этих финнов, что уже через них вошли в моду скандинавских и русских дружинников (в дружинах служили воины различного происхождения, часть их принимала общую культуру, часть приносила что-то свое, воины – меря и мурома в числе прочего принесли предметы болгаро-хазарской воинской культуры).

Когда Верхнее Поволжье подчинилось русским князьям, то значительная часть местного финского языческого населения ушла отсюда, причем ушла в уже мусульманскую Волжскую Булгарию. Их памятники прослеживаются там археологически вплоть до ордынского времени, и, по мнению специалистов, впоследствии они, по крайней мере частично, ассимилируются в болгаро-татарской этнической среде, мусульманской по религиозной принадлежности. Подтверждается этот факт и русскими летописями. Как писал «Казанский летописец»: «Наполни такими людьми землю ту еще ина черемиса, зовемая отяки, тое же глаголют ростовская чернь, забежавши та от крещения русского в болгарских жилищах...»

Как известно, большая часть меря, а также мурома и веси, оставшейся в местах своего прежнего проживания (Владимирская, Ивановская, Московская, Тверская, Ярославская и др. области), с течением времени ассимилировалась в русской среде. Именно они считаются отцами знаменитого «рязанского лица».

Можно ли считать русскими норманнов, проживавших в Восточной Европе? Казалось бы, какие русские из шведов, датчан и норвежцев? Такие же, как из Рюрика, Олега, Владимира и других князей из рода Рюриковичей. Но кроме самих князей – конунгов скандинавского происхождения были еще и их разноплеменные дружины, где доминировал все тот же варяжский воинский морально-этический комплекс. По крайней мере среди поставивших свои подписи на договоре с Константинополем дружинников Олега половина носит скандинавские имена. Да и само название Русь, по одной из версий, происходит от финского «руотси», означающего «швед». Разделяли русов и славян и арабские путешественники (включая арабыязычных персов и тюрок), чьи записи считаются главным источником по Восточной Европе того периода. Но какое же отношение имеют скандинавы к исламу?

Ведь именно они, язычники Севера, были главной угрозой мусульманскому миру во многих регионах – на Средиземном море, на Каспии. Однако среди оружейных комплексов, найденных в Волжской Булгарии, имеются типичные каролингские мечи – характерное оружие скандинавских дружинников. Учитывая, что их достаточно много, находки эти не являются случайностью. Конечно, не исключено, что часть их попала сюда в качестве военной добычи. Но не исключен и такой вариант, что часть скандинавов могла воевать в дружинах болгарских правителей. Но ведь нахождение в дружине – одной из наиболее привилегированных частей феодального общества – предполагало также и принятие парадигмы правящего класса. Словом, допускались различные варианты происхождения, но отношение к доминирующей религии диктовалось жестко. Поэтому обладатели каролингских мечей в болгарских дружинах были такими же мусульманами, как и владельцы кыпчакских сабель и хазарских палашей.

Между прочим, среди язычников, нашедших свое убежище в Волжской Булгарии, были члены одного крупного славянского племени – вятичей. Вообще история вятичей очень интересна, пришедшие с запада, они оказались наиболее восточными из всех восточно-славянских племен. Занимая верховья Дона, они испытывали наибольшее влияние степных культур (сарматской и тюркских). Долгое время они платили дань хазарам, потом долго и упорно воевали с киевскими князьями. За что воевали? Пишут: за свою независимость. Возможно, но «освобожденные» от хазар, они предпочли стать союзниками и подданными болгар, но не киевлян. Последние непокорные вятичи ушли в Волжскую Булгарию (окраины и центр), где их следы фиксируются вплоть до ордынских времен. По-видимому, впоследствии болгаризировались и отатарились.

Еще по русским летописям известно о таком образовании, как Пургасова Русь. Пургас был одним из наиболее известных мордовских князей-*инязоров*. Верный союзник Волжской Булгарии, он находился в противоборстве экспансии владимиро-суздальских князей, активно проводившейся на мордовские земли в XII – начале XIII в. По одной из версий, сам Пургас был буртасского происхождения, собственно, и его имя могло обозначать приспособленное к мордовским языкам «буртас». Но что же означала «Пургасова Русь»? Понятно, что это было какое-то автономное образование, подчинявшееся Пургасу и воюющее против его врагов. Противник владимиро-суздальских князей и их союзника мордовского *инязора* Пуреша привлек на свою сторону русь? Вполне возможно, ведь воинские формирования из эмигрантов и тогда не были в диковинку. Да и потом: офицеры из французских дворян в русской армии 1812 года, полки и дивизии польских, венгерских и чехословацких коммунистов, все они имели исторические параллели. В конце концов, войска Касимовского ханства – самого верного союзника России, в немалой степени состояли из крымских и большеордынских выходцев. Возможно, что именно таким образованием была и Пургасова Русь. Кто был в ней – вятичи ли, другое славянское племя, или же «ростовская чернь, нашедшая убежище в жилищах болгарских» (фраза из «Казанского летописца»), мы не знаем, как не знаем, были ли они славянами или финнами. Понятно, что потомки Пургасовой Руси, так же как и вятичи, окско-клязьминские финны и «ростовская чернь», бежавшие к булгарам, и славянские и скандинавские

дружинники в болгарских войсках в результате смешались с местным населением и приняли ислам. Их кровь влилась в местное население, и без того весьма разнообразное в этническом плане. Ведь здесь жили потомки сармато-аланов и гуннов, местных финнов (мордва, марийцы, удмурты) и тюркотов, кыпчаков и мадьяр, непонятных нам именовцев и пришедших с юга хазар. Собственно, все эти народы и этнические группы и составили болгарский народ. Объединяющим же началом, разумеется, выступал ислам, который сплотил эту массу, переплавил ее и сделал из нее один народ.

Итак, в доордынский период в состав мусульман Восточной Европы вливалось множество иноэтничных элементов, в том числе и восточных славян – вятичей, а также окско-клязьминских финнов, которые другой, большей своей частью вошли в состав русского народа. Кроме того, возможно включение в состав мусульманских дружинников Волжской Булгарии и норманнов, которые все-таки слагали княжеские династии на Руси. Но все это происходило до образования самого большого государства на территории нашей страны – Монгольской империи.

А что же происходило дальше, в этой самой кочевой империи с развитой городской структурой, а также в ее российском преемнике – Золотой Орде (Улусе Джучи)? Известно же, что ханы – наследники Джучи достаточно хорошо относились к православной церкви, неоднократно наделяли ее всевозможными привилегиями, причем в наибольшей степени этим прославились именно ханы – исламизаторы всея Орды – Узбек, Джанибек, а также первый хан-мусульманин – Берке. По данным некоторых ученых, массовая христианизация финских племен мери и муромы также пришлось на годы жизни Узбек-хана и его сына Джанибек-хана. Знаменитая же Сарайская епархия в ордынской столице была учреждена в правление Берке-хана. Казалось бы, государственные мужи четко закрепили имеющийся статус-кво, «отделили зерна от плевел» – одним подданным – ислам, а другим – христианство. Возможно, оно так и было, так того и хотели. Но данные археологии и скупые строчки летописей (как же они скупы на эти данные!) говорят об обратном.

Именно в это время появляются письменные упоминания о принятии ислама «этническими» православными в русских городах. Самым прославленным из них стал чернец Изосима, убитый во время ярославского восстания. Собственно, нам неизвестно, кем он был, – славянином, финном (меря), или же тюрком (булгары и кыпчаки бежали в Верхнее Поволжье от монгольских войск в период войн с империей Чингисхана). Известно лишь то, что до принятия ислама он был православным монахом (чернецом) – «иже бысть сей чернец бесермен зол вельми». Собственно, запись в Ярославской летописи говорит только о его убийстве. Особо примечательны в истории Изосимы два момента. Первый из них заключается в том, что он принял ислам задолго до начала его распространения в качестве официальной религии Улуса Джучи (1312 г. при правлении Узбек-хана). Напротив, Изосима был убит, уже будучи мусульманином, в 1262 г., а, когда он принял ислам, нам, собственно, и неизвестно. Напомним, что в это время ислам в Орде был крайне слабо распространен и в основном был ограничен такими областями, как Булгар, Хазар, Хорезм и Мохши. Хотя в это же время отмечается то, что многими чиновниками становятся «бесерме-

не» – мусульмане – по-видимому, выходцы из Булгара или Хорезма. Нам известны имена темников Ахмата – правителя Курской тьмы, и знаменитого эмира Бурундая, чье влияние в том числе распространилось на Галицко-Волынское княжество. Возможно, что принятие ислама Изосимой произошло через влияние баскаков, хотя нельзя исключить и более традиционный вариант – с купцами и ремесленниками. В любом случае говорить о «корысти» бывшего монаха, принявшего ислам, не приходится – православное духовенство, к которому он ранее относился, пользовалось в Орде колоссальным комплексом привилегий.

Другим, гораздо менее известным, хотя и гораздо более впечатляющим случаем принятия ислама русскими в Улусе Джучи, является судьба части населения ордынского города Бельджамен (Водянское городище в Волгоградской области). В черте этого города был обнаружен русский поселок. Вопреки распространенному и упорно распространяемому мнению, население поселка отнюдь не было рабами. По крайней мере они носили ювелирные украшения собственного производства, которые здесь же и изготовлялись, пользовались наряду с повседневной также покупной праздничной посудой. Наконец, они разводили собственный скот (найжены кости свиней, которых мусульманское население, понятно, не держало) и пользовались религиозной свободой (найжены фрагменты церковной утвари). Как-то все это не вяжется с классическим образом раба. Между прочим материалы для сравнения тоже имеются, и подобная «рабская классика» также присутствовала, например, захоронения рабов вблизи промануфактур-кархана на Селитренном городище (интересно, что скажут археологи будущего насчет остатков зэковских бараков и захоронений времен «культы личности» – тоже напишут про рабов?).

Итак, население русского поселка на Водянском городище было лично свободным и пользовалось многими благами золотоордынской цивилизации. Между прочим такие поселки были во многих золотоордынских городах. Русский, мордовский и армянский поселки в Булгаре, упоминание об иноэтничных поселках в Сарае (асских, генуэзских и т.д.) говорят нам об этом. Но самое интересное для нас другое – со временем население поселка ассимилируется. По крайней мере землянки с православной религиозной атрибуцией уступают место обычным кирпичным золотоордынским домам с *тандыром*, *каном* и без всяких следов христианства. Что это? По-видимому, население поселка попросту ассимилировалось во вмещающем обществе, приняв ислам и тюркский (татарский) язык. И подобная ситуация, скорее всего, была нередка. В качестве примера можно привести аналогичную ситуацию с мордвой в Наровчатском городище. На кладбищах Мохши (Наровчат Пензенской области) и Мурановском могильнике (Самарская область) имеются переходные черты от традиционного мордовского к классическому мусульманскому обряду захоронения. К сожалению, такие объекты, как на Водянке, далеко не везде были найдены (в Селитренном городище, по словам директора археологического музея Е.М. Пигарева, «такими темпами нам еще пять тысяч лет копать»), и далеко не везде исследованы.

Так что же, получается, что в золотоордынский период принятие русскими ислама не было чем-то необычным? По крайней мере мы видим, как население целого квартала крупного золотоордынского города перешло в другую религию, да и в са-

мих русских княжествах летописи отмечают лишь факт убийства бывшего монаха Изосимы, а не предшествовавшую этому смену религии. Выходит, что так. Но при этом практически, как и в доордынский период, происходила инфильтрация новых мусульман (не только русских, но и мордвы, армян, генуэзцев и т.д.) в общегосударственный мусульманский этнос и растворение в нем. Иными словами, новые мусульмане XIII–XV веков, принимая ислам, переходили в народ, который принес им ислам, и становились его частью.

Исходя из вышеперечисленных фактов, можно прийти к выводу, что на протяжении всего доордынского и ордынского периодов истории России восточные славяне поодиночке и группами принимали ислам и вливались в состав мусульманского, в основном тюркского или тюркизированного, населения. То же самое в равной степени касается и групп, не сохранившихся до наших дней, потому что на этих землях они полностью ассимилировались русскими, – окско-клязьминских финнов и норманнов. Происходило это как на территории самих русских княжеств (монах-чернец Изосима), так и в большей степени в соседних государствах или провинциях с плотным мусульманским населением (Волжская Булгария, золотоордынские города Нижнего и Среднего Поволжья). Переход в ислам очень часто следовал за бегством в эти самые земли (вятичи, ростовская чернь, Пургасова Русь).

Но что же произошло вслед за этими событиями? Ведь история на этом не остановилась (согласно некоторым концепциям, она только тогда и началась, хотя это и неверно).

Когда Золотая Орда в результате кровопролитных гражданских войн распалась на несколько частей, количество мусульман в русских княжествах даже выросло. Другое дело, что это были представители уже не тех социальных слоев, иным был их статус. Вместо полномочных наместников великих ханов приезжали профессиональные воины, оставшиеся без земельных наделов, ремесленники и купцы. Следы их влияния видны во всем – архитектура элитных зданий (как похожи старые церкви на мечети!), одежда (это отмечали все западноевропейские путешественники), многие обычаи. Конечно, вместе со своими культурными и хозяйственными традициями они не могли не принести и свою религию, а в городских центрах Орды ислам доминировал и численно, и организационно. К сожалению, на эту тему еще не проводились специальные исследования, хотя в этом плане были бы очень интересны исследования, например, т.н. «сект» в русском православии того времени (XV–XVI вв.).

Единственный источник, который говорит нам о влиянии ислама на русских это время, это знаменитое «Хождение за три моря» тверского купца Афанасия Никитина. Об этом памятнике написано достаточно много. Достаточно отметить, что если в начале путешествия один из иранских правителей, расспросив тверичанина, заключил, что он «не мусульманин и не христианин», то на последних страницах «Хождения» Ходжа Юсуф Хорасани (второе имя Афанасия Никитина – уже в то время русские брали себе арабские имена!) молится за землю Русскую, используя цитаты из Корана! Если он и не стал мусульманином, то влияние ислама испытал точно.

Но, может быть, после крушения поволжских ханств – Казанского, Астраханского, Касимовского, а также Сибирского и Большой Ногайской Орды, распростране-

ние ислама среди русских и других восточных славян прекратилось? Опять нет. Изучая родословные (*шаджара*) многих мусульманских семей и аулов, документы царского правительства, нет-нет да и обнаружишь промелькнувший факт наличия русских или других славян, принявших ислам. Впрочем, то же самое относится и к финнам, *уграм*, монголам и представителям иных считающихся традиционно немусульманскими этнических общностей.

Пожалуй, самым древним из них, но имеющим отношение скорее к продолжению ордынских традиций, является наличие кара-муслимов в Казанском ханстве. Понятно, что черные мусульмане назывались так не по цвету кожи, а из-за более низкого социального статуса (во многих языках обозначение цвета имеют не только сугубо художественный смысл), который имели бывшие военнопленные. В разных источниках по-разному указывается и число кара-муслимов, но суть остается одной – уходить из ислама большая часть из них не собиралась даже после падения Казани и Казанского ханства. Соответственно их потомки сейчас влились в состав татар и башкир.

Первым русским письменным памятником, говорящим о наличии русских мусульман, и может быть, самым значимым, является не что иное, как аналог основного закона Московской Руси – Соборное уложение 1649 года. В этом документе (гл. 22, п. 24) сказано: «А буде кого бусурман какими нибудь мерами насильством или обманом русского человека к своей бусурманской вере принудит, и по своей бусурманской мере обрежет, а сыщется про то допряма, и того бусурмана по сыску казнить, зжечь огнем безо всякого милосердия». Как известно, дыма без огня не бывает, и такая строчка в законе говорит про то, что подобные случаи были. Более того, прецеденты настолько внушали опасение, что попали в анналы законодательной практики.

Но и после, очень мягко сказано, крайне суровых мер Соборного уложения ряды мусульман в России продолжали пополняться этническими славянами. Понятно, что, скажем, на окраинах это имело больший размах, нежели в центре страны. Понятно и то, что факты эти никто не хотел афишировать: кому же нужно, чтобы его «казнили смертью безо всякого милосердия». Русские были среди новых мусульман XVIII, XIX и начала XX века, хотя и в меньшем количестве, чем чуваша или марийцы. Говорится о них главным образом в докладах православных миссионеров, в статьях «Миссионерского противомусульманского сборника», архивах жандармского управления и тому подобных источниках. В начале XX века упоминается даже один православный священник Уфимской епархии, принявший ислам. Есть русские мусульмане и в *шаджара* татарских семей, скажем в деревне Пица в Нижегородской области.

Гораздо больший размах приобретало это явление среди казачества. Понятно, что славянское происхождение самой этой группы весьма спорно, но мы исходим из того, что сегодня значительная часть этого субэтноса пишутся русскими. При этом, например, чеченский *тейп* Гуной считается казачьего происхождения (терские казаки, принявшие ислам и перешедшие на чеченский язык). Согласно мнению Краснодарского историка Д. Сеня, большинство старообрядцев-некрасовцев, ушедших на принадлежавшую Крымскому ханству Кубань после разгрома восстания К. Булавина, тоже приняли ислам и отуречились. Между прочим, это самый разумный

способ объяснить, каким образом из внушительной военной силы, которую некрассовцы представляли еще в XVIII веке, к XX столетию от них почти ничего не осталось. Между прочим крымские ханы и османские халифы их ценили и берегли. То есть здесь счет уже идет на тысячи и десятки тысяч населения. Кроме некрассовцев в Османскую империю уходили сотни и тысячи запорожцев, только после разрушения Сечи эмигрировало пять тысяч казаков во главе с кошевым атаманом.

Аналогичные тенденции с принятием ислама славянами продолжали развиваться и в советское время, с небольшой разницей. Если в царское время принятие ислама сопровождалось переходом к иной этнической идентичности, потому что сохранение прежней грозило, как минимум, репрессиями, если не смертной казнью (см. Соборное уложение 1649 г. и более поздние законы), то советской властью все религии официально были объявлены «пережитками прошлого» и «родимыми пятнами капитализма». Конечно, существовали официозные структуры, тесно сотрудничавшие с государством, преимущественно в плане выполнения представительских функций. Кроме того, был жестко очерчен круг потенциальных верующих. Понятно, что русские в число мусульман там не входили. Поэтому продолжался начавшийся еще в более ранние исторические эпохи процесс включения русских мусульман в уже сложившиеся социальные сети, в том числе этнические, и их полноценной интеграции в них.

Из всех фактов, приведенных выше, можно сделать выводы, что ислам не является чем-то совершенно новым для представителей русского народа. Более того, как среди восточных славян, так и среди народов и этнических групп, которые были их предками, было немало мусульман в самые разные исторические эпохи – с X по XX век. После принятия ислама сохранения русско-мусульманской идентичности не происходило (может быть, исключение – казанские кара-муслимы). Напротив, всегда наблюдалась инфильтрация в другие мусульманские народы (татар, турков, чеченцев и т.д.). Попытки создания русско-мусульманского сообщества относятся уже к концу XX – началу XXI века и связаны с новыми тенденциями в мусульманском сообществе России.

Мифы

Любое общество не может обойтись без мифа. Только название у этих мифов разное. Когда-то они назывались былинами, деяниями царей и «богов», житиями и сказами. Современные называются фэнтези (основатель этого жанра Р.Р. Толкиен), американским и прочим кинематографом, историями пионеров-героев (как наших пионеров, так и американских трапперов *et cetera*) и остальных героев, не обязательно пионеров. Идеальные образы, а также персонифицированное зло увековечиваются в литературных произведениях, фильмах, простом трепе в Интернете. Общество не может без них жить, потому что эти мифы, собственно, и направляют его общественное сознание.

В условиях массового взлета религиозного сознания не прошел стороной от мифотворцев (создателей образов) и факт принятия ислама частью представителей ранее преимущественно немусульманских народов. Собственно, и не мог пройти.

Наверное, среди мифов о современном исламе в России больше всего накручено «сказочных сюжетов» именно вокруг русских мусульман. В том числе это касается вопроса их исторических корней.

Один из таких сказочников объявил это явление «неоязычеством». Другой начал возводить современных русских мусульман к готам. Самое анекдотичное в этой ситуации то, что последний независимый правитель готов в Восточной Европе Венитариий (истребитель венедов, т.е. славян) прославился тем, что, подняв антигуннский мятеж, перебил множество гуннских подданных венедов и казнил 70 их старейшин. Гунны такого вытерпеть не смогли, после чего независимых готов в Восточной Европе не стало. Ну, а объявлять ислам в любом этническом обличье неоязычеством – мягко говоря, ненаучно.

Как правило, сами представители этой группы апеллируют к зарубежному опыту: европейскому, испано-мусульманскому или же балканских славян-мусульман. Европейский опыт (по крайней мере те случаи, к которым обращаются) появился в историческом плане сравнительно недавно. Тем не менее он крайне интересен наиболее яркими представителями европейцев, принявших ислам в первой половине XX века, т.е. в то время, когда многие мусульмане сами про него забыли, были известный французский философ-мыслитель Рене Генон (зачеркнуто по той причине, что его определяют как философа, но он об этой отрасли науки в своих работах высказывался несколько негативно и уж никак не причислял себя к философам) и львовский еврей Леопольд Вейс.

Первый из них является крайне известным персонажем; в век прогресса, когда, казалось, все устои рушатся перед всепокрушающей силой человеческой техники (задолго до Чернобыля, трагедии Арала, лучевой болезни и прочих подобных антропогенных бед), он выступал за сохранение традиции и, даже страшно сказать, против прогресса. При этом он не был ни бедуином, ни мексиканским крестьянином с мачете, а, напротив, высокообразованным европейцем. Многие его выкладки, изложенные в первой половине XX века, наибольшую актуальность приобрели лишь на рубеже XX и XXI веков. Ближе к концу жизни Рене Генон принял ислам и переселился в Египет.

Леопольд Вейс больше известен под именем Мухаммад Асад, с которым он прославился в качестве автора известного перевода Корана на английский язык и представителя Пакистана в ООН. Поистине уникальная история еврейского юноши, уехавшего в Палестину в рамках сионистского движения и принявшего там ислам, до сих пор не оставляет равнодушным всех, кто ее касается. Одни называют его героем, другие – агентом влияния, но безучастным не остается никто.

Совершенно другое явление представляли собой менее известные современному читателю, хотя и оказавшие подчас гораздо большую степень влияния на историю, мусульмане европейского происхождения Османского государства. Но именно эти примеры почему-то незаслуженно забыты. Например, к их числу относятся великий визирь Мехмет Соколлу (балканского происхождения), а также многочисленные венгры, французы, немцы, австрийцы, принимавшие ислам и служившие Османскому халифату.

Как это ни странно, из тьмы веков вытаснены другие примеры, связанные с мусульманской Испанией. По оценкам ряда исследователей, из всех групп его населения одной из наиболее многочисленных являлись мусульмане-испанцы (по происхождению иберийцы и вестготская знать). Но почему-то наши русские единоверцы игнорируют их и предпочитают говорить только лишь о славянской гвардии халифов и эмиров. По особенностям своего происхождения эти гвардейцы были близки к египетским мамлюкам и турецким (османским) янычарам, не отличаясь от них и ролью в государствах, на которые раскололся некогда единый Омеййадский халифат Испании. Славяне с Балкан, попавшие на Пиренеи рабами и ставшие там мусульманами, с течением времени превзошли военной мощью и влиянием многие другие группы населения полуострова. К концу мусульманского правления славянская гвардия на равных соперничала по военной и политической роли с арабами и берберами. Понятно, что этот факт очень льстит нашим единоверцам славянского происхождения.

Наконец, третьей группой, к опыту которой апеллируют современные русские мусульмане, являются славяне-мусульмане Балканского полуострова. Наиболее крупными из них являются боснийцы, помаки, мусульмане Санджака, торбеши и горанцы. Последние из них являются изолированными группами, проживающими в горах. Все эти группы приняли ислам в период, когда Балканы находились в составе Османского халифата, и служили здесь его опорой наравне с турками, албанцами, а также, как это ни странно, местными православными церквями. Впрочем, последнее как раз понятно, особенно после того, как османы спасли этих самых православных от вырезания их «собратьями» – крестоносцами.

Периодически в исламском секторе Рунета появляются статьи о балканских мусульманах, говорящих на славянских языках, написанные нашими новыми мусульманами. При этом ими же полностью игнорируются проживающие на тех же Балканах албанцы, цыгане-мусульмане, греки-мусульмане и турки. Это несколько странно, потому что все они имеют общую со славянами-мусульманами историческую судьбу и разделяют с ними все перипетии борьбы за сохранение своей идентичности.

Самое же интересное, что нашими русскими единоверцами не рассматриваются исторические традиции распространения ислама среди славян внутри самой России. Возможно, это происходит по причине того, что ранее эта тема не освещалась в специальных публикациях, сведения по ней разрозненны и не классифицированы. Тем более важны работы по ней.

А пока мы видим вместо объективного изучения проблематики лишь суетные рефлексивные движения и истеричные вопли из разряда «запретить, не пущать» и прочая из лексикона не очень положительных персонажей М.Е. Салтыкова-Щедрина.

ПЕРСПЕКТИВЫ

Казалось бы, человек совершил свой выбор, что уже можно было бы приветствовать. На фоне тотального духовного кризиса и полного запустения в области

идеалов он выбрал себе путеводную нить, согласно которой идет в жизни. Выбрав именно эту дорогу, он автоматом отказывается от наиболее смертоносных факторов, обеспечивающих причины смерти в России, – алкоголя и наркотиков (эти две группы химических веществ, как известно, обеспечивают не менее 100 000 смертей наших сограждан в год только из категории насильственной смерти). У русских мусульман, насколько можно судить из данных имеющегося интервьюирования, выше рождаемость, нежели чем у их неверующих собратьев или у большинства православных. Словом, по всем пунктам их не бояться стоит, а пропагандировать и распространять их опыт.

Но, как известно, у нас страна величайших социальных экспериментов, и многие наши люди считают себя выше логики. Вообще-то один такой, ставящий себя выше логики, уже отпечатался в истории, звали его А. Гитлер-Шикльгрубер, прославился в 1930–1940-х гг. в Германии, все мы про него читали. Поэтому и происходит у нас многое с точностью до наоборот. Именно русские мусульмане почему-то попадают под наиболее пристальное внимание всех, кому это надо или не надо.

«Ой, девочка, зачем же ты в этот платок обрядилась-то, как монашка стала (вообще-то в русской культуре, если я не ошибаюсь, монашество вроде бы поощряется, но в данном контексте оно выступает синонимом чего-то уродливого). Ты уж, родная, нас не взрывай» – это бабушка-соседка во дворе. Причем относящаяся в принципе положительно.

«Вот раньше как все была: и с мальчиками ходила, и праздники справляла (имеются в виду алкогольные возлияния в дни праздников), а сейчас с мальчиками не гуляет, не празднует, совсем ненормальная стала» – тоже соседки. Вариантом последнего является «с девками гулял, водку употреблял» – для парней.

К русским мусульманам постоянно привлечено внимание сотрудников правоохранительных органов, администрации вузов, родителей, соседей и т.д. Причем внимание гораздо более пристальное, нежели к их единоверцам из числа этносов, традиционно исповедующих ислам (здесь несколько спорный вопрос относительно истории). Примером такого внимания могут явиться опубликованные данные по пристальному интересу к новым мусульманам, проявленному в городах Воронеже и Тамбове. Но эти случаи, к сожалению, не единственные, и результатом их стало то, что, по выражению одного вроде бы специалиста, «новые мусульмане стали наиболее криминализованной этноконфессиональной группой в стране». Хотелось бы напомнить этому товарищу, что с точки зрения Римской империи, его единоверцы-христиане в I–III веках также были «наиболее криминализованной группой», за что их периодически скармливали львам и прочим хищникам, другие хищники взирали на это с трибуны. По большому счету, сегодняшние новые мусульмане в России больше всего и напоминают последователей Иисуса Христа первых трех веков после его проповеди. Между прочим, именно в те века единый римский этнос, бывший носителем государственности, раскололся. От некогда преследуемой части остались византийцы, пережившие века после того, а также какие-то элементы, смогшие дать хоть какие-то крохи от той культуры итальянцам, немцам и французам.

Конечно, не стоит и безоговорочно видеть во всех новых мусульманах панацею от всех бед современного мусульманского сообщества России. Это также некоторое

преувеличение. Обладая определенным потенциалом, они не имеют исторического опыта с данной конфессиональной идентичностью. У них нет своих образов героев – сподвижники пророка Мухаммада далеки во времени и пространстве, а раскрученных образов героев вроде Алтынчач, Батырши, Салавата Юлаева, имама Шамиля или Байсангура Беноевского среди русских мусульман нет. Новые мусульмане проживают везде, нигде не образуя плотных массивов населения. У них нет ни сел, ни анклавов, невозможно говорить про наличие диаспор. Как минимум, половина находится в смешанных браках с представителями традиционно мусульманских этносов. Этническая самоидентификация детей от этих браков зависит как от родителей, так и от общества, которое их окружает. Но в мусульманском сообществе новые мусульмане крайне далеки от доминирования.

Кроме того, на сегодняшний день позиционирование себя новым мусульманином становится просто чреватым всякими нехорошими последствиями. Путь развития, аналогичный американским «Nation of Islam» тоже почти исключен, потому что афроамериканцы зачастую проживают отдельными кварталами в городах, да и зародилось это движение как форма протеста против расовой дискриминации. По-видимому, в дальнейшем новые мусульмане будут еще больше сливаться с остальными сегментами мусульманского сообщества, вливаясь в него, привнося нечто свое в формирующуюся новую идентичность. Собственно, именно к этому их и вынуждает тот направленный против них настрой в обществе, что формируется неведомыми заказчиками. Понятно, что при этом та пассионарность, которой они обладают (способны принять что-то новое, не плыть по течению, при этом еще и выдерживать удары), безвозвратно уйдет из их родных народов. Тот вопрос, что она и этим бы народам не помешала, их внуков волновать уже не будет. Они попросту не будут считать себя русскими.

В целом эта ситуация аналогична уже упомянутым выше помакам в Болгарии. Будучи болгарскими по происхождению, они никогда не ассоциировали себя с турками. Ранее никогда, но при Т. Живкове они начали подвергаться давлению, как и турецкие общины в этой стране. В результате, согласно опросам, многие помаки, особенно молодые, перестают отождествлять себя с болгарскими, меняя самоидентификацию на турецкую и даже арабскую. Исследователи, изучавшие этот феномен, относят его причины именно к фактам давления на них. Аналогичная ситуация может сложиться и с русскими мусульманами, у которых для такого сценария имеется еще больше предпосылок – отсутствие компактного проживания, преимущественно смешанные браки и т.д., относительно небольшая численность, и даже исторический опыт. Поэтому возможности для образования такого субэтнуса или этноконфессиональной группы крайне ограничены.

Так что останутся ли русские мусульмане русскими или вольются в другие мусульманские народы России, во многом зависит от последних.

Ниша света

РУССКИЕ ПЕРЕВОДЫ КОРАНА. XX ВЕК

Анна Долинина*

К переводу такого памятника, как Коран, предъявляются особые требования, и ответственность на переводчике лежит особая. Он должен понимать, что перед ним текст, провозглашающий новое – для своего времени – религиозное учение и новые принципы построения общества, текст, ставший в дальнейшем священным для всех мусульман независимо от территории их проживания и эпохи. Это обстоятельство требует сугубо щепетильного подхода к вопросу об адекватности передачи всех тонкостей смысла текста на другом языке. Но адекватность недостижима без внимания к языковой и стилистической стороне памятника, ибо Коран зафиксировал характерные черты древней устной словесности арабов и, воспринимаясь как непосредственное Слово Божье, стал эталоном литературного арабского языка и стиля.

Как известно, ислам не рекомендует переводить Священную книгу: вровень со Словом Божиим не может стать никакая другая речь. Тем не менее история переводов Корана насчитывает более десяти веков. Первые переводы подавались как толкования и разъяснения, откуда возник существующий поныне термин «перевод смыслов Корана» (тарджумат ма‘ани-л-Кур’ан), по сути дела санкционирующий появление многочисленных переводов его на многие языки мусульманских и немусульманских народов.

Разумеется, со временем подход к переводу неоднократно менялся, но я отнюдь не собираюсь излагать здесь историю коранических переводов, ее можно найти в приложении к переводу Корана И.Ю. Крачковского (конспективно) и подробно в богатой информацией книге Е.А. Резвана «Коран и его мир»¹. Я сознательно ограничиваю свой материал полными русскими переводами, сделанными непосредственно с подлинника в XX в., оставляя в стороне переводы отдельных сур, которые могут оказаться случайными, а также переводы на другие языки, сознавая недостаточность своей компетенции для их анализа. Что же касается временного ограничения (XX век), то оно объясняется не только субъективным пристрастием (я все же человек XX века!), но и объективными и причинами.

* Анна Аркадьевна Долинина (р. 1923) – профессор, доктор филологических наук. Более 50 лет проработала на восточной кафедре Ленинградского (ныне – Санкт-Петербургского) государственного университета. Награждена медалью им. академика И.Ю. Крачковского Института востоковедения РАН. Автор более 200 исследований в области истории арабской литературы, теории и практики перевода; переводов древнеарабской и средневековой арабской литературы.

¹ Резван Е.А. Коран и его мир. – СПб., 2003.

Неоднократно говорилось и писалось, что XX век – это век переводов. П.А. Грязневич четко определил новую ситуацию: оценивая работу того или иного арабиста, в XIX в. ставили вопрос – что он издал, в XX в. – что он перевел¹. Можно составить длинный список памятников, переведенных учеными-арабистами у нас и в Европе именно в XX в. Кстати, все важнейшие европейские переводы Корана, базирующиеся на научных основаниях, выполнены как раз в XX в.:

– *Bell R.* The Quran, translated with a critical rearrangement of the Surahs. I–II. – Edinburgh, 1939;

– *Le Coran*, traduction nouvelle par R. Blachère. I–II. – Paris, 1949–1950;

– [Arberry A.J.] *The Koran interpreted*. I–II. – New-York. 1955;

– Коран / Пер. и коммент. И.Ю. Крачковского. – М, 1963;

– *Paret R.* Der Koran: Übersetzung. – Stuttgart, 1966.

В этом списке перевод И.Ю. Крачковского должен был бы занимать первое (по времени) место: он был начат в 1921 г. и завершен (вчерне) в 1930-м. Но условия, создаваемые в СССР антирелигиозной пропагандой на государственном уровне, стали причиной того, что большая часть этой работы заведомо делалась, что называется, «в стол» и осталась неотредактированной автором². И за решение этой задачи, на тот момент бесперспективной, больше никто не брался.

Как известно, к 1990-м гг. обстановка резко изменилась, появились переиздания перевода И.Ю. Крачковского, а также новые переводы, количество их продолжает расти и по сей день. Ограничиваясь, как было сказано, только XX веком и выбрав для рассмотрения только полные переводы, я сконцентрирую свое внимание на пяти работах: помимо названного уже перевода И.Ю. Крачковского, это переводы М.-Н.О. Османова, Б.Я. Шидфар, В.М. Пороховой и Т.А. Шумовского.

Нередко мне задают вопрос: который из них «лучше»? Вопрос, разумеется, абстрактный и некорректный; вернее было бы спросить: а почему они такие разные? Не анализируя конкретные аспекты передачи отдельных слов, выражений, образов и текста в целом, остановлюсь на принципах подхода к передаче коранического текста, на которых основываются переводчики.

И.Ю. КРАЧКОВСКИЙ. Коран / Пер. и коммент. И.Ю. Крачковского. – М., 1963. Перевод Корана был задуман им в 1920 г. для издательства «Всемирная литература», созданного по инициативе А.М. Горького в первые послереволюционные годы и провозгласившего своей целью ознакомление широкого круга читателей с лучшими произведениями литературы Европы, Америки и Востока в новых переводах, выполненных на научной основе.

Коран не вошел в план первоочередных изданий «Всемирной литературы» – Крачковский хорошо осознавал трудности того предприятия: «Соблазняет меня мысль о

¹ Грязневич П.А. О состоянии и перспективах развития арабистики в ЛО ИВ АН // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XII годовичная сессия «Коран и его мир». – М, 1977. – С. 16.

² В книге Е.А. Резвана (С.443) сказано, что издание перевода И.Ю. Крачковского «было отвергнуто известным партийным функционером А.А. Ждановым». Это явное недоразумение: в те времена А.А. Жданов был всего лишь секретарем Нижегородского губкома ВКП(б) и никакого отношения к идеологическому руководству еще не имел.

переводе Корана – и как-то жутко на ней остановиться» (Дневник, 9 мая 1920 г.)¹. С 1921/22 учебного года он начинает в университете новый курс «Чтение Корана с научным комментарием», который и ведет потом до конца своих университетских дней. В процессе подготовки и чтения курса Крачковский приступает к переводу сур Корана в той последовательности, в какой читал их на занятиях, т.е. в хронологическом порядке, начиная с сур первого периода (по классификации Нельдеке). 16 апреля 1922 г. он записывает в дневнике: «Писал... по мере лекций перевод Корана – закончил первый период»².

Уже к середине 20-х гг. Крачковскому стало ясно, что в ближайшие годы (а может быть, вообще при жизни своей) он опубликовать перевод Корана не сможет по причинам, о которых упомянуто выше, но он продолжал работать над переводом и к 1930 г. его закончил.

Читавшийся им курс по Корану был рассчитан на один учебный год (по 2 ч. занятий в неделю). Разумеется, за такое время прочесть со студентами весь текст Корана не было возможности. Обычно читались все ранние *суры* (поэтические), несколько сур рахманских и пророческих, иногда одна из мединских; так повторялось из года в год. Естественно, что перевод читавшихся и перечитывавшихся на занятиях сур в результате отделан лучше, а иные *суры*, особенно поздние, быть может раз переведенные, так и лежали, дожидаясь лучших времен.

В 1963 г. благодаря титаническим усилиям вдовы Игнатия Юлиановича В.А. Крачковской (1864–1974), перевод с рабочим комментарием и приложениями, содержащими описание материалов И.Ю. Крачковского, использованных при подготовке издания, и несколько вариантов конспектов лекций по Корану был издан Главной редакцией восточной литературы издательства «Наука» (2-е изд. – 1986 г.). Подготовили издание В.А. Крачковская и П.А. Грязневич под редакцией В.И. Беляева. Текст И.Ю. Крачковского был опубликован без изменений (если не считать исправления мелких опечаток и приведения к единообразию передачи имен собственных) как архивный материал, отражающий неотредактированный окончательно рабочий вариант перевода и комментария.

В предисловии, написанном к первому изданию В.И. Беляевым и П.А. Грязневичем, ко второму – П.А. Грязневичем, дана очень емкая характеристика как самого памятника, так и перевода И.Ю. Крачковского и его задач. К этим предисловиям я и отсылаю читателей, особенно тех, кто, не давая себе труда как следует вникнуть в текст, предварительно внимательно прочитав предисловие, видят в переводе И.Ю. Крачковского просто необработанный, наспех сделанный подстрочник (такие мнения мне не раз приходилось слышать и даже читать)³. В действительности же его работе над переводом предшествовали и сопутствовали изучение большого количества научной литературы и глубокие раздумья – поиски метода перевода. На принципах, которыми руководствовался И.Ю. Крачковский, я считаю необходимым остановиться.

¹ СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 2. Д. 6. Л. 285.

² СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 2. Д. 6. Л. 300.

³ См., напр.: Священный Коран: Страницы веч. мыслей / Поэтич. пер. с араб. Теодора Шумовского. – М. – СПб., 2004. – С. 22–23.

Подход И.Ю. Крачковского к Корану – это подход филологический в широком смысле слова. Его интересовал Коран в первую очередь как памятник арабской устной литературы, созданный в определенной среде в определенную эпоху, с использованием приемов словесного искусства, привычных в этой среде. Такой подход к переводу предполагает при истолковании текста Корана обращение прежде всего к самому тексту и к его широкому контексту – то есть к языку, художественному творчеству и ораторскому искусству Аравии VII в., к религиозным верованиям, идеологическим исканиям, социальной психологии тогдашних жителей оседлых центров Аравии. Крачковский отказывается от традиционных толкований средневековых комментаторов, поскольку они отражают более позднее понимание текста Корана. Он же ставил перед собой задачу воспроизвести памятник в том виде, как он представлялся первым его слушателям.

Такая постановка задачи, безусловно, являлась новаторской, и не все ее восприняли. Когда перевод И.Ю. Крачковского впервые увидел свет, он вызвал множество нареканий: его упрекали в том, что он тяжеловесен и непонятен, и недостатки эти связывали с недоработкой перевода. Однако здесь уместно задать вопрос: а был ли Коран полностью понятен его первым слушателям? Конечно, те или иные моменты, отражающие жизненные реалии, для слушателей-современников были ясны (что, кстати, оправдывало употребление эллиптических конструкций, иногда непонятных более поздним поколениям), но при этом нельзя забывать идеологическую сторону: ислам был направлен на искоренение привычных языческих представлений, так что, наряду с хорошо знакомым, многое в проповеди Мухаммада оказывалось чуждым и непонятным, как бы зачеркивающим знакомое и понятное.

Необходимо принять во внимание и особенности самой Священной Книги – ее многоплановость, отсутствие стройной композиции, связного пересказа событий (как в книгах Ветхого Завета и Евангелий), последовательного изложения учения. Пророк произносил откровения, связанные с различными ситуациями, без какого бы то ни было плана. Коран содержит речи и проповеди, обличения неверных и увещевания уверовавших, обрядовые и юридические предписания, рассказы о древних народах и древних пророках, притчи, заклинания, угрозы, полемику с противниками.

Иногда текст нарочито затемнен, в нем встречаются устрашающие странные слова и образы, на которые подчеркнута обращается внимание слушателей: «Сожгу Я его в сакаре! А что даст тебе знать, что такое сакар? Не оставляет он и не покидает – сжигатель кожи» (74:26-29). Замечу, что само по себе наличие в тексте подобных вопросов и пояснений, равно как достаточно раннее появление необходимых комментариев к Корану, свидетельствует о том, что слова, произносимые Мухаммадом, далеко не всегда были понятны.

Еще одно замечание по поводу перевода И.Ю. Крачковского. Он не ставил себе целью передачу ритмического строя текста и рифмы. Тем не менее ритм коранической прозы воссоздается лаконичностью перевода, тем, что Крачковский не добавлял в него лишних слов ради рифмы и ради большей понятности сказанного, как поступает большинство переводчиков, сохраняя некоторую недоговоренность, присутствующую в подлиннике. Особенно это заметно в ранних (эсхатологических) *сурах*,

перевод которых лучше обработан. Наверное, при более тщательной авторской редакции эти свойства проступили бы более выпукло и в других сурах.

Но, несмотря на отсутствие окончательной обработки, значение перевода И.Ю. Крачковского велико. Об этом справедливо сказано П.А. Грязневичем в предисловии ко 2-му изданию: «Время показало, что эта публикация была обоснованной и принесла несомненную пользу нашей востоковедной науке. Научное значение ее... определяется филологической точностью передачи арабского текста и новизной методического подхода... Этот перевод является и будет служить надежной основой для всех будущих русских переводов Корана. Подход И.Ю. Крачковского к переводу сохраняет свою ценность по сей день как... единственный возможный путь к адекватному истолкованию памятника»¹.

Аналогичного мнения придерживаются и другие современные отечественные исследователи Корана. Так, Е.А. Резван отмечает, что «по характеру подхода к тексту и филологической точности труд И.Ю. Крачковского превосходит не только все русские, но и многие европейские переводы»².

М.Б. Пиотровский полностью солидарен с П.А. Грязневичем: «Перевод И.Ю. Крачковского является научным и в понимании текста исходит из самого Корана, а не из его более поздних комментариев. Последние, как неоднократно показывалось, исследователями, дают связанное и доходчивое истолкование истинного текста, но часто искажают (в разной степени) его начальный смысл»³.

Магомед-Нури Османович ОСМАНОВ. Коран / Пер. с араб. и коммент. М.-Н.О. Османова. – М., 1995.

Перевод оформлен как серьезное научное издание. Он печатался под грифом Института востоковедения РАН в серии «Исламская библиотека», в редакционную коллегию которой входили такие известные ученые-востоковеды, как В.В. Наумкин, А.В. Сагадеев, В.Д. Ушаков, Д.В. Фролов и др. Ответственным редактором издания являлся В.Д. Ушаков; в редакционную коллегию тома среди прочих входил П.А. Грязневич, участвовавший в подготовке к печати перевода И.Ю. Крачковского.

Цель свою М.-Н.О. Османов формулирует четко: «Возможно более полное и точное воссоздание арабского оригинала, приближение его к иноязычному читателю». На первый взгляд – та же цель, что у его предшественника, как у всякого переводчика иноязычного текста, но в его формулировке содержится указание на принципиальное отличие поставленной им задачи от целей Крачковского. Для последнего главное – аутентичность передачи текста Корана в филологическом смысле, у М.-Н.О. Османова об аутентичности речи нет, для него главное – приближение к читателю, иными словами, ясность и доходчивость смысла текста – но какого?

Османов подходит к Корану не как к памятнику определенной эпохи, возникшему в определенной среде, а как к Священной Книге мусульман на все времена, достоверность текста которой подтверждена надежной традицией, и адресат его пере-

¹Грязневич П.А. Предисловие ко второму изданию // Коран / Пер. и коммент. И.Ю. Крачковского. – М., 1986. – С. 10.

²Резван Е.А. Коран и его мир. – СПб., 2003. – С. 443.

³Пиотровский М.Б. Коранические сказания. – М., 1991. – С. 168.

вода – не ученые-филологи, а в первую очередь российские мусульмане, не знающие арабского языка.

Именно для понятности текста систематически вводятся добавления в скобках (а порой и без скобок) и даются подробные разъяснения в солидном комментарии, составленном при широком использовании авторитетных тафсиров разного времени (в предисловии их перечислено 12, из которых два – шиитских) и известных европейских и персидских переводов.

Османов часто ссылается на Крачковского и не скрывает, что в комментариях многое заимствовал у него. Однако оценка, которую он дает его переводу, показывает, что целей своего предшественника и истинное значение его работы он не понял. По его словам, перевод Крачковского был лишь «рабочим вариантом, одним из этапов фундаментальной разработки И.Ю. Крачковским вопросов истории ислама¹.

Таким образом, извлеченная из архива незаконченная работа академика в полном соответствии с общим духом «периода застоя» послужила тормозом к дальнейшему изучению этого важнейшего памятника мировой культуры – Священного Писания мусульман².

Той цели, которую М.-Н.О. Османов поставил перед собой, он достиг, чему способствовал и русский язык перевода, избавленный как от излишней архаизации, так и от неуместных неологизмов. При этом для его перевода характерно полное невнимание к передаче художественной стороны подлинника, таких его параметров как ритм, рифма, употребление созвучий и т.п. – то есть установка на чисто рациональное однозначное постижение проповеди Мухаммада без всякой заботы об эмоциональном воздействии Корана на читателя.

Бетси Яковлевна ШИДФАР (1928–1993). Коран / Смысловой пер. проф. Б.Я. Шидфар. – М., 2003.

Перевод Корана был завершён ею незадолго до смерти и напечатан издательством «Умма» в 2003 г., как сказано в издательском предисловии, без существенных изменений: «в единичных случаях исправлялись явные неточности, убрать которые сам переводчик просто не успел».

Эта работа демонстрирует еще один возможный подход к переводу Корана – подход литератора-переводчика, досконально знающего переводимое произведение, его литературные и внелитературные связи и четко представляющего себе, какие, по его мнению, главные элементы подлинника должны быть отражены в переводе. Б.Я. Шидфар в послесловии формулирует свою задачу так: «Цель настоящего перевода – как можно точнее передать не только фактическую сторону, но и художественные особенности Священной Книги. Переводчик старался отразить краткость и вместе с тем емкость ярких образов, благодаря которым Коран стал школой ораторского и эпистолярного искусства для многих поколений мусульманских народов, даже не говорящих по-арабски»³.

¹ Известно, что И.Ю. Крачковский «фундаментальной разработкой вопросов истории ислама» не занимался, о чем он сам говорит в эссе «Испытание временем» (Петербургское Востоковедение. – Вып. 8. – СПб., 1996. – С. 574–575).

² Османов М.-Н.О. От переводчика // Коран / Пер. с араб. и коммент. М.-Н.О. Османова. М., 1995. – С. 5.

³ Шидфар Б.Я. Послесловие переводчика // Коран / Смысловой пер. проф. Б.Я. Шидфар. – М., 2003. – С. 664–665.

Подчеркивая роль красноречия в арабской культурной традиции, Б.Я. Шидфар подходит к памятнику прежде всего под этим углом зрения, видя в Коране эталон, определяющий дальнейшее развитие арабского языка и литературного стиля. По ее словам, это «вершина ритмической рифмованной прозы», «непревзойденный образец эмоциональной яркости», «самое красноречивое из всего, что было сказано на арабском языке».

Она не вдается в филологические тонкости, не выверяет скрупулезно этимологические параметры слов, а поступает как современный квалифицированный переводчик художественной литературы, думающий не об ученом сообществе, а о читателе-неспециалисте, то есть при максимально бережном отношении к смыслу текста, стараясь ничего не опустить, но восполняя, где ей кажется необходимым, эллиптические конструкции (обычно отмечая это курсивом), создает текст, понятный русскоязычному читателю. Этой цели служат и примечания, явно рассчитанные на невостоковеда.

Новаторство Б.Я. Шидфар состоит в том, что ее перевод дает возможность почувствовать красоту и эмоциональность коранической речи, тем самым позволяя глубже постичь содержание Священной Книги. При этом она ненавязчиво стилизует свой перевод Корана под перевод библейских текстов путем осторожного использования архаизированной лексики (воззвал, взыскал, воздвиг, речение, деяние, стезя, сей, дабы и т.п.) и некоторых синтаксических приемов: повторение союза «и» в начале предложения («библейский» вид многосоюзия), инверсию – в частности, постановку определения после определяемого и т.п. И здесь ей никогда не изменяет чувство меры.

Б.Я. Шидфар объявляет себя решительным противником буквализма, «так как подобный принцип вовсе не является примером уважения к подлиннику, а, напротив, искажает и затемняет его, создавая ложное впечатление об оригинале»¹. В этой фразе – скрытый упрек в адрес И.Ю. Крачковского, чей метод филологического перевода она категорически не приемлет. Характерно, что она и пример буквализма берет именно из перевода И.Ю. Крачковского: «пучки снов» – так он передает словосочетание (12:44, 21:5) в значении «путаные или неясные сны». Б.Я. Шидфар переводит это выражение как «бессвязные сновидения», что понятно читателю без напряжения, однако при этом в жертву приносится яркий неожиданный образ; с ее точки зрения это меньшее зло.

Порой, как мы видели, жертвуя образами, Б.Я. Шидфар обязательной для себя считает попытку передать ритм и рифму Корана. Насколько мне известно, до нее ни один переводчик не ставил перед собой такой задачи, разве что при переводе отдельных сур, а не всей Книги целиком. В послесловии говорится об особенностях рифмовки Корана, достаточно примитивной: она чаще всего построена на постановке в конце *айатов* сходных грамматических форм. Так же поступает и переводчик: «**Поведет он их по правой стезе и даст спокойствие духа умиротворяющее (И введет он их в Рай, о чем было им слово изъясняющее). О верующие, если поможете вы Аллаху, то и Он позовет вам, Он, стопы ваши Укрепляющий. А неверным на погибель будут их деяния, втуне пропадающие**» (47:5–8). По-

¹ Шидфар Б.Я. Послесловие переводчика // Коран / Смысловый пер. проф. Б.Я. Шидфар. – М., 2003. – С. 664–665.

добная рифмовка, порой с повторением одних и тех же рифм в пределах одной *суры*, играет и ритмообразующую роль, что не менее важно. Иногда ради сохранения ритма и рифмы Б.Я. Шидфар добавляет в свой текст отдельные слова и обороты, не нарушая при этом стилистического рисунка и не привнося дополнительных смыслов: «**Они поклонялись мне в умилении**» (12:4). «**Поистине сатана – враг человека явно и без сомнения**» (12:5); иногда – изменяет структуру предложения: «**Да будет твоя одежда покровом чистым**» (74:4)¹.

Передача рифмы не является для нее самоцелью – образы и мысль важнее. Примером может служить перевод *суры* 97, где в конце первых трех *айатов* стоят слова «ночь могущества» (в Коране – только в двух первых), а в последних двух *айатах* рифма дана лишь слабым намеком: «...каждое веление/...заря утренняя», зато и смысл, и образы переданы неукоснительно.

XX век «обогастил» нас также двумя русскими стихотворными переложениями полного текста Корана (В.М. Пороховой и Т.А. Шумовского), притом оба автора претендуют на то, что это не переложения, не поэтические фантазии на коранические темы, а якобы переводы, точно передающие смысл подлинника².

Это утверждение проблематично: даже если предположить, что оба переводчика – гении, которым под силу передать Коран русскими стихами без потерь, то, исходя из текста самого Корана, следует признать, что стихотворные переводы его вообще не должны иметь места: «**Мы не учили его стихам, и не годится это для него. Это – только напоминание и ясный Коран**» (36:69); «**Поистине, это – слова посланника благородного! Это не слова поэта. Мало вы веруете!**» (69:40-41). Поэтом же называют Мухаммада лишь его противники (21:5, 37:35, 52:30).

Таким образом, переводить проповедь Мухаммада стихами – занятие явно богопротивное. Тем не менее, как значится на титулах обеих книг, они получили одобрение у мусульманских авторитетов³, поэтому от них нельзя отмахнуться, как от неуместного курьеза, сомнительного по сути своей.

Оба переводчика обосновывают выбор стихотворной формы для своего перевода высокими поэтическими достоинствами Корана. По словам В. Пороховой, это «высокопафосный стих», «духовная симфония звучания»⁴. Ей вторит Т.А. Шумовский: «То, что откровения Священной Книги выражены поэтическим образом, облегчило им путь в сердца арабского народа, равнодушного к изящной, но также и строгой поэзии»⁵. Однако они забывают одну простую вещь: слова «стихотворный» и «поэтический» – не всегда синонимы. Так, например, «Стихотворения в прозе»

¹ В подлиннике: «И одежды твои очисти!»

² Порохова И.В. Вступление (от переводчика) // Коран / Пер. смыслов и коммент. Иман Валерии Пороховой. – 3-е изд. – Абу Даби, 1997. – С. 12; Священный Коран: Страницы веч. мыслей / Поэтич. пер. с араб. Теодора Шумовского. – М. – СПб., 2004. – С. 21.

³ Перевод В. Пороховой «одобрен высочайшей комиссией Научно-исследовательской исламской академии ал-Азхар, Каир, № 42 от 22.03.1997 года» (титульный лист издания); перевод Т.А. Шумовского «одобрен Шейх-уль-Исламом, Верховным муфтием, Председателем Центрального духовного управления мусульман России и Европейских стран СНГ Талгатом Таджуддином».

⁴ Порохова И.В. Вступление (от переводчика) // Коран / Пер. смыслов и коммент. Иман Валерии Пороховой. – 3-е изд. – Абу Даби, 1997. – С. 9, 15.

⁵ Священный Коран: Страницы веч. мыслей / Поэтич. пер. с араб. Теодора Шумовского. – М. – СПб., 2004. – С. 22–23.

И.С. Тургенева или «Слеза и улыбка» Дж.Х. Джебрана – подлинно поэтические произведения, хотя в них нет ни рифмы, ни стихотворного ритма.

И Порохова, и Шумовский претендуют на то, что их стихотворные «переводы» как раз и являются поэтическими. Но можно ли считать, что «эмоциональную и стилистическую приближенность к оригиналу» подарят читателю косноязычный пятистопный ямб В. Пороховой, пестрящий такими перлами: «**Они же в небрежении воротят спины**» (21:1); «**Я не причастен вашему (греху) прочить другие божества Аллаху** (6:78); «**Они вменяют милостью тебе, что приняли они ислам**» (49:17); «**Пусть принесет он нам Знамение (Господне), подобное тому, с которым слались первые (пророки)**» (21:5). Аналогичных примеров множество, но и приведенных вполне достаточно, чтобы увидеть: вирши В. Пороховой ассоциируются скорее с творениями Васисуалия Лоханкина из «Золотого тельца» И. Ильфа и Е. Петрова, чем со Священной Книгой мусульман.

У Т.А. Шумовского «перевод» написан гладким четырехстопным ямбом¹, уложенным в длинные строки (как бы «восточные» двустишия с парной рифмой), но это, пожалуй, единственная дань «восточной» поэзии. Привычный для русской поэзии размер вызывает к жизни соответствующие аллюзии, звучащие в данном контексте пародийно. Так, Аллах обращается к ангелам «**с высокой думой на челе**», а те возносят ему хвалу «**вдали от суетной молвы**» (2:30); о грешниках: «**Над ними сумрачная бедность простерла бледные крыла**» (3:112)²; праведники «**отвергли тусклый светоч и сладкий яд земных утех**» (добавлено в скобках к 2:5). А «богатые средства русского языка», которыми гордится переводчик³, встречаются на страницах его перевода достаточно часто: «**земная жизнь – игра и только, забавы в ней таится статья**» (29: 64); «**Немало есть везде животных, какие в свой житейский час не создают себе питания, Господь питает их и вас**» (29:60); «**при нем душа людская и человеичье естество**» (21:3)⁴.

В заключение я хочу привести пять переводов выбранной мною наудачу суры 101:

И.Ю. Крачковский

Поражающее! И что есть поражающее?
И что даст тебе знать, что такое поражающее?
В тот день, как люди будут, как разогнанные мотыльки,
и будут горы, как расщипанная шерсть...
И вот тот у кого тяжелы весы, – он в жизни блаженной.
А у кого легки весы, – мать его – «пропасть».
А что даст тебе знать, что такое она? –
Огонь пылающий!

¹ Это справедливо для большей части сур. В переложении некоторых ранних сур Т.А. Шумовский иногда использует и другие стихотворные размеры: хорей, амфибрахий и др., а также (изредка) дольники.

² Так и хочется продолжить по А.А. Блоку: «И не было ни дня, ни ночи / А – только тень огромных крыл».

³ Священный Коран: Страницы веч. мыслей / Поэтич. пер. с араб. Теодора Шумовского. – М. – СПб., 2004. – 3-е изд. – СПб., 2004. с. 21.

⁴ В Коране: «человек, подобный вам».

М.-Н.О. ОСМАНОВ

Сокрушающая беда (т.е. Судный день)!
Что такое сокрушающая беда?
Откуда тебе знать, что такое сокрушающая беда?
[Это случится] в тот день, когда люди будут рассеяны, словно мотыльки,
когда горы станут [мягкими], словно расчесанная шерсть.
Тогда тот, чья чаша [добрых деяний] перетягивает на весах,
будет благоденствовать,
тому же, чья чаша [добрых деяний] на весах окажется легче,
пристанищем будет [адская] пропасть.
Откуда тебе знать, что это такое?
[Это] – пылающий огонь.

Б.Я. ШИДФАР

День поражающий.
Что за день поражающий?
Ведомо ли тебе, что есть День поражающий?
Когда люди будут словно рой саранчи рассеянный,
Когда горы станут словно клочки шерсти расчесанной,
У кого перевесит чаша добра в День Воскресения,
Пребудет в блаженстве и наслаждении.
У кого будет легкой чаша добра в День Воскресения,
Станет матерью его бездна огненная.
А ведомо ли тебе, что есть бездна огненная?
Пламя жаркое, сжигающее.

В.М. ПОРОХОВА

День бичевания –
Каков он – День (Господнего) Бича?
Что объяснит тебе, каков он – День Бича?
В тот День рассеются, подобно мотылькам, все люди,
Подобно паутинкам легкой шерсти повиснут горы.
И для того, чьи добрые деянья перевесят,
Жизнь уготована в прекрасном Рае, где он найдет блаженство и покой.
Но тот, кто легковесен был в земных деяньях,
Найдет убежище себе во Рву бездонном.
Как объяснить тебе, каков он, этот Ров?
Слепящим пламенем горит он!

Т.А. ШУМОВСКИЙ

О поражающее! В нем какое свойство?
Что есть оно, ты ведаешь едва ли.
В тот День людей обнимет беспокойство,
Как мотыльков, которых разогнали.
Тогда, что клочья шерсти, горы станут.
Кто взвесит больше – тот живи блаженно.
А у кого весы людей обманут,
Такому матерь – пропасть несомненно.
Что эта пропасть? Кто тебя научит?
Она огонь, который жадно мучит.

Не буду комментировать. Пусть читатель сам решит, почему эти переводы такие разные и который из них «лучше».

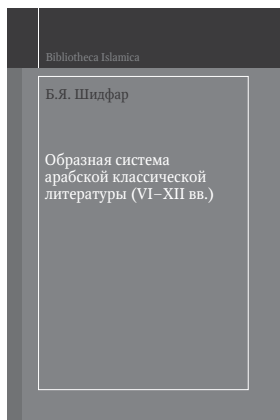
ВЫПУЩЕНЫ СЛЕДУЮЩИЕ ИЗДАНИЯ

Б.Я. Шидфар. Абу Нувас: Роман. М.: Изд. дом Марджани, 2011.

Роман-биография «Абу Нувас» подобен искусно вытканному ковру-самолету. С его помощью мы переносимся в эпоху, хорошо знакомую нам с детства по сказкам «Тысячи и одной ночи». Читателю – счастливому обладателю этой книги – предстоит побывать на приеме у легендарного халифа Харуна ар-Рашида, послушать состязание самых прославленных поэтов, погостить в шатре гостеприимных бедуинов, побродить по улицам ночного Багдада, полным опасностей и соблазнов, вместе с главным героем романа – поэтом Абу Нувасом. Написанный более тридцати лет назад, роман все это время хранился, дожидаясь своего часа, в архиве семьи автора – известного ученого-арабиста, переводчицы стихов Абу Нуваса и других арабских поэтов Б.Я. Шидфар (1928–1993).

Б.Я. Шидфар. Образная система арабской классической литературы (V–XII вв.). 2-е изд. М.: Изд. дом Марджани, 2011.

Книга Б.Я. Шидфар является уникальным в отечественной традиции исследованием по стилистике классической арабской литературы. Монография охватывает доисламскую арабскую поэзию, текст Корана, поэзию «нового стиля» VIII–IX вв. Подробно рассматривается генезис и трансформация арабских традиционных поэтических жанров – *касыды*, *мадха*, *васфа*, *газалья*, *хиджа*'. Предметом монографии является эволюционное развитие образной системы арабской литературы от древней эпической, натуралистической стадии художественного мышления, характеризующейся стихийностью, до сложной рациональной системы, тяготевшей к универсализму и поиску строгой закономерности в эпоху расцвета арабо-мусульманской культуры.

Текст монографии печатается практически без изменений, с небольшими поправками в системе транслитерации. Книга рассчитана на специалистов по арабской литературе, филологов, исламоведов, а также всех интересующихся классической арабской литературой.

ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛ «ЧЁТКИ»

Оформите подписку в редакции журнала.

Стоимость подписки в редакции (включая стоимость доставки):

за один номер –150 р.

годовая подписка – 600 р.

Оплатив квитанцию (находится на обороте), необходимо выслать ее в редакцию удобным для Вас способом вместе с заполненным купоном. Оплаченная квитанция является документом о подписке.

**Подписной купон журнала «Чётки»
на № 1 2007 г., № 1 2008 г., №№ 1-4 2009 г., №№ 1-4 2010 г., № 1-2 2011 г.**

Фамилия _____ Имя _____ Отчество _____ Желая подписаться на получение: В количестве _____ экз.	Мой адрес: Индекс: _____ Страна: _____ Город: _____ Область: _____ Улица: _____ Дом: _____ корп. _____ кв. _____ (Заполните печатными буквами)																		
<table border="1" style="width: 100%; border-collapse: collapse; text-align: center;"> <tr> <td>1 (2007 г.)</td> <td>1 (2008 г.)</td> <td>1 (2009 г.)</td> <td>2 (2009 г.)</td> <td>3 (2009 г.)</td> <td>4 (2009 г.)</td> </tr> <tr> <td>1 (2010 г.)</td> <td>2 (2010 г.)</td> <td>3 (2010 г.)</td> <td>4 (2010 г.)</td> <td>1-2 (2011 г.)</td> <td></td> </tr> <tr> <td colspan="6">Номера(ов) журнала (Выбранные зачеркнуть)</td> </tr> </table>	1 (2007 г.)	1 (2008 г.)	1 (2009 г.)	2 (2009 г.)	3 (2009 г.)	4 (2009 г.)	1 (2010 г.)	2 (2010 г.)	3 (2010 г.)	4 (2010 г.)	1-2 (2011 г.)		Номера(ов) журнала (Выбранные зачеркнуть)						
1 (2007 г.)	1 (2008 г.)	1 (2009 г.)	2 (2009 г.)	3 (2009 г.)	4 (2009 г.)														
1 (2010 г.)	2 (2010 г.)	3 (2010 г.)	4 (2010 г.)	1-2 (2011 г.)															
Номера(ов) журнала (Выбранные зачеркнуть)																			

	Получатель: Форма № пд-4 ООО «Издательский дом Марджани» ИНН7736557629 В филиале «Гостинный Двор» КБ «Рублевский». г. Москва, БИК 044552218 Расчетный счет № 40702810700000003047 Кор. счет № 30101 810400000000218									
	Фамилия И.О., адрес плательщика									
	<table border="1" style="width: 100%; border-collapse: collapse;"> <thead> <tr> <th style="width: 65%;">Вид платежа</th> <th style="width: 15%;">Дата</th> <th style="width: 20%;">Сумма</th> </tr> </thead> <tbody> <tr> <td>Оплата подписки на журнал «Чётки»</td> <td></td> <td></td> </tr> <tr> <td> </td> <td></td> <td></td> </tr> </tbody> </table>	Вид платежа	Дата	Сумма	Оплата подписки на журнал «Чётки»					
Вид платежа	Дата	Сумма								
Оплата подписки на журнал «Чётки»										
ИЗВЕЩЕНИЕ	Получатель: ООО «Издательский дом Марджани» ИНН7736557629 В филиале «Гостинный Двор» КБ «Рублевский». г. Москва, БИК 044552218 Расчетный счет № 40702810700000003047 Кор. счет № 30101 810400000000218									
	Фамилия И.О., адрес плательщика									
	<table border="1" style="width: 100%; border-collapse: collapse;"> <thead> <tr> <th style="width: 65%;">Вид платежа</th> <th style="width: 15%;">Дата</th> <th style="width: 20%;">Сумма</th> </tr> </thead> <tbody> <tr> <td>Оплата подписки на журнал «Чётки»</td> <td></td> <td></td> </tr> <tr> <td> </td> <td></td> <td></td> </tr> </tbody> </table>	Вид платежа	Дата	Сумма	Оплата подписки на журнал «Чётки»					
Вид платежа	Дата	Сумма								
Оплата подписки на журнал «Чётки»										

ISSN 20702205903

9 772070 220008

Фонд Марджани